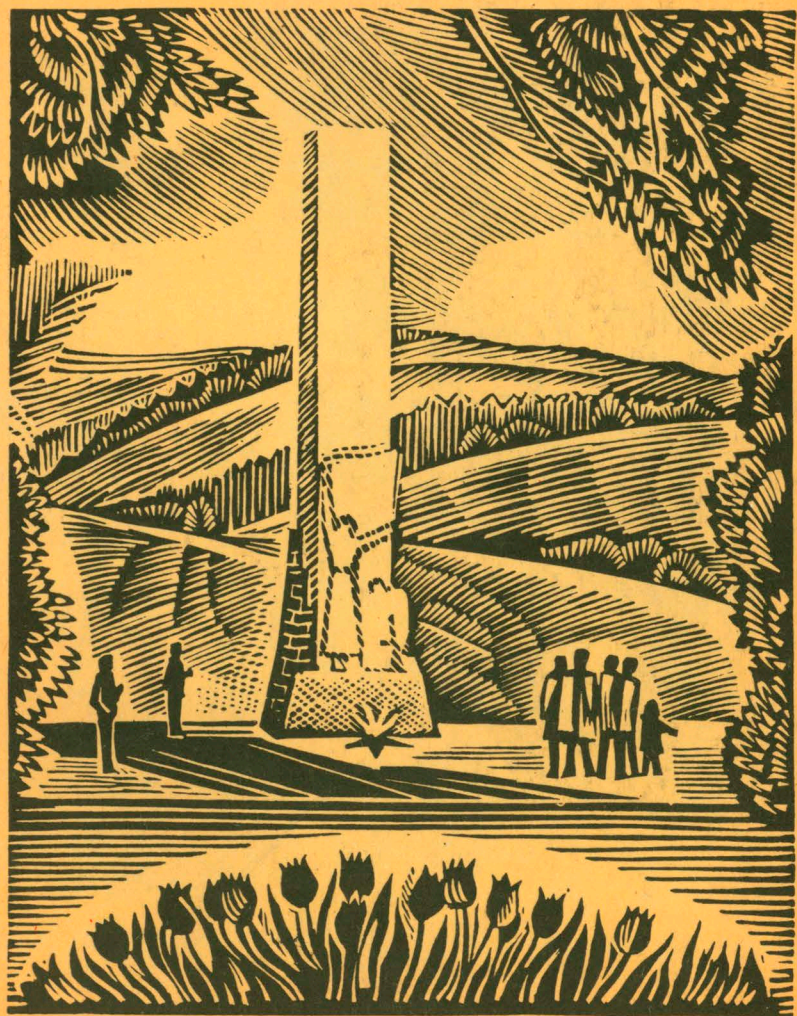

0-38
442981

№2·1978 **ОГНИ** апрель-июнь **КУЗБАССА**

Сергей Донбай

•

Весенний воздух, наизусть
Заученный, почуем снова,
И вырывается из уст
С улыбкой сказанное слово!

Освобожденная вода —
Усилье света и прохлады!
И неосознанны тогда
С улыбкой брошенные взгляды...

Широк распах воротника!
Как мысли, связанные с небом,
Над головою облака
Торопятся высоким слэдом.

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Выходит ежеквартально

Год издания 30-й

390407

№ 2(59)

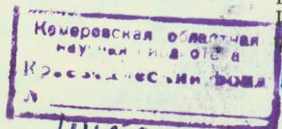
В Н О М Е Р Е

ПОЭЗИЯ

- Михаил Небогатов. Барзас. Шурипка. В детстве.
Васильки. Змей. Августовский рассвет 34
- Николай Колмогоров. «Я за того, кто ясным сло-
вом лечит...» «В чем слова жизненный секрет...» «Есть
пауза в осенней непогоде...» «Я жил у рекостава, там,
где люди...» В неоскорбляемой части души...» «Поэзия
не жизнь, а лишь о жизни слово...» 36
- Игорь Киселев. «Что мне делать с никуда негод-
ным...» Песенка про великого неудачника. Честь имею. . 48

ПРОЗА

- Владимир Коньков. Утренняя смена. *Повесть* . . . 3
- Владимир Куропатов. Голубой конь. *Рассказ* . . . 39
- Игорь Дручин. Полигон неожиданностей. *Научно-
фантастический рассказ* 50

НАШ СОВРЕМЕННИК

Юрий Дьяконов, Михаил Беркович. БАМ —
солнце Якутии. 70

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Любовь Никонова. Летние картинки. 81

ПУБЛИЦИСТИКА

Муза Гладкова. Агония женственности. 89

На первой странице обложки: худ. Н. Кофанов. «Наш
город».

На второй странице обложки: худ. Н. Кофанов. «Весна»

Редактор В. М. МАЗАЕВ

Редакционная коллегия: В. М. Баянов, А. Н. Волошин, Г. А.
Емельянов, И. М. Киселев, В. Ф. Куропатов, В. В. Махалов
(отв. секретарь), З. А. Чигарева, Г. Е. Юров

Адрес редакции: 650099, Кемерово-99, Советский пр., 94
Тел. 6-85-14

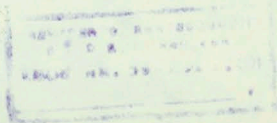
Рукописи не возвращаются

Ведущий редактор Л. В. Глебова, худож. ред. А. С. Ро-
товский, техн. ред. Г. В. Адова; корректор Е. И. Тимо-
щук

Сдано в набор 8. II. 1978 г. Подписано к печати 17. IV. 1978 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 7,32.
Уч.-изд. л. 8,08. Тираж 5000. ОП 00270. Заказ 2500. Цена 50 коп.
Кемеровское книжное издательство, Кемерово, Ноградская, 5.
Кемеровский полиграфкомбинат, Кемерово, Ноградская, 5.

О 0732—27
М 145(03) 78 26—78

© Кемеровское книжное издательство, 1978

Владимир Коньков

УТРЕННЯЯ СМЕНА

ПОВЕСТЬ

Я с раздражением отметил про себя, что говорю совсем не то, о чем думаю. Неприятное чувство усиливалось от того, что она понимала мое состояние и, как мне казалось, глядя на меня с веселым любопытством, испытывала удовольствие от моей растерянности.

Она совсем не торопилась уходить. Я незаметно взглянул на часы: минут через тридцать-сорок Тамара должна быть дома.

«К чему об этом думать?» — сказал я себе и посмотрел в окно. — Как поздно светает!» — отметил я, увидев в фиолетовом зеркале рамы свою склоненную голову, а вслух спросил:

— Как спалось?

Она сидела за столом, зажав в ладонях чашку с чаем. Неуютно, холодно было в квартире. Впрочем, это от неожиданности, от непривычки. Совсем недавно теплый осенний ветер подметал тротуар под нашими окнами. По-летнему ходили женщины октябрьскими днями в платьях, мужчины в рубашках-распашонках. Ждали, все ждали, когда же наступят холода! И вот неожиданно резко похолодало.

— Как спалось? — я чуть повернул кисть левой руки и скосил глаза на циферблат. Такой обычный, произвольный, жест, да и слова-то обяза-

тельные, первопопавшиеся. Но в них прозвучала все-таки моя озабоченность, потому что она, теперь уже откровенно жалея, улыбнулась понимающе:

— Милый ты мой человек! Если бы ты знал, как я тебе благодарна за все!

Улыбались и ее глаза. Может быть, именно это и раздражало меня больше всего. — Милый ты мой человек. Подумать страшно, что бы я делала без тебя?

— Ну о чем разговор! — сказал я, и получилось у меня это так притворно бодро, что я вконец рассердился на себя. Вот когда я и поймал себя на том, что произношу одно, а голова занята совершенно другим.

Думал я о Тамаре. Могла жена не купить билет? Вполне. На работу ей во вторую смену, так что логично, если бы она не стала торопиться. Успеет автобусом.

Я рассуждал про себя, и в то же время пытался изобразить снисходительную улыбку. Только если на моем лице и была какая-нибудь гримаса, то уж меньше всего она напоминала улыбку. И опять по ее глазам я об этом догадался.

Она сказала:

— Я сейчас уйду. — Но все так же продолжала держать чашку.

Я пытался изобразить нечто вроде недоумения, а сам продолжал думать о жене.

Что бы я ей сказал, окажись Тамара в подобной ситуации? А вслух попытался как можно бодрее, даже весело сказать:

— Куда тебе в такую рань? Мне, сама понимаешь, на шахту, сегодня в первую, а тебе что? Отдыхай,— уговаривал я ее, в то время, как нестерпимо желал, чтобы она скорее ушла сейчас и навсегда.

Как все глупо получилось! Совершенно ни к чему мне это приключение. Смешно сказать! Мог ли я об этом подзреть еще вчера вечером? О том ли мне думать сегодня, когда у нас в бригаде такой день? Мы, наконец, запускаем нашу машину. Мою машину!

Невесть, правда, какое изобретение, но зато теперь не вручную будем нишу вынимать в лаве. Так сказать, стартовую площадку для комбайна. Мороки с ней предостаточно было, а теперь все должно пойти как следует. Батя, наш механик, доволен:

— Голова у тебя варит, Токарев!

А я должен эту голову ломать черт знает над чем! Мне же надо спешить на шахту.

С каким облегчением я вздохнул, когда дверь квартиры захлопнулась за нами, и я, торопливо пробурчав слова прощания, почти бегом направился к автобусной остановке.

Сейчас вновь и вновь я все это переживаю. Мы, то есть утренняя смена нашей бригады, трясемся в крытом брезентом газике в стылом полумраке по дороге к новому шахтному стволу. И слышу ее, Ларискины, слова, и вижу, будто в зеркале, свое растерянное лицо. А у меня на нем, как утверждает жена, всегда все написано.

— Бригадир, кончай дремать! — на-шел меня в темноте голос Бориса Ко-

валева. — Ты у нас человек ученый, ну скажи, пустяки это или нет?

— Пустяки, — отвечаю я, хотя не слышал, о чем шел разговор, по крайней мере, не улавливал смысла слов.

— Почему же? Объясни тогда, — пристал ко мне Борис.

В это время машину нашу вдруг резко качнуло в одну, затем в другую сторону. Нас всех приподняло, и жестко опустило на деревянные скамейки.

Судя по такому броску, наш «ГАЗ» повернул от старого террикона вправо. Эту выбоину мы все знали.

В машине нас одиннадцать — первая смена комсомольско-молодежного батальона, как выражается Батя, механик, человек уже возраста преклонного, души доброй. Одиннадцать, то есть третья часть всей бригады шестого участка с шахты «Кедровая дача». А я, Анатолий Токарев, их бригадир.

Оживление, вызванное толчком, отвлекло внимание ребят от вопроса Бориса Ковалева ко мне и от несуразно прозвучавшего моего ответа. Настырность Ковалева известна каждому на участке. С первого его появления у нас стало ясно, что за характер у парня.

Боря Ковалев, машинист механизированной крепи, пришел к нам недавно. Несколько лет назад. В нашей бригаде чуть ли не у каждого рабочий стаж за десяток лет. А средний, как говорится, возраст — двадцать семь. Рабочий стаж у нас вместе с армейским считается. Мы, например, вместе с Соколовым из этой же бригады в армию уходили. А я бригаду принимал у Геннадия Воронова. Он институт закончил и теперь работает механиком на восьмом. Борис к нам пришел, когда мы уже вовсю осваивали первый на шахте добычной комплекс.

Сказать — осваивали. А честно, тяжкое время было. Все в диковинку, все в новинку. Задора и силы хватало, конечно, а умения-то еще не было!

Смешно: по 300—250 тонн, бывало, выдавали!

Механизированную крепь у нас, правда, на нескольких участках применяли к тому времени. А работали молотком. Это все равно, что, скажем, трактор в семьсот лошадиных сил в однолемешный плуг запрягать. И почему-то добычные комбайны никак не приживались. Хлопот с ними было много, но, в основном, надеялись на силу и смекалку, для горняка дело более привычное.

Лиха поначалу, верно, хлебнули. Да и сейчас тонны без пота на-гора не выдаются. Что это за работа, на которой не потеют? Тут хоть танцоров возьми, хоть космонавтов. Но пот поту рознь, верно?

Отец мой всю жизнь крепильщиком в шахте проработал. Главным кормильцем у него был топор. Притаскивают лесогоны листовые столбы, в забой или лаву, затяжки, горбыли, огнива. Вот и рубил из них отец «круги» — крепь шахтовую. Сколько у него за двадцать пять лет «кубиков» вышло?

А у Ковалева, машиниста крепи, совсем другая работа, тонкая. Не топор — гидравлическое устройство у него в руках. И не лесины, а мощные металлические секции, попросту сказать, подпорки. Поворачивает он рукоятки гидрораспределителя, и уже эти железные балки на какое-то мгновение приседают, и оголяются страшные сантиметры пустоты. Кажется, вот-вот освобожденная гора, воспользовавшись моментом, надавит всей громадой. Но нет. Поворачивает машинист рукоятку, и, послушные его команде, одна за другой прижимаются к груди забоя секции, вновь принимая на свои плечи невообразимую тяжесть горы. Впечатляющая картина! Удивительно, а словами не рассказать.

У шахты, как у моря — свои законы. У каждого пласта свой характер. Бы-

вает, они словно бы сами просятся — бери! А бывают такие коварные, что хоть криком кричи! Всякое случается. Так вот как раз в то время, когда мы этот комплекс осваивали, и попросился к нам в бригаду Борис Ковалев.

— Я очень удивительный, — объяснял свою просьбу, — то есть любознательный. Интересно, думаю, у вас должно быть.

Интересно, верно, было, да показала характер свой наша лава. Круто нас в оборот взяла.

После монтажа недели две только спокойно и поработали. Нарадоваться не могли. Но вдруг стала сверху, сквозь секции, порода сыпаться, как будто ее там специально для нас кто-то запас. Ни конца, ни края не видно. Пройдет комбайн стружку, то есть по всей длине лавы отрежет пласт угля, а уголь-то наполовину с породой. Я только бегаю вниз да вверх.

Все делаем, как надо. Крепь пытаемся все плотнее прижимать, а эффекта никакого. Мишка Федоров, лучший наш комбайнер, если бы такое соревнование устраивать, точно бы приз за художественное вождение комбайна взял, — так тот прямо при народе и рубанул:

— Толку не будет, лучше демонтировать комплекс, и все.

А что такое — перемонтаж? Это же понимать надо. Да и куда? Кто нам под него новое место приготовил? Но выход надо же было найти какой-то? И Ковалев выручил нас.

— Любопытно мне, — говорит, — это непонятное геологическое явление. Однако до его тайн пусть ученые докапываются. А не попробовать ли над секциями деревянный настил класть?

И в самом деле, как нам это в голову не приходило раньше.

— Как же ты дошурупил? — спрашиваю Бориса.

— Уж такой, — отвечает, — характер. Вопросом задался — не отступлюсь...

...И вот сегодня, сейчас, как только ребята после встряски уселись, угомонились, потеснее прижались друг к другу — по нынешним заморозкам в машине не очень жарко — Ковалев и вспомнил свое:

— Почему же ты, бригадир, считаешь, что все это пустяки?

— Потому что не он это придумал, — слышалось откуда-то у меня из-за спины. По голосу я узнал Нурия.

Я ничего не ответил Ковалеву.

Мне очень захотелось взглянуть на часы. Если Тамара выехала поездом, то она уже давно дома.

В каком-то странном параллельном движении направлялись мои мысли. С одной стороны, следовало найти ответ на вопрос Бориса. Не привык я оказываться в смешном положении. Не привык и не люблю.

С другой стороны, не мог я не думать о жене. О том, как она сейчас ходит по квартире, подбирая мои вещи и газеты, беззлобно ворча на меня. Добрая душа Тамара. А может быть, она уже позвонила Лариске? От этого предположения мне стало очень не по себе. Во всем, что произошло, собственно, нет виновных, — случается же с нами такое, неизбежное, неотвратимое и мучительное. Когда поздно ночью раздался звонок, что, собственно, было не новостью — ночные гости в нашем доме не редкость, — я, однако, вздрогнул. И не столько от неожиданности, сколько от предчувствия. А уж увидев на пороге маленькую, остроносую, улыбающуюся Ларису в ее излюбленном детском капюшоне, радостно и испуганно растерялся...

Лариса, шумная маленькая Лариса, совсем незаметно вошла в наш дом. Таких знакомых у нас до нее не было. Она появлялась вдруг, неожиданно, перед этим не заходя по неделе, а то и по две. Всегда радостная, с кучей новостей из своей непонятной и странной для нас жизни. Была она худож-

ницей. Носила брюки, блузки невероятных расцветок и фасонов и вдобавок ко всему, — я удивлялся, как это не раздражало жену, — отчаянно курила.

В доме у нас всегда порядок. Такой порядок, что другой раз и нет сил.

Не так положил, не туда повесил!

А Лариска — пожалуйста! На тахту с ногами. Подушки под спину. Сидит, печенье грызет.

— Ох, ребята, до чего у вас хорошо! Уходить не хочется.

А Тамара рада-радешенька! Подкармливает да приговаривает:

— А ты угощайся, угощайся.

Тамара моя, аккуратистка и блюстительница строгих нравов, на удивление близко к сердцу приняла эту взбалмошную девчуху.

Вообще-то они, наверное, ровесницы. Но домовитая, обстоятельная хлопотунья Тамара относится к Лариске, по меньшей мере, как заботливая старшая сестра.

Начнет печь блины или жарить рыбу и непременно, когда сядем за стол, вспомнит:

— Вот бы занесло Лариску. Поела бы. Где-нибудь опять голодная сидит или печенье сухое грызет, бедняжка.

Может быть, это у нее оттого, что наша дочка, маленькая Катька, живет у бабушки? Учебные дела наши заволокли Катюху в Ленинск-Кузнецкий. Живется ей там весело, и она зовет нас по именам — Толя, Тома, ну, как зовут нас старики. Смех прямо! И домой не собирается вовсе. А в нашей двухкомнатной, обставленной дорогой мебелью квартире без ее разбросанных игрушек, без ее крика и шума порой бывает тоскливо. Конечно, закончит Тамара учебу — тогда будет проще. Но задумываюсь я иногда вот о чем: почему это человека все время к простоте тянет? Что-то тут неправильно. А как быть? Этого я не знаю. Как-то однажды я сказал жене:

— Тебе не кажется, что все у нас

уж очень правильно и по-деловому, да и больно гладко. У Ковалевых двое, Борька тоже учится, да еще мичуринский у них, Галина работает, а выкручивается?

— Вот именно. Крутится как белка. В парикмахерскую некогда забежать. Это, по-твоему, жизнь? Совсем обабилась. Думаешь, она бы не хотела поиному? Не крутиться, а жить надо, Толя! Конечно, не было бы стариков, но раз они есть! Будут же и у тебя внуки, и разве ты станешь по-другому поступать, а? Не будешь их нянчить? Да и Катюхе, сам знаешь, у бабушки лучше, чем в круглосуточных яслях. Ты сколько раз ее оттуда забирал? Не припомнишь, милоч, не пытайся! — она засмеялась, и на ее румяных щеках обозначились маленькие ямочки. Ямочки, которые будто освещали ее круглое лицо с прямыми черными бровями, светом доброты и ласки. Катюха любила, сидя у матери на коленях, играть с этими ямочками.

— Тома, дай дынчки, — просила она мать, и как только Тамара улыбнется, Катька спешила ткнуть пальчиком в эти «дынчки».

— Думаешь, мне без Катюхи хорошо? Но я хочу, чтобы всем нам было хорошо. И будет хорошо. Верю я в это. И тебе я не надоем в домашней растрепанности, и ты мне не опостишь занятостью и укорами. Вы же, мужики, не только эгоисты, а еще и частнособственники. Зачем же ты меня осуждаешь? И в чем моя вина? В том, что я хочу чувствовать себя любимой женщиной? И не только хочу, но и стремлюсь к этому? Галка тоже хочет и тоже стремится. А Борька твой? Помнишь, как он сказал ей в прошлый раз: «Училась бы у Тамары следить за собой и порядок в квартире содержать...»

— А я-то знаю, у нее в это время Кирка болела, и в мичуринском своем он ее как поденщицу замордовал. Это,

по-твоему, как называется? Ему бы спасибо говорить, а Борька ее до слез довел.

— Не со зла же, — возразил я. — Просто пошутил Борис. Он же ей во всем помогает. Только и слышишь от него: в детсад надо, молока купить, ягоды в этом году девкам на всю зиму хватит, еще и продали три ведра.

— Видишь ли, я вот соседке тоже помогала. Платье ей сшила. Так от вас же разве только помощь, разве работа грузчика требуется? Жене душевное внимание надо. Честно сказать, не ждала я этого от Бориса... ох и рассердилась я за Галку на него.

Между прочим, это было как раз в тот день, когда мы и познакомились с Лариской. В мае или апреле? Нет, скорее всего, в мае. Старший из Нурсаламовых, их у нас двое братьев в бригаде, купил «Москвича». Третья машина в нашей бригаде. Про мотоциклы уж чего и говорить. Почему, помнится, в мае? Потому что как раз у нас неприятность, и очень крупная, вышла.

Оба брата, опытные комбайнеры, горячие ребята, и оба — звеньевые. Рустам старший. Он и привел Нурия, когда сразу двух наших комбайнеров в армию призвали.

До этого Нурий работал на одиннадцатом, тоже звеньевым в молотковой лаве. Ловкие у него ребята там были, редко случалось, когда на комитете комсомола итоги подводим, чтобы звену Нурсаламова выпел за первое место не досталось. С боем пришлось его с одиннадцатого уводить, что там было.

Но я так: уж чего задумал, на что решился, своего добиться должен. И главное: не для себя ведь выгоду ищу. Комплекс на шахте — последнее слово техники. Кто ее должен эксплуатировать? Лучшие, безусловно.

В свое время, когда речь об этом

зашла, многие бригады наотрез, к примеру, на том же одиннадцатом, отказались. Не потянем, дескать. А мы решились. И, конечно же, соответственно нам и люди такие смелые, энергичные нужны. В этом наш интерес. А разве общего интереса в этом нет?

Я сказал, что не для себя выгоду ищу. Тут может показаться, что я от своей-то выгоды могу отойти. Нет! Такого быть не может. Какой же я тогда, к черту, бригадир? Да ребята мне тут же по шее дадут и правы будут, если я свой, а значит, их интерес не буду держать? Нет. Я своим делом живу, как паук паутинкой!

Да и вообще, какой человек не своим интересом живет? Есть такой? Нет. Все дело только в том, что это за интерес? У нашего Мишки Федорова золотые руки, да дурной голове достались. Так у него один интерес, как бы гулнуть на дармовщинку, да еще и любовь покрутить. И ведь получается у рыжего черта. И за что его девчонки любят? Разве что за веселый нрав да услужливость. Ох, уж это он умеет. Даже Тамара и та за него заступается, сумел в душу влезть.

А взять Рустама. Свой же интерес блюдет, но как! Вот в этом-то и вопрос!

Я только что вернулся с сессии, сдавал за третий курс, учусь я в политехническом на отделении горной механики, а бригадировал за меня Рустам. Это у нас давно так заведено. Парень он самостоятельный, с характером, можно сказать, законченный бригадир. У меня оставался один день отпускной, но разве усидишь дома. Почти месяц ребят не видел, что у них делается — не знаю. И совсем не потому, что боюсь, что без меня «и солнце б не светило!», здесь другое дело. Сразу подходящего слова не подобрать, однако меня поймет всякий, для кого его дело единственное. Поэтому я с утра, сразу на другой день после воз-

вращения, и поехал на шахту. Ребят, к сожалению, не застал уже, смена спустилась. В раскомандировке еще оставались начальник участка, механик и Колька Яблоков — электрослесарь, наш комсомольский секретарь.

— Ну, бригадир, вовремя ты нарисовался, — приветствовал меня Яблоков. — Тут у нас такой кипиш! Читай! — Он пальцем указал на доску объявлений.

Читаю: «В три тридцать внеочередное открытое комсомольское собрание. Повестка дня: разбор заявления Рустама Нурсаламова. Явка обязательна. Бюро».

— Что это за заявление? — Я пока не очень расстроился. Видимо, от того, что Колька, когда мне пальцем на объявление указывал, весь как-то светился от удовольствия. Но нетрадиционность повестки дня удивила меня. Я еще не знал, в чем дело и, хоть убей, ничего придумать не мог, тем не менее, в душе зашевелилось что-то неприятное.

— ЧП? — спросил я у начальника. Тот кивнул в сторону Кольки:

— Он тебя введет в курс дела.

А механик спросил меня:

— Ну, как твоя курсовая?

— В самом деле, как? — полюбопытствовал и начальник.

— Курсовая в порядке, — об этом я и хотел в первую очередь рассказать. Практически она наша общая работа. Над нею мы возились долго сообща. Делали приспособление для механической подготовки ниши, нечто вроде лавной стартовой площадки для комбайна.

— Курсовая на «ура» прошла, — повторил я, — а у вас тут, вижу, внутриведомственное разногласие?

— Да нет, — Колька опять расцвел в улыбку, — просто ссора. Братья поссорились.

Видно, такое искреннее недоумение обозначилось на моем лице, что на-

чальник посочувствовал и, как мне показалось, не без иронии:

— А ты крепись, крепись, бригадир!

Пока еще робко, где-то на самом дне сознания, во мне зародилось раздражение. Но справедливости ради надо заметить, причины для этого я не видел. Хотя бы только потому, что знал же я Нурсаламовых. Знал. А кроме того, не хвалюсь, ребята больше всего и уважали меня за то, что я никогда не принимал решений, прежде чем не разберусь в происходящем и не взвешу все «за» и «против». А здесь меня это чувство разумного равновесия стало покидать.

— Ты чего же это скалишься, вроде как подарок получил? — не сдержался я, обращаясь к Кольке. — Комсорг называется. Да в конце-концов, скажите вы мне, в чем дело?

— Будет собрание и поговорим, — начальник поднялся из-за стола. — Там и встретимся.

— Да все нормально, Толя! — Колька-маленький, живчик такой, артист и спортсмен, пропустив мимо ушей мои слова, сообщил: — А Мишке Федорову опять в клубе морду набили. Конечно, за девочку. Но девочка, я тебе скажу! Новая ламповщица у нас. Мишка говорит: «За такую богиню и синяки носить приятно». Так что не огорчайся, все в порядке.

Тут уж и я засмеялся. Представил себе рыжие Мишкины кудри и под глазом сизый синяк. Как же он, красавец, на танцы ходить будет? Хотя ему это не впервой.

— А братья не поладили всерьез. Не здороваются даже! Знаешь же Нурия? Своя рубашка ближе к телу! — сказал Яблоков.

Я же вот о чем подумал. Нет, не подумал, а сразу как-то ощутил, понял и скорее всего догадался вдруг, неожиданно догадался. Я, знаете, за то, чтобы своя рубашка была ближе к телу. И не поверю тому, кто будет это отри-

цать. Потому что живем один раз. Но здесь и возникает вопрос, а как живем? Мой дед был крестьянин, красноярский крестьянин. Приехал он на шахты в Прокопьевск еще в двадцатых. Чего он хотел? Я не вас спрашиваю, а сам себе отвечаю — лучшей жизни. Вы думаете, ему его рубашка не была ближе к телу? Смешно сказать, тем более, что у него была одна рубашка, а детей, не считая моего отца, еще шестеро. У соседа же было четверо. И завалило в забое соседа. И надо было его откапывать. И пошел его откапывать дед. Потому что один раз живем, потому что своя рубашка ближе к телу. Потому что, если в теле темная душа, то ее не прикроет никакая рубашка. Деда похоронили вместе с соседом. Однако же и это дедовы слова — мне их бабушка все повторяла: «Один раз живем! Значит, мы должны жить так, чтобы и нашим внукам о нас рассказывали!»

Внуки! Можно, конечно, и посмеяться над этим, дескать, куда хватил! Нам с Тamarой вместе и шести десятков не наберется, но убежден я, что без оглядки в прошлое человек не в силах себя до конца, полностью обозначить в жизни. И тем не менее, эти мысли потом уже ко мне пришли, а вначале, помню, почувствовал необъяснимое раздражение.

Это ощущение не оставляло меня и на собрании. Сидели в комнате нашего участка, небольшой и тесной, близкой каждому из нас, сидели в соответствии со старой пословицей: «В тесноте, да не в обиде».

Первые минуты встречи: «Как сдал? Когда приехал? А машина-то на мазин!» Нетерпеливые и сбивчивые слова. Которые, кажется, и необходимо сказать только сейчас, и радость оттесняет веселой бестолковостью заботы и дела.

Но от меня не ускользнула сдержанная, более того, настороженная вежливость Нурия Нурсаламова, всегда та-

кого открытого и искреннего в выражении чувств. Заметил я скованность Рустама, брата его. Дома, уже поздно вечером, я все-таки нашел корни своего раздражения. Шло оно от непривычного состояния так хорошо мне знакомых моих товарищей. Оказывается, в нашей жизни, вроде бы раз и навсегда отрегулированной, могут возникнуть подобные ситуации. Мне ведь казалось, что мог я о каждом из нас рассказать многое. Предсказать ход жизни каждого на десять лет вперед, а выходит, что нет! Тот же Колька Яблоков, по-своему рассудив мое состояние, заговорщически похлопал меня по плечу: «Бригадир, считай, что тебе надо брать первую стружку...»

— Будем начинать, товарищи, — голос его сразу приобрел официальную торжественность.

И все-таки, чтобы понять как следует, что же случилось у нас в бригаде, надо бы знать, как мы работаем.

Пласт наш словно в насмешку окрестили геологи «Благодатным». Мука одна, а не благодать на самом деле получается.

Путь, который проходит комбайн, отрезая уголь, как мы говорим, «стружку», весь в выбоинах, колдобинах. На дороге машины то и дело колчеданы встречаются. Такие, если на свет поглядеть, красивые золотистые камни. А крепость в них — черт зубы сломит. Сами понимаете, комбайн не такси, лава не проспект. Уж на что Мишка Федоров комбайнер экстракласса, но и ему туго приходится. И поэтому в наших условиях, как никогда, даже непреднамеренная промашка может общей бедой обернуться, а если еще прибавить к тому слабую кровлю, то всякий горняк поймет, какая у нас «благодать».

Пробовали колчеданы вырезать. Мишка комбайновыми щеками словно артист на каком-нибудь инструменте манипулировал — играл. Но даже у

него редко подобру обходилось. Проку из этой угольной хирургии мало. Не по зубкам щекам колчеданы. И ломаются зубки.

А это всякому понятно — остановка. Пока их заменяют, сколько времени пройдет! Угля-то нет. Вернулись мы к старому. Выпаливаем колчеданы. Тоже немало времени тратится: то штангу не найти, то шланги подведут. Доброго в этом тоже мало. Одна радость — зубки целые. Вот он, наш «Благодатный», какой. А при всем при том, азарт в каждом сидит. Ребята молодые, задиристые. Кому неохота побольше нарубить угля, звенья ведь соревнуются между собой.

Нурий у нас недавно в бригаде, хотя горняк он опытный. Когда он в молотковой лаве работал, всегда в числе первых был. Его брат к нам привел после того, как Степана Савина в армию призвали. А через полгода мы его и в звеньевые двинули. На этот счет, так мне казалось, у меня глаз наметан. Я по работе вижу, кого можно командиром определить, а кого нет. Другой — сам специалист отличный, приятно поглядеть, как он работает, а поставили его ведущим, и словно подменили человека. Руководство — это тоже талант. Не важно, какой у тебя участок, тысяча или пять человек, важно, умеешь ли ты видеть перспективу движения этих людей в деле, умеешь ли за одной частностью общее увидеть. Рустам умеет, в этом и сомнения нет, казалось, что и Нурий такой же, в лаве на них поглядеть любо-дорого.

Правда, Нурий уж больно горяч, увлекается и излишне задирист всегда на работе.

Слушаю я Рустама, он стоит у стола напротив своих товарищей по комсомольско-молодежной, стоит напряженный, говорит медленно. Слушаю и неожиданно замечаю, может быть, от волнения, с акцентом говорит. Раньше ни разу не слышал!

— Вину с себя не снимаю, позор вышел. Но терпение тоже кончилось. Снять требую Нурия с звеньевых и из бригады выгнать.

Он повернулся в нашу сторону.

— Так уж сразу и выгнать? — спрашивает начальник. — Все-таки брат он тебе, да с кем не бывает. Мы же воспитывать должны. Думаешь, машиной овладел и все? Сами убеждаетесь, что новая организация труда совсем другого отношения к делу требует. Сразу и гнать! Надо же и его выслушать.

— Слушать не надо. Все известно, — сказал Рустам неумолимо. — Был бы не брат, я бы мог простить. А позор мне от него не идет? Думаешь, не скажут — Рустам брата прикрывает? Не скажут?

— Да я что, себе в карман длинный рубль положил? — выкрикнул Нурий. — Я у тебя пай отнял?

Вот этот самый «пай». У себя в бригаде, перед тем, как прийти к нам на комплекс, Нурий не знал себе равных в работе. Невысокий, узкоплечий, когда его видишь сидящим в комнате, он вовсе не производит впечатления сильного человека, способного за смену перекидать более десятка тонн угля. Черноволосый, с короткой челкой над скуластым мальчишечьим лицом, он в самом деле выглядит совсем пацаном, хотя уже давно отслужил в армии и отец прекрасной девчонки. Нурий превращается в сгусток энергии в шахте, в лаве. Я уже говорил. И у себя на участке, и когда пришел к нам, он в своем звене всегда был первый.

Теперь понимаю. Я, бригадир, видел в нем только впереди идущего. А сейчас вспоминаю, что иногда жаловались на него ребята. Рвет уголь, побольше взять торопится. И разговор у нас был не один, но, видимо, не сумел я ему что-то объяснить как следует. Выходит, и этого я не знал? Выходит, не такой уж я специалист в человеческих характерах? Выходит, то, что кажется

само собой разумеющимся, иногда на поверку оказывается далеко не таким уж общеизвестным. Ведь и на собрании Нурий явно не понимал брата, да еще и сердился.

Вот как было.

Неделю назад, когда Рустам пришел со своей сменой в забой, брат его встретил весело:

— Ну, мы сегодня поработали! Давно такого не было. Если две нормы не будет, можешь хоть с работы увольнять! Как по маслу шел комбайн, хоть песни пой!

И в самом деле, рассказывали ребята, повезло им. «Благодатный» наш будто за все наши мытарства подарок преподнес. За целую смену ни одного злосчастного камня-колчедана не встретилось. Вот они и развернулись. Ну, а если Нурий в азарт вошел, это всякий знает, его не удержишь. И еще не остывший от радости, он взахлеб рассказывал брату, словно вновь переживал всю смену час за часом, как они включились в работу, как отлично шла машина, как здорово работали ребята. И не обратил внимания на то, что Рустам, — а его опытному глазу много не надо, он сразу все видит в лаве, — вместо того, чтобы порадоваться успеху, спросил строго:

— А почему у тебя секции покривились? Это как же называется?

— Да, понимаешь, — искренне признался Нурий, — не до них было. Такой уголь шел. Ну, не до этого было...

По тому, как замолчал брат, Нурий понял, что тот недоволен. Но рассудил по-своему:

— Если ты бригадира замещаешь, так, значит, и начальника тебе надо строить? Тут дел-то всего раз да два. Или, может, завидуешь?

Была это у них первая стычка. И как рассказывают ребята, все внешне выглядело очень спокойно. Рустам только сказал:

— Считай, это последний разговор.

Обо всем этом сейчас на собрании стало известно. Тогда же Рустам никому не сказал ни слова. Не сказал и о том, что сам он с ребятами потом всю смену возился с крепью.

А через несколько дней случай с Мишкой Федоровым произошел. Специалист он отличный, самый молодой у нас комбайнер, но везет ему на всякие случаи. И как он сам утверждает, началось все с самого дня его рождения, потому что угораздило ему родиться 29 февраля.

— Старшина мне в армии говорил, — объясняет Мишка свою невезучесть, — голова у тебя светлая, но, по всей видимости, должна была другому достаться. И как же нам с тобой быть, Федоров, — спрашивал старшина, — если мы тебя за всю службу твою ни разу не сможем с днем рождения поздравить? Уж лучше бы ты восьмого марта родился, хоть для мужчины и не очень солидно, но все-таки объяснимо, а так ты просто феномен!

Вот так «феноменом» и живет этот веселый, добрый, но взбалмошный парень.

Курьезы с ним и в самом деле происходят необычные. Однажды, при мне было, поехали на слет передовиков. Четверо из нашей бригады — три звеньевых и Михаил, как лучший комбайнер. Купили билеты, стоим у входа в вокзал, курим. Подошел к нам мужчина интеллигентного вида. Извинился. Голос такой, я бы сказал, артистический. Попросил закурить. А потом оглядел нас так всех, вроде как что-то хотел спросить и говорит Мишке: «Можно вас на минуточку?»

Отошли. Дружески несколько минут беседуют. Потом, смотрю, Мишка в карман лезет, какие-то деньги отдает, приветливо по плечу похлопал собеседника. Тот с лесенки вниз, и в темноте скрылся. Мишка к нам подошел:

— Чего это, говорю, у вас там?

— Да вот пятерки у мужика не хва-

тило на билет, а ему срочно надо, жена рожает.

— Да откуда ты его знаешь?

— Совсем я его не знаю.

— А как же он тебе деньги отдаст?

— А, наверное, никак, — говорит Мишка. — Адрес-то он у меня не спросил!

Смеялись мы над ним чуть ли не всю дорогу...

И в клубе случай. Мишка, конечно, не мог не заметить новую ламповщицу, тем более, как он сам говорил, не девчонка — «богиня». Была в клубе лекция, а после танцы. В оркестре наши же шахтовые ребята играют и, надо сказать, приличный оркестр. Так что клуб не пустует, и не только свои бывают, с другого конца города приезжают.

Как так получилось, что девчонка оказалась одна, но, по Мишкиным рассказам, стояла она в уголке тихо, мирно.

Пригласил ее Мишка раз потанцевать, второй. А тут с ребятами заболтался, и когда вновь оркестранты заиграли, он был в другом конце зала. Видит, к его «богине» парень подходит, ну, естественно, пожалел, что оплошал, однако не стал мешать. А она с ним танцевать не хочет. И стоит так, что Мишке хорошо ее видно. Парень, видимо, пытался ее уговорить. Девчонка отказалась, он ее за руку на круг тянет. Она руку вырывает. И вдруг тот ее по щеке как ударит.

— Мне показалось, — говорит Мишка, — что он меня ударил, аж в жар бросило. Не успел сам ничего сообразить, как около этого парня очутился. Он так спокойно в сторону уходил, видно, к друзьям. Ну и влепил я ему. К этому времени дежурные подоспели, меня под руки, его за руки — и вниз. Давайте, говорят, подобру-поздорову сматывайтесь, а то хуже будет.

Выхожу, а трое ждут. Что же было

делать? Немного помахали кулаками. Вот и хожу с синяком.

Обо всем этом Мишка на комитете комсомола рассказывал дня через три после происшествия. Потому что два дня он на работу не мог выходить. Вынесли ему порицание за неправильное поведение в общественном месте. Однако, учитывая сложность ситуации, ограничились этим. А тем временем вместо него с Нурием ходил другой комбайнер. Он недавно закончил курсы и самостоятельно еще работал мало.

И вот в один из тех дней, уходя со смены, Рустам предупредил брата:

— В конце смены не забудьте загонку сделать.

Пропросту говоря, нужно было выровнять забой. Работа эта нелегкая, волокитная, прямо надо сказать, куда легче «стружку» проехать.

— Что, мы сами не знаем, как нам быть? Подумаешь, командир! Да чего забой ровнять? Вполне ехать можно.

Звеньевой был Рустам или не звеньевой? Такой же самый, как и Нурий. Чего же тогда раскомандовался? Вообще-то вопрос сам по себе спорный. Можно было и в самом деле еще «стружку» проехать, беды особой не было, можно было и «загонку» сделать. Однако бригадир всегда с прицелом должен вести дело. И уж если сказал — требуй выполнения. Потому что обязан он только дело и говорить. И вот я слушаю Рустама.

— У каждого, — говорит он, и я вижу, что не сейчас, не здесь, на собрании, придумал он эти слова, — есть свой интерес. У меня интерес, чтобы от людей на работе не краснеть, тогда и сам доволен буду, и люди. И еще интерес, думаешь, у меня есть, чтобы тяжелую пустую работу делать? Нет такого интереса. Но все у нас поровну, значит, и пустая работа, значит, и тяжелая, тебе половину и мне столько же. А так не комплекс, а базар полу-

чается, кто кого обманет, тот в барыше? Вот почему я говорю, что уволить надо моего брата. Или меня. Не работать нам вместе. Не умеет он людей уважать. Жалко мне его. Руки хорошие, голова дурная. Думает, что он хитрый.

Он сел. Опустил голову. Было видно, что очень ему тяжело, и в то же время какую сердечную мудрость должен был иметь этот парень, чтобы вот так все это сказать.

И дома я все думал и думал об этом необыкновенном нашем разговоре. о том, как же нам жить, о том, как мы сейчас живем, и о том, как разность житейских наших дорог удивительно пересекается и сливается на этом перекрестке, имя которому — наше дело. Братья остались оба у нас работать. Только Нурий теперь не звеньевой. И хотя я иной раз вот так, как сегодня, скажем, когда мы едем на смену, не то во взгляде, не то в слове его замечаю некоторую отчужденность, все-таки я верю, придет время, и он поймет, что не осуждения ради мы так с ним поступили, а потому что он просто не сумел сразу понять главный закон, по которому живет наша бригада.

А что если он его не поймет? И что будет тогда? Как в медицине с пересадкой тканей? Несовместимость. Может, нечто подобное происходит и в нравственном, моральном отношении?

В первый же выходной после того собрания мы на своих машинах, их в бригаде три, отправились путешествовать. На этот раз, по предложению Мишки Федорова, поехали к его дядьке в Калачаевку, где, по словам Мишки, рыбалка, каких в округе на сотню километров не найти. Ну, а уж рыбака, как его дядька, и по всей области не сыскать, и вообще он мужик хлебосольный, именитый по тем местам, и сам по себе фигура интересная. Ковалевы всем семейством ехали с нами, впереди, конечно, Мишка с Рустамом

и его семьей. Нурия не позвали, так как понимали неловкость и бесполезность этого дела.

Ехали с небольшими остановками почти целый день.

Когда приехали, сентябрьское солнце уже стало садиться за дальний лес. И как-то не по-городскому заметно вокруг все сразу начало блекнуть, терять настоящий цвет.

Во дворе стояли голый до пояса высокий мужчина с полотенцем в руках и маленькая светловолосая женщина. Женщина, приложив руку козырьком ко лбу, внимательно разглядывала, по всей видимости, с удивлением, наш кортеж.

Хозяин, узнав Мишку, обрадованно сказал:

— Заходите, заходите, гости редкие! Сейчас я отопру! — и чтобы загладить неловкость от того, что чужие люди видят его в таком несолидном виде, объяснил:

— Я вот только что с поля, в совете дело спешное надо было обсудить. Заходите. Миша, приглашай гостей. Жаль, вот Ванюшка еще в поле. Да заходите, а я сейчас. — Он пальцем ткнул в грудь, дескать, оденусь только, и вприпрыжку, приседая на колках под босой ногой камешках, засеменял в избу.

Я еще посетовал Мишке, что не вовремя мы приехали, но хозяин, уже одетый, вновь спустился с крыльца, приглашая в дом.

— А омутки твои как, дядя Семен? — поинтересовался Мишка.

— Эх! Приехать бы вам чуточку позже, ну пусть через неделю, — сокрушался тот, — сейчас же во! — Он провел боком ладони по шее. — На ночь и то не всегда приезжаем. Сегодня, говорю, срочное правление заседало, пришлось на пару часиков раньше. Хлеб ведь! Не дай бог занепогодит.

Сним и во сне его видим. Проглядишь время-то — и беды не обобратятся.

Здесь я и увидел Лариску. Мы все стояли еще во дворе, когда в раскрытую калитку вошла тоненькая маленькая девочка с большим деревянным ящиком через плечо.

Она оглядела сначала нас всех, взгляд у нее был острый, а глазки узенькие где-то под челкой... потом, вскинув голову, отчего челка тяжело всколыхнулась, представилась всем сразу:

— Лариса!

И пошла к сараю.

С виду совсем пацанка. На ней были старые джинсы, какая-то кофточка.

— Художница! — объяснил хозяин. — Приехала мой портрет писать. Наш район и заказал. Как заслуженного механизатора.

— Так. Ванька с вами живет? — спросил Мишка.

— Вместе на комбайне со мной. Второй год.

— А с институтом у него что, не вышло?

— Тут сразу не разберешь, — как-то нехотя ответил хозяин, и я понял, что разговор этот неприятен ему, поэтому я и встрял со своей темой:

— Уж больно Михаил нахваливал ваши места, рыбалка, говорит!

— А что нахваливал, — так оно и есть! — хозяин оправил рукой свисающий на бок чуб. — Давайте малость перекусим, и я вас сразу на свое заветное. Мишка знает. Мы начали было отказываться, но тут вмешалась хозяйка.

— Что это вы со своим уставом в чужой монастырь, — весело выговаривала она, растопляя печь во дворе. — Чтобы от Федоровых гости голодом уезжали, да где же это видано!

Застолье радовало разноцветной аппетитностью осеннего деревенского богатства, щекощущим запахом маринада, солений, темными бронзовыми

боками копченой рыбы. Приветливость хозяйки и веселая разговорчивость хозяина рассеяли и нашу неловкость. Борисовы пацаны уже бегали по двору, как по своему собственному, сорвали цветок, поймали кошку, но когда Галя прикрикнула на них, хозяйка остановила ее:

— Пусть себе поиграют, у вас в городе, небось, таких диковин-то нет!

За столом совсем незаметно как-то и вписалась в нашу компанию Лариска. Она сидела рядом с моей женой, и, как я заметил, довольно быстро они нашли общий язык. Время так незаметно шло, что не успели вроде мы и за стол сесть, как совсем стало темно.

— Ну, нам пора, — поднялся хозяин, — ты бы нам, мать, кой-чего собрала.

— А меня с собой возьмете? — у Лариски голосок был тонкий и, как мне показалось, игривый. — А то я все одна да одна. А у меня не клюет и не клюет.

— Вот и неправда, — вставила хозяйка, — а сегодняшнюю уху из чьей рыбы варили?

— Возьмем, возьмем, — подал голос Мишка. И мы все засмеялись, потому что сообразили, к чему он это говорит.

До займки, маленькой полуразвалившейся избушки на берегу почти совсем пересохшей протоки, было километров шесть-семь. В избушке нашелся огарок свечи. Его засветили. Хозяин достал из тайничка рыбацкие снасти и пропал в темноте. Мы натаскали хворосту, запалили костер.

И хоть костер трещал, но вокруг была такая тишина, что кто-то из ребят сказал:

— Даже слово боязно сказать.

— Ребятишки уже спят, наверное, — вспомнила про свое Галина. Вот здесь-то Борис и вставил:

— Все у тебя ребятишки да ребя-

тишки, как наседка с ними. Вон посмотри на Тамару. Училась бы у нее.

— Чему же это? — Галя сидела по ту сторону костра, а мы по эту, но по голосу можно было понять, что замечание мужа ей пришлось не по душе.

Но в это время зашуршала галька. От невидимой, только угадываемой стены кустов будто отделилась чело-веческая фигура. Потом опять пропала, заслонилась обрывом, и неожиданно над берегом появилась голова хозяина.

Собрались в избушке. Было тесно и весело. Маленькое пламя огарка кидало на низкий потолок и стены огромные тени. Они шевелились, сталкивались, прятались в темных углах. Мы достали свои консервы, хлеб, а хозяин высыпал на стол из мешка свои припасы: картошку, огурцы, рыбу. Пить не торопились. Каждый вспоминал какой-нибудь случай из своей деревенской жизни. Удивительно. Все мы горожане. Но вот нашлось же у каждого если не свое, так что-то из рассказов родителей. Как она в нас, оказывается, деревня прочно сидит.

— Что ж это мы! — спохватился хозяин. — Разговорились. — И все заторопились, стали собирать закуску. Хозяин вздохнул, а когда поставил стакан на стол, опустил голову. Огарок еще тлел.

— Хорошо, ребята! Жить на свете хорошо.

И какая-то пауза случилась, ее тотчас Мишка разбил.

— Ну прямо, как у нас в лаве, только что там без закусок!

Все засмеялись, а хозяин поднялся, загородив собой синий проем двери. Потом обернулся к нам вполуоборота, чуть приоткрыв ночную синь:

— А ну, ребята, выдь скорее, выдь, говорю, что сейчас будет.

Мы все высунулись из избушки и сразу же почувствовали сырую прохладу ночи.

— Что тут за цирк, дядя Семен? — не унимался Мишка.

— Да вон туда, туда глядите, глядите, как начинается луна. Туда, к лесу.

Там, над чернильной пилой невидимого леса, ширилась и бурела полоса. Вдруг она сгорбилась чуть посредине. Быстро, прямо на глазах, выпуклость эта круглела, вырастая над темными зубцами ночного леса. И вот уже полилась в настороженную недоверчивость темноты, разбавляя ее, белая радость лунного света. Он ложился на траву, отчего та стала блестящей и казалась звонкой.

— Ой, мамочки! — тонко вскрикнул кто-то из женщин, и мне показалось, что это Лариска. А хозяин, вроде он был творец этого чуда, с гордостью спросил:

— Что, Миша, похоже на твою лаву, а? Видал ты там такое?

Кто-то подбросил хворосту в совсем было угасший костер, пламя вскинулось и словно собрало вокруг лунные блестяшки. Все стояли молча.

— Вот кончу техникум, — ни к кому не обращаясь, заговорил Борис, — и буду на наших обвалах сады разводить. Знаете, — это он говорил хозяину, — вокруг города огромные пустыри с обвалами. Это еще что, вы бы видели разрезы. Глядеть страшно. Такие кратеры, что тебе вон там на луне. И все мертво. Земля мертвая. Смотреть страшно. А ведь можно же на этих отвалах деревья садить. Ту же облепиху. Знаете, что это за чудо? От всех болезней. У меня в саду один куст растет.

— Ты уж с этим своим садом, — подала голос Галина. — Всех заморочил и себя в первую очередь...

— Можешь не морочиться, не заставляю, я уже тебе говорил, — зло оборвал ее Борис. — Ты кроме кухни и видеть ничего не желаешь.

После этих-то слов она и заплакала.

А я рассердился. Рассердился на то, что испортилось у всех настроение, что было так всем хорошо, и на тебе.

Женщины принялись уговаривать Галку, а я, не сдержавшись, вспылил:

— Что вам, дома не хватает выяснения отношений? И потом, зачем же ты, Боря, работаешь с нами, если у тебя душа-то вся в облепихе? Какой же ты после этого горняк?

— А в чем ты меня упрекнуть можешь? — тут же рассердился Ковалев. — Я хуже других работаю? А мечтать мне никто не запретит. Может быть, у меня и мечта эта появилась после того, как я понял, что своими руками землю калечу. Понимаю, необходимость. Вот и пусть одни эту необходимость творят, а другие исправлять их грехи будут.

— По-твоему, так и вовсе шахты бы закрыть?

— По-моему, неплохо было бы, если человек умел бы все так же с умом делать, как природа делает.

— Так он же царь природы, — подал голос невидимый Мишка Федоров.

— В том-то и дело, что царь. А пора бы ему и хозяином быть. Царем легче, Тем более, если он такой, как ты.

— А что я? — обиделся Мишка. — Я вон даже тебе эту облепиху собирать помогал, чтоб ей пусто было. Я, может быть, еще не нашел себя!

— Это уж точно, Миша, найти ты всегда что-нибудь найдешь, — и все засмеялись Борисовым словам, засмеялся и сам Мишка...

«И все-таки, — подумалось мне, — человек должен делать одно дело. Обязательно одно — в этом его сила».

Вечером в понедельник застал я у нас в доме Лариску. Когда я пришел, они смотрели с Тамарой телевизор. Лариска сидела в кресле под торшером и курила мои сигареты.

— Ты, Толя, не возражаешь, — по-свойски спросила она, — что я тут у

тебя похозяйничала? Совсем, понимаешь, поиздержалась.

Я ее впервые как следует здесь разглядел. Была в ее детско-птичьей лице, — носик совсем, как клюв, — необыкновенная серьезность. Я уж потом сообразил, что разговор у них шел о нашей поездке, а точнее о Мишкином дядьке. Это когда мы ужинать сели. А до этого я спросил себя в ванной, когда умывался: «Что этой пигалице в штанах с бахромами надо у нас?» У меня даже какая-то неприязнь появилась. Не по душе мне эти курящие девочки. В кино они смотрятся ничего, а вот в жизни я их не принимаю. Какой-то наигрыш, хоть убей меня, во всем этом есть. Сигарета получается добавлением к моде, да и одежда. Ну черт те что, ни баба ни мужик. Я не против, носи что вздумается, но не по душе мне все это. Хотя вот ведь стала же Тамара носить брючный костюм. Сначала глаз вроде кололо, сейчас привык.

Я уже говорил, что подобных знакомых у нас не было, это и естественно, наверное, мы же больше своих придерживаемся. И еще мне не понравилось то, что вот так вдруг взяла и заявила в гости. Мы-то ведь и знакомы по-настоящему не были.

— У меня в двенадцать с Хабаровском, — Лариска поглядела на часы, — переговоры с Женькой, с мужем, не опоздать бы.

Ну, сели мы за стол. И, как ни в чем ни бывало, она продолжала свое. Обычно у нас с Тамарой другие разговоры.

— Знаете, уж больше месяца я бьюсь, а толку нет, получается похожим и колорит что надо, а все, чувствую, не то. И вот только там, с луной, кажется, я что-то поняла. Не то искала. Он поэт! То есть в каждом человеке есть эта струнка, ее только уметь увидеть! Ведь вы же тоже поэт, Толя! Как вы говорили там!

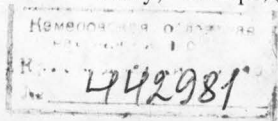
«Какой же я поэт, честное слово, это она не совсем нормальная, может, так у них, художников, и должно быть, — подумалось мне. — А если кто и поэт, так это Мишка Федоров. Это уж точно».

В тот день у него был сольный концерт. Сейчас он сидит от меня справа в машине. Когда нас встряхнуло и многие из ребят громко и недвусмысленно помянули директора шахты, Мишка даже глаз не открыл. Поерзал, устраиваясь поудобнее, да воротник брезентухи попытался на голову натянуть. И продолжал дремать.

Шумливый, безалаберный он только с виду. У него какая-то странная первичная реакция неприятия. До смешного дело может дойти. Сначала я даже с ним ругался, пока не понял, что это по сути дела у него от большой совестливости, даже от боязни, можно сказать, как бы из общего строя не выскочить. Чтобы в нем ребята зазнайку не увидели. А вот не похвали его, скажи, что звено хорошо отработало, и не упомяни Мишкиной фамилии, на неделю разобидится. И наоборот. Его в «молнии» прославили — комбайнера! — поднял хай на всю шахту!

— Формалисты! В корень дела не смотрите! Да я один что? Кто крепь, скажите, передвигает! Не Ковалев? А нишу кто готовит! Не Сушков? А Токарев, как бригадой, куда глядит? Может быть, заруководился уже?

Пожалуй, около года тому назад было. Только-только в новой лаве комплекс смонтировали. Мы ведь полностью переход сами делаем. Нам камеру приготавливают, а демонтаж и монтаж мы своей бригадой от винтика до болтика. И как-то удачно у нас тогда пошло, быстро «раскрутили». И заняли мы среди участковых бригад в соревновании первое место. Событие совсем не выдающееся. Мы по шахте не раз в первых ходили, а вспомнил я его потому, что федоровский характер, на-

верное, тут самой главной своей чертой и раскрылся. Вообще, чем мы дальше все вместе работаем, тем я с новой и новой стороны ребят узнаю. То ли взрослеют они, стареют ли? Есть уж и за тридцать кому. А может быть, с первого пригляда и не открывается все? Вернее, не видится. И как-то мне подумалось: а сам я, сам я какой стал за эти годы?

Ну так я снова о Мишке. Значит, премию в тот раз получили на бригаду. Деньги небольшие, как всегда, по пятерке на брата. После работы из мойки вышли. Получили эти пятерки и пошли выпили пива. Так заведено. Обычай такой. Деньги артельные, слава артельная, ну и праздник артельный. Батя наш тоже пошел с нами. Выпили кто кружку, кто две. Батя всегда четыре выпивает. И по домам. Вовка Лошкин, я знаю, любит иногда на троих не ко времени соображать. Поэтому я его предупредил:

— Ты, Лошкин, прямо домой едешь.

Он даже обиделся. Вроде, чего из меня, мол, посмешище делать, не маленький. И в самом деле. Взрослый человек, самостоятельный. Ну, словом, разъехались по домам.

Утром, как всегда, наряд. Все чинчином. Звонок. Начальник наряд давал. Утром, если он ночью в шахту не спускался, то всегда начальник наряд дает. Снимает трубку телефонную. С кем-то разговаривает.

— Хорошо, — говорит, — понял.

Ко мне оборачивается;

— Токарев, зайдешь со мной после наряда в партком.

— Ясно, — отвечаю. Дело известное, не раз и не два приглашали.

После наряда приходим. А там у секретаря в кабинете сидит жена Лошкина. Все понятно стало. Была у них дома баталия. И не ошибся я. Нашел-таки и второго и третьего Вовка. Ну что с ним делать? И парень-то вроде неплохой.

— Как, — говорит жена, — товарищ парторг, эту несчастную пятерку получи, так обязательно напьется. Что же за премия такая, если от нее в семье скандалы чуть ли не до развода? Когда все это кончится? Пока не пьет, он же у нас золотой, дома слова от него не услышишь. Сидит со своим магнитофоном, ковыряется, в магазин всегда сходит, ковер вытрясет. Но как пятерка, опять одно и то же, чтоб ей пусто было. Может, и не давать ее совсем? Что нам, денег не хватает? А так получается — соблазн для мужиков и все тут.

Гляжу я на женщину, и у меня чувство, будто я сам Вовку напоил. А парторг и говорит:

— Вот бригадир. Вы знакомы с ним? Пусть он и ответит.

— Как же не знакомы. Очень даже хорошо мы с Анатолием знакомы.

И после этого разговора думал я все про эти пятерки. В самом деле, чертовщина какая-то получается. С одной стороны, бригада приз завоевала, а с другой... И вспомнил я, что на одном совещании выступал кто-то, не помню уж с какой шахты, и об этом разговор шел. С тем я и пришел к начальнику участка. «А что если эту пятерку до позора не доводить, так сказать, не дискредитировать, а приобретать на эту сумму подарок для именинника? Если такого не найдется, подарок вручать тому, у кого в семье прибавление или юбилей. Разве праздник члена бригады — не праздник для всех нас? Тогда не только жены спокойны будут, но, думаю, и довольны. Да и ребята от этого не откажутся. Все одно без подарка по такому случаю не обходится».

Никто против этого предложения не возражал, но попутно Лошкину заметили, что ему в день рождения в этом году подарка не будет. Вовка даже и не возмущался, а еще и спасибо сказал. Могло бы для него и хуже все обер-

нуться. Ребята у нас в бригаде стро-
гие. Не любят, когда кто-нибудь по
домашним делам пошаливает.

Все было мирно, хорошо. И первому
Мишке Федорову должны были на на-
ряде следующую премию вручать ме-
сяца так через два, а то и три после
всего происшедшего. Тут он и показал
характер.

— Неправильное, — говорит, — ваше
решение, не имеете вы права так де-
лать. Что же выходит, я присваивать
должен чужой труд? Я вам что, экс-
плуататор? Они, — это он про бригад-
ников, — молчат, потому что в них еще
жива стихийная боязнь начальства, а
я вам все скажу. Не надо мне подар-
ков. А деньги раздайте, как раздавали.
Потому как решение это бригада при-
няла под нажимом авторитета брига-
дира. Не нужны мне пятерки ваши.

И смех и горе. Вместо поздравлений
с днем рождения отчитали его ребята
как следует. Особенно за «стихийную
боязнь», но транзисторный приемник
все-таки вручили. Он его даже на шах-
ту с собой таскает, уж не говорю, что
в тот раз на рыбалке, когда мы с Ла-
риской познакомились, приемник, ко-
нечно же, был при нем.

На другой день после поездки, в по-
недельник, Мишка и давал сольный
концерт.

Были у нас в тот день гости. Нико-
лай Золотарев, бригадир комсомоль-
ско-молодежной с девятого участка, со
своими ребятами, пятеро их всего. В
гости они к нам пришли уже три дня
тому назад. А было это так. На засе-
дании комитета комсомола шахты Зо-
лотарев поднимается и говорит:

— Я считаю, что Токареву создают-
ся более благоприятные условия для
работы, поэтому практически наше со-
ревнование теряет смысл. В таком ра-
зе он будет постоянным победителем.

Человек я сдержанный. Но терпеть

такую напраслину, да еще при всем
народе!

— Как, Николай, — спрашиваю, — у
тебя язык поворачивается такое гово-
рить?

Тот начинает на полном серьезе го-
ворить о том, что бригада известна за
пределами города, она, так сказать,
его знамя, ну а знамя следует высоко
держать. Поэтому остальным и прихо-
дится в хвосте за знаменем бежать.
Для того, чтобы меня смутить, хуже
того, довести до растерянности, по
крайней мере, должно произойти нечто
из рук вон выходящее.

Когда у нас однажды «взыграла»
кровля и стальные секции сплющи-
лись, как пластилиновые игрушки, мы
были на краю катастрофы. Я испугал-
ся не меньше Мишки и не меньше Бо-
риса. И вообще, я не верю в людей, не
признающих реальную опасность и
открещивающихся от страха. От него
нельзя отмахнуться. Его можно только
преодолеть. Не каждому дано двинуть-
ся ему навстречу в одиночку, но каж-
дый, за исключением только подлеца,
каждый пойдет в паре с товарищем.
Каждый пойдет за тем, кто его пове-
дет. И я повел ребят. Потому что они
меня выбрали бригадиром, то есть на-
звали меня своим ведущим, своим пер-
вым номером. Этот номер оправдывать
надо всегда и везде. Если ты по-на-
стоящему первый.

Поэтому, спокойно глядя в разгоря-
ченное лицо бригадира, в лицо Нико-
лая Золотареву, с которым на шахту
мы пришли в один год и даже закан-
чивали вечернюю школу вместе, я по-
думал, что азарт, если он не подкре-
плен мастерством, — опасное состояние.
Тебе кажется, что ты, смело и ловко
манипулируя фактами и обстоятельст-
вами, ведешь дело к выигрышу. И со-
вершенно не замечаешь, что в ослепле-
нии не находишь другого выхода, как
опереться на ложь. Она тебе может
подыграть один раз. И то только для

того, чтобы заманить дальше в болото бесчестия. Но и в этом случае выигрыш твой будет предупредительным авансом перед проигрышем, может быть, на всю жизнь.

Так я подумал. А вслух сказал:

— Дуэли, к сожалению, не в моде. Драться не позволяет моральный кодекс. Упорно настаиваю на том, чтобы хоть одну смену Золотарев поработал в нашем забое. И только после этого считаю возможным вернуться к разговору здесь, в комитете.

— Согласен хоть сегодня! — горячился Золотарев.

И вот они впятером пришли к нам. Два дня Николай с напарниками притирался, осваивался. И на вопрос: ну как условия? — неопределенно как-то хмыкал, из чего нельзя было понять, изменил ли он свое прежнее мнение или остался при старом. Я поглядел его в работе. Хватка у него была. Было и то, что в спорте называют «злостью». На третью смену они уже работали во всю мощь. Батя наш чуть с ног не сбился, обеспечивая им всяческую помощь. Зубков шнековых, видимо, весь запас выгреб свой, а то где и еще прихватил. Слесари у него всегда под рукой. Чуть остановка, они к комбайну. Ну, «Благодатный» наш в своем репертуаре. На колчеданы не скупился. Поехал комбайн, самое время ему скорость набирать. А тут скрежещущий сердце надрывный звук. Стой! Значит, если уж зубки не полетели, считай повезло.

— Ничего парни, подходящие! — резюмировал свои наблюдения Батя. Мы с ним стояли в нижней нише лавы. Хорошо было видно, как спускался комбайн. — Но, думаю, перед Мишкой у них кишка тонка.

И пришли мы свою сноровку показывать. На этот раз Золотарев со своими наблюдал за работой. Не успели проехать десяти секций, как раздался такой скрежет, что ни у кого не вызвало

сомнений — полетели зубки. Шли минуты. Пока выпалили этот чертов камушек (как на грех, коронку с трудом отыскивали, всегда под рукой была), пока заменили зубки (к счастью, не так их уж много пришлось менять), страшно подумать, сколько времени прошло. О чем Золотарев думал в лаве, не знаю. В мойке он мне сказал уже после смены:

— Если хочешь, то набей мне морду!

Я принял это как извинение. Поэтому хлопнул его по голой спине и протянул мочалку:

— Потри-ка лучше спину!

Потом сам ему тер. В мойке тоже без взаимовыручки не обойтись.

И тогда в забое, я помню, как включил комбайн Мишка. Я еще стоял рядом. Осветил его своей лампочкой. Он очень походил на космонавта или летчика-испытателя. Респиратор, шахтный противогаз, придавал это сходство. И вот загудел двигатель. И Мишка как бы слился с машиной.

У него масса своих маленьких хитростей. Они не сразу бросаются в глаза. Нужно быть отличным специалистом, чтобы их заметить. Они просты. Но не просто их придумать. Секунды и минуты работают у него на тонны. Вот едва только зубки обежали один круг, прочертили первую примерочную траекторию по угольной мощи, еще не закончилась полностью выдвигка крепей, а Мишка уже начинает перегон комбайна с зачистной дорожки. И «Благодатный» смирился. До самого конца смены не попался ни один кусок колчедана, и не останавливался комбайн. Всю смену безостановочно бежали транспортеры. Потом, в мойке, мне Золотарев сказал:

— Федоров у тебя артист, можно сказать, фокусник.

— Это ты брось, — я как раз намыливал голову. — Фокус в шахте — дохлое дело.

Подумал: это ты хотел на фокусе выехать. Но сказал:

— Мишка — артист своего рода, мастер, одним словом, — и зачем похвастался, не пойму. — Его портрет на выставке должен быть. Художница одна рисовала.

Правда, соврать я не соврал. С портретом, действительно, история целая получилась... Лариска как-то незаметно совсем у нас прижилась. Каким-то непонятным образом эта остроносая девчушка оказалась для нас своим человеком.

И если поначалу мне совсем не нравились ее шумливость, дым ее сигарет, довольно мужская манера разговаривать, то со временем все это приобрело своеобразную окраску, без которой не мыслилась ее суматошная жизнь, наполненная главным образом невероятными смешными и грустными случайностями.

Она изредка, как всегда прибежав откуда-то поздно вечером, торопливо жуя, (ой, как я хочу есть!) — рассказывала о своем муже.

Но представлялся он мне как-то нереально и неощутимо, хотя она посылала куда-то вполне реальные переводы. И вообще мы мало знали о ней, о ее жизни. Если Лариски долго не было: неделю, две, то она, появляясь, бросалась к Тамаре обниматься. Меня же, обхватив за шею, целовала в щеку, при этом смешно повизгивая. Она быстро обегала квартиру, как домашняя собачка, вернувшись с улицы, прежде чем утомиться на кухне. В доме сразу становилось по-праздничному шумно и суетливо-весело. Муж ее, тоже художник, постоянно был или в долгих командировках, или появлялся неожиданно, падал, как снег на голову. Жил дома неделю, другую и опять исчезал. Видел я его только на фотографиях. Это случилось, когда

Мишка затащил меня в мастерскую к Лариске.

Кто бы подумал, что он с ней поддерживает знакомство? А оказалось, что Мишка даже привозил своего дядьку в мастерскую для того, чтобы Лариска могла закончить начатый еще в деревне портрет. Я был тогда один дома. Обидно в летние выходные сидеть в квартире. Но что поделаешь. Тамара уехала к матери попроведать Катюху. Я же не смог поехать, потому что горгаз проверял как раз состояние печей. Помня о том, как однажды чуть ли не месяц пришлось ходить упрашивать, чтобы включили печь, — нас не было дома во время подобной проверки, — мы решили, что лучше вновь судьбу не испытывать. Время уже подходило к обеду, когда раздался звонок.

— Наконец-то! — обрадовался я. Но когда раскрылась дверь, разочарованно свистнул. Вместо ожидаемого контролера стоял Михаил Федоров и улыбался.

— Ну что, были? — спросил он, входя в квартиру.

— Да нет еще. — Глупое ожидание действовало мне на нервы. — Постой, а ты откуда знаешь, что я кого-то жду, — удивился я Мишкиной осведомленности. Говорить о своих домашних делах с ребятами на работе у меня не было привычки. А вне работы мы с Федоровым встречались довольно редко.

— Информационная служба не дремлет, — заулыбался он. — Более того, уполномочен пригласить тебя в гости.

Мне ничего не оставалось, как развести руками. Загадочное появление Мишки, не менее загадочное приглашение начинали заинтриговывать.

— Непонятно, — признался я, предлагая Федорову войти. Не успели мы закурить, как вновь раздался звонок. На этот раз это был желанный «горгаз» в образе дородной завитой женщины.

Вся процедура заняла несколько минут, за которые я успел поставить две подписи, и почувствовал себя свободным человеком.

Однако меня занимало все-таки, каким образом и где Мишка мог получить информацию о моем текущем быте.

Оказалось все очень просто: накануне Лариска была у нас. Мишка же сегодня зашел к Лариске в мастерскую, так, наугад, но двери, к его радости, оказались открытыми, и хозяйка добросовестно работала, несмотря на выходной день.

Лариска и послала его развлекать меня, и если я ничего не имею против, то и пригласить навестить ее, тем более, что в мастерской да и дома я у нее никогда не был.

Вот так я и побывал у Лариски в гостях. Мастерская ее была почти на самом берегу Томи, на чердаке пятиэтажного дома. Это был не чердак в полном смысле слова, а настоящие квартиры, только выше жилых.

По дороге Мишка мне и рассказал их историю. После той поездки, может быть, через неделю, они пришли с приятелем сюда, на «мансарды». Так художники называют мастерские. Приятель его — наш клубный художник. У Мишки друзей-приятелей полгорода. Разыскивали они одного товарища.

— Сидим мы, комната большая, кругом банки с красками, фигурки разные, гири двухпудовые, кто-то заходит, уходит, за столиком маленьким, а может, это и ящик какой, не поймешь, рюмочки из старинного серебра, а вот закуски, извините. Как мне объяснил приятель у них это не принято. И вдруг Лариска зашла. Меня увидела, обрадовалась, даже обнялись мы с ней. И говорит: обязательно ко мне зайдем.

Минутки через три дергает за рукав, ну я и пошел. А это тут же, только в

другую дверь. Там у нее дядькин портрет посредине стоит.

— «Понимаете, говорит, Миша, — она меня «на вы», — ничего не могу сделать. После той нашей встречи что-то, чувствую, нашла, но теперь мне натуру надо». Я и сообразил сразу, знаешь же меня.

Будет, говорю, натура. У Пашки в пятницу мотоцикл на два дня выпросил, скатал за дядькой. Он у меня тоже шустрый, мы, Федоровы, все такие. Без разговоров в люльку сел. Когда я его привез, она так и ахнула:

— Добрый вы мой ангел, Миша.

И, понимаешь, обняла и поцеловала. Сначала так рукой волосы откинула за плечо, они у нее густые, длинные, а сама, ты же видел, как куколка, на нее только и глядеть! И, понимаешь, поцеловала. Вот с тех пор я бываю у нее. В кино ходили, в ресторан. А тут она обещала портрет мой нарисовать. В шахтерской робе. Ну и пусть, думаю, верно?

Как-то прихожу, а она заплаканная. Я стал допытываться, она как бросится мне на шею да в слезы. В общем, дело у нее с мужем дрянь. Да он фактически и не муж. Даже не расписывались. А я вот с тех пор думаю, что и у нее ко мне что-то тоже есть.

При этих последних Мишкиных словах, а он их произнес уже на лестнице, я поглядел на него. В сумерках плохо освещенного подъезда лица разглядеть было невозможно, но тон, каким слова эти были сказаны, меня озадачил. Не очень это походило на Мишкины веселые приключения.

А вот в мастерской у Лариски оказалось очень светло и уютно. Комната разделялась ширмой на две — большую и маленькую. В маленькой стоял диван. В большой — стол, стулья, и много цветов: на окне, на столе, даже на полу.

Посреди комнаты на деревянной подпорке портрет Мишкиного дядьки.

Не знаю, чего в нем у нее не получалось, но лично мне портрет показался хорошим. Он, как раз он самый!

На удивление Лариска приняла нас непривычно тихо, как-то даже чопорно. Она отложила кисть, вытерла руки, закурила.

— Миша, займешься кофеваркой? — спросила она. И я, мельком взглянув на Мишку, увидел, как он весь расцвел.

— Что за вопрос! Это у нас мигом получается. — И порадовался я за парня. Теперь другой совсем увиделась мне и Лариска. Она и в самом деле была красивая. Может быть, оттого, что я видел ее в привычной для нее обстановке? Всякая угловатость, ребячливость куда и подевались. В ее жестах я уловил что-то знакомое, деловитое. И когда она повязала поверх брюк передник, взяла в руки чашки, я понял: что-то такое появилось у нее от Тамары. И вот сейчас я думаю, наверное, у всех хозяек, когда они у себя дома, есть нечто схожее в их заботливости, хлопотливости...

— Мишка говорил, что ты его портрет собираешься писать, это бы здорово!

Я ходил по мастерской и рассматривал картины, стоящие на полу и висящие на стенах. Ценитель я, конечно, никакой. Но то, что я увидел, мне очень понравилось. Все это было от жизни, все светилось и грело теплыми красками лета. Было везде только одно лето. Поляна белых ромашек. Берег реки с купальщиками. И даже остановка трамвая около нашей шахты на фоне старого, уже заросшего кустарником террикона.

Одна картина была занавешена. Я приоткрыл ее и замер.

Мне показалось, что я взглянул в зеркало. Только показало оно мне меня каким-то незнакомым. То есть себя узнал, конечно, но не такой я был в самом деле. Лариска словно взметнулась. Она как бы пролетела то рас-

стояние, что отделяло стол, у которого она стояла, от угла, в котором находился я.

— Неприлично. Если закрыто, значит, не для подглядывания.

Ее остренький носик выглядел воинственно на фоне ярко вспыхнувших щек. Мне стало неловко, как будто я и в самом деле заглянул в чужую дверь без спроса.

— Я думал, что тут Мишкин портрет, — попытался хоть каким-то образом оправдаться. — Я и не подозревал. Только уж больно тут я такой...

— Ты, Толик милый, ничего не видел, ясно? Забудь. Не видел. А вообще... — она не договорила, может быть, потому, что появился Мишка с кофейником. Он вошел шумный, веселый, каким и был всегда. И как всегда и везде, и в этой комнате, был он свой человек, знал и умел найти себе дело.

— Я вот сейчас анекдот один вспомнил, — прямо от дверей начал Мишка. Мне же подумалось, как неожиданно в этой странной чердачной комнате открылась мне чужая тайна, причастность к которой отныне станет беспокоить.

Не знаю, как я еще просидел около получаса, не более, и, сославшись на то, что мне надо встретить жену, благо нашелся предлог, ушел. Меня особенно и не задерживали. Мишка — из чисто эгоистических соображений влюбленного, в чем убедиться особого труда не составляло, хозяйка, как она выразилась, — из сочувствия и понимания моего семейного долга.

Вот какая история вышла с Мишкиным портретом.

Сейчас как раз ребята все смеются над анекдотом, который он рассказал. И я рад, что Борис, наконец, от меня отступился со своим допросом. И у меня еще есть несколько минут, судя по мелькнувшим в окошке веткам маленького колка, у нас еще как раз есть несколько минут времени до того, как

машина остановится против подъема.

Если Тамара приехала, то она уже давно дома,—опять подумал я. И вспомнил: пепельницу я не высыпал. А в ней Ларискины окурки! Омерзительное состояние. Только почему? Лариска не впервые приходила в ее отсутствие! Очень нужно Тамаре все это! Непонятно только, из-за чего я переживаю так?

А если она не приехала? Я не люблю, терпеть не могу неопределенности и неточности. Самая неприемлемая для меня черта в характере человека—необязательность. У нас в бригаде таких нет. Поначалу были. Но недолго. Я не могу работать с ними. От их присутствия и в тебе самом появляется неуверенность. Это же все равно, что по болотной хляби идти, не ведая брода. Один из тех парней перед уходом сказал мне:

— Ты диктатор! И кто-нибудь сломает тебе шею, а может быть, и я когда-нибудь при случае.

Он пообещал подменить в ночную слесаря. Теперь уж и не помню, зачем тому понадобилась подмена, но у нас такое случается. Они между собой договорились, слесарь предупредил звеньевого, тот мастера. А парень не вышел на смену. Страшного ничего не произошло. Смену отработали нормально. Слесарю, правда, начальник объявил выговор за прогул. Он не обиделся. Все мы понимали, и сам начальник, что прав он формально, как и формально правым оказался парень, предъявив к оправданию медицинскую справку. Но я ему сказал:

— Катись ты вместе со своей справкой.

Ребята его пожалели. Но я настоял. Может быть, и жестоко. И все одно не каюсь. Он ушел из бригады. Потому, что я не уверен, что в другой раз, в по-настоящему трудный или опасный момент, он не прикроет свою трусость медицинским свидетельством.

Тамара все-таки должна была уже приехать. Она знает мое отношение к обещаниям и договору, да и сама она во всем любит порядок. Поэтому в тот летний день, когда я вернулся из гостей, первым делом принялся за уборку квартиры. Но уж если тебе чего не дано, так хоть лоб разбей, а только испортишь дело. Так или приблизительно так говорила мне жена после своего возвращения.

У нее, оказывается, тоже не обошлось без приключений. Продали два билета на одно место, это обыкновенная неприятность, на которую и внимания не стоит обращать. Самое удивительное, на остановке перед городом, на Совхозной, встретила она всю банду Ковалевых, ездили к какому-то садоводу глядеть, как у того виноград растет (естественно, на предмет разведения у себя).

Почему же мне в мельчайших деталях запомнился ее рассказ? Она говорила, что Галка была в спортивном костюме, с рюкзаком за плечами. Лицо загорелое, аж брови белесыми стали. Кирка совсем одуванчик, головка распустилась на ветру, сама же черней уголька. Борис тоже с рюкзаком да еще с толстой суковатой палкой в руке. Он обеих своих девок подсаживал в автобус.

Вот почему я запомнил это... Когда она сказала, что приглашали за ягодой в сад, ее там уйма родилась, и Галка ей по секрету сообщила о том, что собирается произвести на свет еще и Кольку, на Тамирином лице вроде бы тень мелькнула. Гримасой это не назовешь. Если и появились презрительные складочки в уголках губ, то было это внешнее, отвлекающее. А ее красивые большие глаза, ее голос, в котором торжествовали нотки снисходительного удивления, не могли скрыть зависти. Вот почему я запомнил тот вечер. Зависть истекла прямо чуть ли не ошутимостью слез, притаившихся

под вздрагивающими распушенными тушью ресницами. Зависть — это не всегда зло. Иногда — самоистязание. Покаянное, непокаянное — оно мучительно.

А жена стала рассказывать про дочь. Как и куда они ходят с бабушкой. Как она капризничает и командует.

— «Знаешь, мама Тома, — сказала она мне, — дед наш такой старый, что жил аж до войны!»

Мы посмеялись.

— Надо нам ее забрать! — Я вложил в эти слова всю силу своего умения убеждать, но, к удивлению, этого и не нужно было.

— Я тоже устала. Я не могу больше слышать, как она меня Томочкой зовет! Лучше я брошу к черту всю учебу.

Может быть, жена бы и заплакала, хотя женщина она и не слезливая, но я вмешался, отвлек, начал рассказ о своем визите к Лариске. Она очень заинтересовалась моими предположениями относительно Мишки Федорова и его размышлениями по поводу Ларискиного мужа и так далее. Только про портрет я не сказал. Вроде бы и неумышленно. Может быть, просто забыл?

Пока еще нас троих не связывало ни одно слово. Пока мы еще были друг для друга такими же, как всегда. Однако отчего же было не сказать про портрет? Что же я пытался скрыть? Чего убоился первый раз за всю жизнь перед матерью своей дочери, перед единственной и любимой женщиной?

Я тогда не искал ответа на эти слова, а интуитивно счел такой подход наиболее благоразумным. Как было знать, что от подобной благоразумности до подлости всего один шаг.

Нас всех толкнуло вперед, мягко толкнуло, значит «газик» пошел под гору, можно считать, что мы уже и приехали. Сидящему в кабине уже ви-

ден подъем, — квадратная башня клетьевого ствола.

Сегодня в лаве нас ждет Батя. В ночную он пошел, чтобы проверить последний раз все узлы нашей машины. Это я так думаю. Сам-то он что-то о гидравлике говорил, насосы хотел вроде поглядеть. Но это для отвода глаз. Такой уж он беспокойный старик.

Официально мы сегодня опробование должны начать. Вернее сказать, работать. Разную мелочёвку, недостатки, в основном в подключении, за это время слесари устранили. И вот сегодня нишу у нас будет готовить Гриша Шамов, не вручную, а машинной. Нашей собственной. И пусть говорят, что это не великое дело, что, можно сказать, мы велосипед изобрели. Однако, если нам на этом велосипеде удобней и быстрее ездить, так почему бы и нет! С ним, если хорошо пойдет, попробуем и мы в люди выйти. То есть в шеренгу тысячников встать. Вслух об этом и думать страшно, поэтому я никому из ребят еще ни слова. Время покажет. В хвастунах ходить не люблю.

А признаться, водился за мной такой грех по молодости. Но Батя отвалил. Незаметно все вышло, само собой вроде.

Было это уж совсем в старые времена, когда пришел на нашу шахту первый комплекс, и нашей бригаде, тогда еще Геннадия Воронова, предстояло на этой технике добывать уголь. Раза два с бригадиром, я был звеньевым, мы ездили поглядеть, как же с этим чудом управляют на других шахтах. Комбайны уже были знакомы. А комплекс? Сразу и объяснения не найдешь тому ощущению, которое испытал я, попав впервые на комплекс. Светло, порода и уголь зачищены. Удивление — не удивление, оторопь — не оторопь.

Когда у нас Катюха родилась, стала уже большенькая, то есть топать начала, привез я в гости свою бабушку, ей тогда уже девятый десяток шел, чтобы поглядела на правнучку. Бабушку тоже Екатериной звали. А жили мы еще в молодежном общежитии на шестом этаже.

Бабушка в кости была широкой, в ногах крепкой, правда, медленно уж очень передвигалась.

— Так по моей дорожке, милай, — шутила она, — торопиться-то и не к чему, к боженьке я и так не опоздаю.

И вот привез я бабушку. К лифту подвожу, и все ей объясняю.

— Лифт — это машина такая, она нас и довезет до самой до маленькой Катьки. — Бабушка все поняла. Лифт опустился, двери распахиваются, а моя старуха давай креститься. Люди смотрят. Я ее в лифт, она упирается.

— Это куда же, внучек, ты меня волокешь-то, страсть какая!

С трудом уговорил я ее. Ну и поехали. Уже на четвертом этаже бабушка в себя пришла. Все ж таки к технике нынешние старики маленько привыкли. А на шестом новый грех. Не хочет выходить и все!

— Давай, — говорит, — еще покатаемся. Уж куда лучше, чем в такси этой!

Примерно так и я себя чувствовал в пору знакомства с комплексом в работе.

Когда вагоны с оборудованием пришли, начальник шахты вызвал всю нашу бригаду к себе.

— Готовы, Степан Гаврилович? — спросил он у Бати. — Ребята справятся?

Тот вроде нас впервые видел. Со стороны так посмотрел.

— Кто с тонкой кишкой, через два дня узнаем, Сидор Васильевич. По моим наблюдениям, вроде таких и быть не должно.

Таких и вправду не оказалось. И

стали мы людьми непонятной профессии. С утра рабочий день начинали как грузчики. Разгружали секции из вагонов. Вечером в студентов превращались. Под руководством приезжего инженера-специалиста по комплексам и под присмотром Бати в учебном пункте долбили теорию эксплуатации. До болтиков, до винтиков разбирали и собирали основные узлы агрегата, изучали приемы монтажа. Бывало, что заглядывал в учебный пункт и кто-нибудь из любопытных. Посидит, послушает, рукой только махнет и уходит. Не очень верили на шахте в эту затею. И в бригаде спору было, хоть уши затыкай. Как перекур, так спор.

Вот в один из перекуров подошел ко мне Батя, помолчал и спрашивает:

— Ты, Токарев, почему не учишься?

Не понял я его. Улыбнулся так.

— Что ты, — говорю, — Степан Гаврилович. Как все. Хоть у преподавателя спроси.

— Я не об этом, — неторопливо выпустив облачко дыма, сказал Батя. Поглядел, куда оно полетело, как рассыпалось, рассмеялся. — В техникуме, институте? Голова у тебя варит, замечаю, варит. А ты ей ходу не даешь, без работы заржавеет она у тебя.

— Какое тут! — я сам рассмеялся. А смешно мне стало оттого, что недавно подобный разговор состоялся в комитете комсомола. — Не по мне науки. Я рабочий. По складу своему рабочий. Отец у меня рабочий был. Да и зачем? Денег у меня не меньше твоих, верно? Скоро на машину накоплю, очередь на квартиру подходит. На юге всей семьей каждый год бываем, чего мне еще надо, скажи?

Погладил он свой шрам. Привычка такая у Бати, когда задумается, шрам на левой щеке широкий, красный — он в танке горел на войне.

— Смешной круговорот получается, оказывается, в жизни. Ну точно слово в слово я это говорил сам. И был я,

правда, тебя постарше, и повидал я не курорты, а противотанковые фугасы и, кстати, был уже членом партии,— не те детали, а вот слова те же.

Меня как будто по самолюбию кольнуло. Выходит, что я не сам до всего додумался, не своим умом живу.

— Не знаю, говорю, Степан Гаврилович, про какие слова речь, но ума я не занимал и не буду.

— Ну и дурак!— спокойно и совсем необидно заключил Батя.— Да еще и хвастун. Ладно, все равно перекур, послушай-ка ты одну историю.

Почему в памяти задерживаются детали чужой, тобой не пережитой жизни? С годами они не оседают на дно, не заслоняются днями твоего календаря? Наоборот! В какое-то время просветляются непонятной необходимостью, только уже в ином несколько облинии. Уже не в отчужденности от тебя, а в тебе самом.

Мы редко думаем об этом. Но вот неожиданно в соединении наших дней обозначится чуть ощутимая несхожесть. Противоречивость эта тотчас приведет сумятицу в душу. И обращаемся тогда мы за помощью к памяти. Не слова, не звуки мы ищем в ней. А их суть.

Ведь в самом деле, Батя так же ответил начальнику шахты, когда тот, пригласив к себе бригадира слесарей, сказал:

— Давно к тебе приглядываюсь, Анисимов. Хоть сейчас механиком ставь, а почему не учишься?

— Я рабочий, — сказал Батя. — У меня руки есть и к ним голова. Денег могу занять, если хотите. Дом есть, жена, дети, к чему голову забивать? Да я с любым техником потягаюсь по части механизмов.

С тем он и ушел. А через неделю его снова пригласили в большой кабинет на втором этаже шахтового ком-

бината. И опять о том же речь пошла. В то время на шахте немало и практиков работало. Но что же углядел такое в бывшем танкисте старый инженер, почему настойчиво посылал его на курсы мастеров?

— Ну к чему мне эти науки. Я любую машину разберу и соберу без всяких подсказок,— упорствовал слесарь.

Когда начальник в третий раз вызвал Батю, то не успел тот войти, как услышал вопрос:

— Ты знаешь про атлантов?

И не моргнув глазом, Степан с достоинством спросил:

— А где такая нация живет? На Балканах? Я там не был. Нас сразу в Чехословакию кинули.

Он не засмеялся, старый инженер. Может быть, ему стало просто грустно, а может быть, поэтому он так настаивал на его учебе, что понимал: корни невежества талантливого умельца уходят в трудное время сиротства и войны? Не засмеялся, а тихо проговорил:

— В сказках древнего и мудрого народа жили атланты. Они держали на своих плечах прекрасный и тяжелый голубой небесный свод. Боги им даровали бесконечную жизнь. Человеку труднее. Каждый из людей идет к своей последней черте. Ни одна из живущих миллионов божьих тварей под голубым небом не осознает, что она смертна — в этом неведение ее великое счастье. Ни одна из них не осознает, что живет, а тем более, может еще и украшать жизнь. В этой слепоте — их великое горе. И только человек видит и знает все. С тех пор, как он взял в руки палку и она стала его орудием, с того момента на свои хрупкие плечи человек взвалил ношу, непосильную даже атлантам. Название этой ноши — Земля. Не сразу и не каждый человек почувствовал этот груз. К сожалению, и по сей день не всякий осознает долю ответственности в об-

шем деле. Порой этого не разглядеть в наших повседневных заботах. И тебе кажется, что достиг ты своего, что тебе отведено жизнью, если умеешь отремонтировать отбойный молоток, врубашину, конвейерный пускатель? Что ты сыт и можешь даже кому угодно дать денег взаймы. Но пройдет совсем немного времени, и ты поймешь всю ничтожную малость этого. Однако есть в человеческой жизни одна коварная черта. Это опоздание. Если ты опоздал в жизни, за эту черту уже возврата нет.

— Так кто же будет работать в лавах, если все станут грамотными? — полюбопытствовал бывший танкист, выслушав не очень для него понятную длинную речь начальника шахты.

— В лавах будут работать механизмы, которыми и будут управлять грамотные люди.

Разговор тот состоялся не так уж и давно.

— Но у меня даже ручки своей нет. За ненадобностью и не держу, — признался тогда Батя, — давая этим понять, что в общем-то он согласен. Начальник протянул ему свою автоматическую ручку, улыбнулся весело.

Так слесарь Анисимов попал на курсы горных мастеров. Об этом горный инженер Анисимов рассказывал мне во время перекура, когда мы готовились к монтажу первого на нашей шахте угледобывающего комплекса. Может быть, и не совсем так шел их разговор. Но суть его цепко засела и у меня в памяти и тревожила.

Наш газик остановился. Синее утро обдало резкостью, пронзительной живительностью уже настоящего на приближающихся морозах воздуха. И хоть поеживались все, но в клетьевую шли не торопясь, вдыхая этот воздух, как родниковую воду, короткими глотками.

Пока мы дожидались клеть снизу, Мишка, неожиданно спросил:

— Лариска часто заходит?

На эту тему мы ни разу с ним не говорили. А Мишка как-то растерянно, уже совсем на него непохоже, доверительно сказал:

— Я, понимаешь, хотел все по-человечески. Как у людей чтобы. Кончай, говорю ей, волюнку с этим пижоном и давай поженимся. А она, понимаешь, в другую сторону. Кончать, говорит, пора тебе, Миша.

В это время из черноты ямы ствола вынырнула клеть. Поднималась ночная смена. Вот мы уже за железной дверью. Звонок. И из-под ног у тебя уходит опора. Ты словно зависаешь на миг и начинаешь падать. Привычное состояние, но всякий раз неожиданное. Может быть, такое случается, когда приходит невесомость?

Мишка стоял со мной плечо к плечу. Я о том разговоре знал раньше. То есть узнал вчера, поздно вечером. Когда я услышал звонок, резкий, короткий, одинокий, то почему-то вздрогнул. Ночные гости в нашем доме не были в диковинку. И тем не менее, когда, открыв дверь, я увидел на пороге улыбающуюся маленькую Лариску в ее детском капюшоне, отчего-то растерялся. Возможно, даже от радости, что хоть не одному весь вечер коротать? Тамара опять уехала к матери. Лариска заметила мою растерянность.

— Не хочешь и впустить? Я же совсем уже стекляшкой стала! — Она засмеялась и проскользнула у меня под рукой, пока я какое-то мгновение стоял в растерянности против открытой двери. Осторожно прикрыла ее, расстегнула капюшончик, и сбросила его мне на руки.

— Толик! Зима! Настоящая зима, — она с такой яростью терла ладонь о ладонь, что, казалось, из них вот-вот должен пойти дым и они загорятся. Капюшончик ее был из какой-то клет-

чатой-шелковой материи, как говорится, на рыбьем меху и совсем не соответствовал погоде. В квартире было холодно и неуютно, в комнате горел торшер, и его желтый свет казался застывшим и выпускающим этот холод.

Лариска — как это делалось всегда — уселась в кресло под торшер, бросив на столик сумочку. Она была большая, замшевая, в бахромах, удивительно вместительная. Она что угодно могла достать из нее. Книжки, кофе, пакеты с супом, баночки с кремом. На этот раз она достала пачку сигарет «Аполлон-Союз» и бутылку «Токая». Все это она проделала молча, быстро. И только когда протянула мне сигареты, приглашая закурить, хитро подмигнула и засмеялась. И от ее доброго смеха как будто потеплело, а она еще и встала, включила телевизор и только тогда поинтересовалась:

— Куда это ты хозяйку услад, когда в такую погоду добрый хозяин и собаку на улицу не прогонит?

— Опять к теще уехала. А я вот за домового.

— Ой, как нехорошо, — от огорчения маленькое личико ее сморщилось. — У меня же событие! Две мои работы отобрали на зональную выставку. «Лето», ты видел этот холст. Старый террикон, на нем деревья, и «Портрет рабочего».

С тех пор, как мы с Мишкой были у нее в мастерской и я нечаянно прикоснулся к ее тайне, у нас с Лариской ни разу не было разговора на эту тему.

Дня через два после того она появилась у нас. Рассказала Тамаре о том, как мы пили кофе и какой Мишка мастер его готовить. А я сидел, просматривал свежую газету и ждал, когда же она скажет о портрете. И уже приготовил какую-то фразу, как мне думалось, способную нейтрализовать эффект ее слов. Но она или забыла,

или не сочла нужным об этом и вспоминать, за что я ей был очень признателен. Потому что не смог бы объяснить ничем свою первую ложь. Наоборот, в этой фразе, которую я придумал, было ее развитие. Вот почему я с облегчением вздохнул, когда разговор у нас принял другое направление. Только остался неприятный осадок от того, что Лариска, совсем уж ни к чему, при этом многозначительно поглядела на меня.

В тот вечер у нас с ней будто бы образовался безмолвный заговор против Тамары, бессмысленность и глупость его были очевидны. Но странным образом очевидность эта тонула в возникшем непонятно почему обмане, ставшем уже нашим с Лариской секретом. И вчера, упомянув о «Портрете рабочего», она мельком взглянула на меня, спокойно затянувшись и выпустив густую струю дыма в потолок. Но каждый из нас понимал, что при этих словах мы оба вспомнили о том портрете. О чем думала она, мне трудно было судить. Зато я вновь подумал о неловкости ситуации. Может быть, даже смешной в своем ложном трагизме. Однако раздражения при этом в себе не обнаружил. Хорошо помню это. Если раньше вопросом «зачем» я задавался в недоумении, то на этот раз с непонятной отчаянностью разобрало вдруг меня любопытство.

Долго и внимательно смотрел я на Лариску, и буратинистый, крикливый ребенок совершенно исчез. Женщина с грустным взглядом усталых глаз, забившись в угол кресла, сидела напротив меня.

— Нет, это не тот портрет, о котором ты думаешь, — спокойно сказала она. После чего она повернулась в мою сторону, и я понял: все, о чем я думал в эти минуты, не было для нее тайной. — Что ж, хозяин, позвольте мне похозяйничать и угостить вас? — Она неожиданно, по-спортивному опершилась

на подлокотники кресла, соскочила с него. Подбежала к серванту, достала рюмки. Быстро на журнальном столике развернула бумажную салфетку, оказывается, она знала, где они у Тамары лежали. Прежняя девчонка-птичка, весело щебеча, порхала по комнате.

— Толик, я помою фужеры, ты откроешь консервы. Есть же какие-нибудь консервы. По-моему, должно быть еще что-нибудь в холодильнике посуше-ественнее, верно? Жена на голодную смерть тебя не бросит, у нее эта забота на первом месте. И бутылку, бутылку не забудь открыть.

Она повязалась Тамириным передником, бегала из кухни в комнату и обратно, успела даже на ходу рассказать анекдот. Опять смеялась. Но когда она, сидя в кресле, подняла бокал с вином и, протянув его в мою сторону, чуть задела выпуклым его боком о бок моего бокала, в тонко-ласковом звоне их как будто прозвучали обещания и предостережения. Мне и сейчас слышится этот долгий угасающий звон.

...А знаешь, между прочим, Михаил сегодня сделал мне предложение, — неожиданно, после того как она отпила половину бокала, объявила Лариска.

А сейчас, в эту секунду, может быть, уже последнюю перед остановкой клетки, мы стоим рядом с Мишкой. И вместе с нею стремимся вниз — в шахту. Она притягивает нас — как космический корабль сама Земля, и так же осторожно вот-вот примет на свою твердь.

— Зачем ты парню крутишь мозги? — спросил я. — Правда, Мишка не из тех, кого можно сбить с панталыку. Но все-таки.

Она поставила бокал на стол.

— Толик, дай мне чем-нибудь укрыться. Все не могу согреться. — Лариска совсем съежилась и уж вовсе походила на воробышка.

Я принес ей из спальни Тамирин

плед. Она укуталась в него так, что торчала одна головка. Волосы застлали ей глаза. Она помотала головой из стороны в сторону, но это не помогло, тогда она высунула руку, откинула пряди назад, взяла в руки бокал.

— Понимаешь, вчера у нас был балдеж. С утра начали. Закончился совет, и разошлись по мастерским. Вначале по своим норам, потом собрались вместе. И забыла я совсем, что у меня с мужем на десять переговоров. Миша пришел часов в восемь. Он частенько в последнее время бывает у меня. А в мастерской целая свадьба. Все ко мне сгоношились. Дым столбом. Маг ревет. Как раз тут и Миша нарисовался. Естественно, начали скидываться, и вот его откомандировали. Добрый он малый. Внешне вроде бы балагур, а в действительности совсем не то. Ну нравлюсь я ему. Знаю. Забалдела, дура. Вспомнила как раз про телефон.

На почту мы вместе с ним пошли. Смутно помню, о чем разговор был, помню, что почему-то ревела. — Она поглядела на пустой бокал.

— А знаешь, Толя! Какой он мне муж, пополам колечко? Однажды я его пожалела, вот и маюсь всю жизнь. Ни вдова, ни замужняя. Так себе, подруга, как этот мой, с позволения сказать, муж однажды представил меня приятелям.

Вернулись в мастерскую, кофе заварили, голова трещит, спать хочу. И тут Мишка со своими откровениями. Слушаю я его, а меня злость разбирает. Потом уж я сообразила, в чем дело.

— Миша, — говорю я ему, — если тебе хочется переспать со мной, ты так открытым текстом и говори. Возражений принципиальных не имею, но только не сегодня.

Надо было видеть его лицо! Я подумала, что он прибьет меня. Может быть, и прибил бы, если б чуточку попьяней был, а может, мой жалкий

Вид его удержал. Только и сказал:
— Дура ты, Лариска!

Она потянулась за коробком, в нем не оказалось спичек. Я вышел на кухню, а когда вернулся, Лариска полулежала на диване.

— Ты не будешь возражать? Устала я что-то. Да, а знаешь, что, — оживилась она, — подвигай-ка сюда столик и сам рядом садись. Да не бойся, не бойся, на твою целомудренность не стану посягать.

— А что, Толик, отчего ты не сказал Тамаре про портрет? — неожиданно спросила она. Я знал, что заговорим об этом, но к ответу все равно не был готов.

— А почему ты сама не сказала? И вообще, зачем ты решила увековечить мою особу? Собиралась же Мишкин портрет рисовать?

— Я и в самом деле дура, Толя, — маленьким комочком она лежала, поджав ноги, укрытая пледом. — Подай мне, пожалуйста, бокал, — попросила она. — Я-то знаю, почему умолчала. Тамара ведь женщина. А они, в отличие от вас, мужиков, кое в чем умеют разбираться. Особенно, если это касается их собственных мужей.

Ты не заметил, конечно, что я в последнее время у вас бываю реже?

В разговоре, я давно понял, случаются и совсем не важные слова, но вся суть в том, как и где они сказаны. Ларискины слова натолкнули меня на какую-то догадку. А она все говорила:

— Не поверишь, наверное, но, идя к вам, я почти была убеждена, что не застаю дома Тамары. Мне, конечно, хочется ее видеть, — поправилась она, — трудно даже сказать, кем она для меня стала: и сестра, и мать, и друг... Но дуры мы, бабы. Так уж устроены.

Лариска села, сбросила плед с плеч:

— К ужасу своему я, кажется, люблю тебя, Толечка, и давно.

Она положила мне на плечо свою легонькую ладонь. А я замер, я не знал, как же мне теперь быть. Вспомнилось, что она сказала Мишке: «Принципиальных возражений нет». Не выкинуть ли ее к чертям из квартиры?

И будто подслушав меня, она торопливо заговорила:

— Я ничего от тебя не требую! Ради бога. Ты можешь обо мне что угодно думать. Пожалуй, я того заслуживаю. Но что же я с собой поделаю, если я ревную тебя к твоей собственной жене?

Она прижалась к моему плечу. И я понял, почему я не сказал жене про портрет. Тогда я не мог в этом разобраться, но почувствовал в портрете больше, чем просто живопись. Может быть, он был и не таким совершенным с точки зрения мастерства, честно говоря, не знаток я в этом. Да, по-моему, не такой уж я и красивый, как там получилось. Но дело не в этом. Я словно бы услышал вдруг тихое ласковое слово. Нет, не то, что порой мы произносим с необязательной веселой улыбкой, а то, которое, бывает, очень хочется сказать, но которого мы сами боимся. Пугаемся его потому, что за ним открывается нечто такое, за что уже в ответе не только ты один. Вот почему я не сказал об этом портрете жене.

Всем телом я слышал, как знобко бился маленький комочек рядом со мной. Каждая моя клетка принимала этот сигнал, и руки, мои, большие сильные руки, не знающие усталости, когда я ими кидаю в лаву уголь, в смятении отяжелели и обмякли.

А Лариска говорила, говорила. Голос притих, словно не доверяя окружающей нас тишине, или боясь, что слова останутся среди вещей в комнате до того момента, когда они станут чужими и, может быть, враждебными.

— Я злилась на себя, мне было не-

ловко перед Тамарой. Но после того, как я почувствовала совершенно определенно однажды злорадство, узнав о вашей ссоре, я испугалась себя. Но это было в начале, а потом я обрадовалась. Нет, нет, ты не думай, не вашей ссоре, тем более, что я знаю, они у вас как дождик зимой — не настоящие, редкие и забывные. За себя обрадовалась, что выпала мне на долю, хоть и такая ущербная, но любовь!

И все бы обошлось. Все, все. — Ее дрожь прекратилась, но в словах теперь сквозил шепот будто бы прослышались всхлипы. — Если бы не Михаил. Он этим своим предложением убил меня.

Знаешь, когда я впервые узнала, что у меня будет ребенок, и что я жена, меня к этому не приглашали и подвенец никто не звал, я не так расстроивалась. Однажды я пришла в квартиру и осталась там до тех пор, пока хватило сил, пока передо мной не раскрылись двери на улицу. Не нужно тебе об этом знать.

И вдруг, на тебе! Добрый, хороший человек, но которого я совершенно не люблю, страшно далекий от меня, человек, над которым я просто шутила, играя, уделяла ему внимание, он хочет назвать меня женой, в то время как другой, за которым можно куда угодно пойти, никогда не произнесет эти слова!

Я ведь и шла к вам посоветоваться, что же мне с ним делать. А сама надеялась, что не застаю Тамару дома. Милый, ну зачем я такая дура! — она как-то неловко приподнялась и обхватила меня за шею.

Непроизвольно, подчиняясь ответному порыву жалости и еще больше благодарственной сумятице в душе за неслышанные до сей поры слова, полные тоски, я повернулся к ней. И на какое-то мгновение шероховатые мои ладони ощутили непривычную шелковистость ее волос. А следующее, еще менее

уловимое мгновение отстранило меня от нее.

Я не умел объяснить происходящего со мной и боялся, что и она не понимает этого. Жалость и печаль, слившись в тихую горькую радость, торопили мое сердце. И казалось, в стуке его слышались те слова, которые я не мог подыскать, чтобы объяснить самое важное в эту минуту для нас обоих. А может быть, она их все-таки услышала?

Лариска заплакала или засмеялась, в темноте было не разобрать.

...Резкий толчок, клеть остановилась. Земля там, над нами. Рудный двор полон возвращающихся на-гора шахтеров. И сразу же вижу высокую фигуру Бати. Он не торопится садиться в клеть, и я понимаю, что ждет нас.

— Степан Гаврилович, — крикнул я ему. — Мы же договорились вместе опробовать, зачем же в ночную пошел?

— Да понимаешь, шланги надо было посмотреть. И еще вот что мне в голову пришло: надо обязательно выделить человека для выпаливания колчедана. Чтобы он ничем больше не занимался. Выпаливание — это его дело и все! Чтоб у него сверла, шланги, коронки, штанга — все было всегда под рукой, и это должно быть его единственной обязанностью. Поглядишь, сколько времени сэкономим. Порядок будет? Будет. Искать и бегать не придется? Не придется! А это все — время. Я тебе говорю, надо подумать. Ты с начальником посоветуйся.

— Чего же я! Ты сам и обскажи — идея твоя! Чего это я буду чужой хлеб отбивать.

Батя, пропустив мимо ушей мои слова, спросил:

— С тобой еще начальник не говорил?

— А о чем?

— Значит, не говорил. Ну завтра скажет все равно. Вот что, друг Токарев, есть такое мнение — назначить тебя механиком участка. С главным уже обговорено, в парткоме тоже. Ну тебя, видно, пока не трогали, чтобы на строение перед испытанием «велосипеда» не отбить. Да ты за него не беспокойся. Я мельком, правда, взглянул, все нормально. Лава настроена так, что сразу начнете по добыче работать.

Я не понимал ничего. Не само назначение меня удивило. К этому я все равно должен был когда-нибудь прийти. Но не на место же Бати.

— Ты о чем, Степан Гаврилович?

— Темнота, не понимаешь! — влез в разговор стоящий рядом Мишка, — будешь теперь у нас механиком, а ты куда, Батя? — от растерянности назвал так механика Мишка прямо в глаза, — Степан Гаврилович, — поправился он, — куда ты-то? Не угодил чем начальству?

— Меня в отдел главного забирают. — Он стал гладить рукой краснеющий даже сквозь угольную пыль широкий шрам на щеке. — Токарев, думаю, не подведет. Не подведешь, «велосипедист»? Пойдите-ка, ребята.

Батя полез в карман спецовки.

— Нате вам на счастье, — он протянул нам с Мишкой по обломленному комбайновому зубку. — Раньше подковы дарили, ну это кому на коне скакать, а вам на комбайне под землей ехать да ехать. Так для счастливой дороги! Это, Михаил, с твоего концерт-

ного выступления. Помнишь? Ну вот тогда я их и сунул в карман. Так просто. А видишь, и сгодились.

Сверху опять пришла клеть. Среди вновь прибывших были и наши остальные ребята.

— Я поехал! — заторопился Батя. Он похлопал меня по плечу. — Принимай дела, механик, подставляй свои плечи, они у тебя крепкие. Завтра увидимся.

...Электровоз мчит по длинному штреку наш поезд из маленьких вагончиков. Мне еще приходят в голову Ларискины слова: «Спасибо тебе, милый, за все!» — И я неожиданно ясно осознаю их истинный смысл. Утром же я их воспринял как насмешку, как издевательство, как намек на мою трусость и нерешительность.

Глупый человек! Это же были слова прощения! Прощение за слезы отвергнутой женщины, за ее одинокую ночь в холодной чужой спальне, прощение за любовь к другой.

Еще, как я сейчас понимаю, это были слова прощания, и слова облегчения от тенет мелкой лжи, в которых мы чуть оба не запутались. «Спасибо и тебе!» — подумал я о Лариске.

Наш вагончик качнуло на разминке. Но мы сидим, плотно прижавшись друг к другу. В кулаке у меня Батин подарок. И от того ли, что, наконец, пришла ко мне необходимая потребность действия, я чувствую, как привычная деловая сосредоточенность овладевает мною.

Михаил Небогатов

Барзас

В полдневный час со станции иду.
Какой густой от зноя запах ёлок!
Печет. Рубашку скинул на ходу —
Пусть обжигает солнце. Путь-то долог...
Лесная птица пробует дуду.
Но звуки эти глушит хвойный полог...
Вот первые дымки. Вот на виду
Там, на горе, весь избяной поселок.
Сынишек узнаю издалика —
Вон оба у реки... А загорели!
Кричу с моста:
— Клюет?
— Да нет пока...
И с удочками снова присмирели...
Под солнцем ярким в искрах вся река,
Как в серебристых выплесках форели.

Шуринка

Дома степной деревни потонули
В глубоком сне. А зря вы спите, зря...
Как хорошо здесь в ранний час в июле!
Какая здесь широкая заря!
Кругом одни поля. Не потому ли
Она пораньше встать спешит, горя.
Поля ей крылья вольно развернули
И славят пеньем птиц, благодаря.
Еще земля в спокойной полудреме.
Но все сиянья алого полно:
И скаты крыш, и стекла в каждом доме,
И на заплоте пестрое рядно...
Горит заря и в уличном проеме,
Как в новый день открытое окно!

В д е т с т в е

Пристроюсь за обеденным столом
С карандашом простым наизготовку,
Родным своим о том, как мы живем,
Писал я письма мамы под диктовку.
Писал, что плохо стало с молоком,
Совсем, мол, заморила я коровку,
Но вот дождемся лета и вздохнем,

Уже достала добрую литовку.
Задумавшись, клеенку теребя,
«Живите дружно», — мама диктовала.
И улыбнувшись, посмотрев любя:
— Ну, все, поди? Многонько накатала?
Многонько. И ни слова про себя —
Как трудно ей, как от нужды устала...

В а с и л ь к и

Хорошо погостилося у поля!
В сердце до ночи — праздничный свет.
Словно друга, родного до боли,
Повстречал через множество лет.
В окнах звезды горят васильками.
Даже пахнут, как там, у реки.
Васильковое синее пламя
Все мне видится — тьме вопреки...
Нет, не друга, что радостью светел, —
Я сегодня, счастливый такой,
Просто девушку славную встретил
Вдалеке, за чертой городской.

Кто такая она и откуда,
И куда и зачем она шла —
Неизвестно. И все же как чудо
Для меня незнакомка была.
Эту встречу храню, как находку.
Не сумев и лица разгадать,
Только плавную видел походку,
Да загар, да красивую статью.
Повезет вам вот так же едва ли —
Нашей жизни пути коротки:
Поле всё васильки устилали,
И на платье цвели васильки!

З м е й

...Вот закачался он над крышей,
Кренясь от тяжести хвоста.
Потом все дальше, выше, выше,
Туда, где неба даль чиста.
И в эту даль квадрат бумажный
Уплыл, оклеенный крестом.
Уже красиво,
Плавно,
Важно,
Легко планирует хвостом.
Под ним —
Деревня, лес,

Лужайка,
Где из ромашек, сочных трав
Глядит, глядит
Ребечья стайка,
Вихры восторженно задрав.
А змей парит,
Как детство, дивный,
Далекий от житейских бурь.
И только грохот реактивный
Бьет, словно в колокол,
В лазурь.

Августовский рассвет

Да, и город спать умеет,
Затаив волнение, шум...
Небо темное белеет,
На челе — ни чувств, ни дум.
По березовым по кофтам
Чуть скользит высокий свет.
Белизна ли облаков там,
Синевы ли бледный цвет?
В густоте, в сплетенье веток,
Сплошь затопленных листвою,—
Щели света без расцветок
По-над серой мостовой.
В окнах — ночь.
В дверном квадрате
Где подъезд и водосток,

Виснет лампочка некстати —
Тускло-вялый лепесток.
От росистого дыханья
Свежесть воздуха чиста.
Никакого колыханья —
Ни травинки, ни листа.
Утро к жизни безучастно.
Ни одной приметы в нем,
То ли будет днем ненастно,
То ли ясно будет днем.
Полон мир таким молчаньем,
Словно дворника метла
Смелым шарканьем, шуршаньем
Звуки все с земли смела.

Николай Колмогоров

Я за того, кто ясным словом лечит.
Одобрить жизнь — какой высокий труд!
Поэт всегда у тех истоков речи,
Откуда люди будущее пьют.

Я светлый створ мгновения открою,
Когда сердца придавлены бедой.
Я за того, кто их поит живою,
живою, а не мертвою водой.

В чем слова жизненный секрет?
Стихи годами ждут поправок.
И заиграют вдруг на свет,
Как серебро после протравок.

Весь опыт сердца напряжен,
Когда в мученьях ювелира
Тончайшей сканью станет он,
Оправив чистый облик мира.

И надо, чтобы заиграл
Живыми гранями Вселенной
Цветной, магический кристалл
Поэзии проникновенной!
Противоречья всех основ
Пусть в нем струятся, преломляясь

Традициями мастеров,
К которым тянет нас не зависть —
Нас тянет к ним земной магнит
Той веры в жизнеутверждение,
Которая всегда пленит
Здоровым духом исцеления.

Есть паузы в осенней непогоде,
когда и ветер в сердце не дохнет!
И тишина, мелькнувшая в природе,
сама себе отчета не дает.
Еще повсюду запах сенокоса
и копны, как лохматые дома.
И тень тайги, поставленная косо,
преломлена речушкой до дна.
Где душным днем видней из-под ладони,
как ледники сверкают в небесах,
припомнишь вдруг о брошенном кордоне
в густых, как смоль, непуганых лесах.
Там синевой долины обмелели,
и тем глубинка эта хороша,
что смотришь в мир как бы из колыбели,
наивностью открыться дорожа.
В простой избе с просветом в два оконца
когда-то жил большой семьей лесник,
и в ельнике, где бродят пятна солнца,
над ним давно сомкнулся материк.
Лишь с безымянным памятником ровень
здесь каждый год июньскою порой
цветут в обнимку жаркий марьин корень
и крестиками шитый зверобой.

В. Крекову

Я жил у рекостава, там, где люди
готовились к железным холодам.
Они топили печи, и в округе
поленницы скрипели по утрам.
В такую вот неласковую пору
на вырубках алтайского села,
нештатному бродяге-дровоколу,
мне снова жизнь урок преподала.

Морозный бор вставал за огородам,
и мерзлые удары топора,
обрушиваясь, ухали под сводом,
и падали тяжелые дрова.
Я здоровел, я накрепко запомнил,
что лучшее лекарство — это труд.
И кислородом легкие наполнил,
передыхая несколько минут.

Когда-нибудь, когда родятся дети,
я покажу им светлые места:
сияющие горы, пихты эти,
мой кособокий домик у моста...

Ведь это здесь подумал я впервые
о сущности поэта на земле,
где отшумели кроны вековые
и замерли отчетливо к зиме.

В неоскорбляемой части души,
словно в долине сосновой,
бьете вы, светлые чудо-ключи
незамутненного слова.
Жить нелегко, но когда прикоснусь,
вытянув трубочкой губы,
вновь целомудрия детства напьюсь
и возвращусь в жизнелюбы.
Вихрь песчинок, рожденный водой,
кажется вздохом ребенка!
Вот он... под легкою дышит травой —
чуть шелохнулась ручонка.

Поэзия не жизнь, а лишь о жизни слово.
Но только с нею я переживу все снова:
От чистых детских лет с любовью первой к маме
До белой головы и до разлуки с вами.
Ведь так устроен мир, и правда, что на свете
О жизни знают все лишь старики да дети:
Как ветер и листва, как дождь и мята луга,
Как птицы и ручьи, они поймут друг друга.

Владимир Куропатов

ГОЛУБОЙ КОНЬ

Село было большое, районный центр. На две почти равные части его разрезала река. Тоже большая. Правда, не настолько уж большая, чтобы по ней плавали пароходы и бегали катера, но и не такая уж маленькая, чтобы перейти ее вброд. Моста через реку в селе не было. С одного берега на другой люди переправлялись на пароме. Паром был старый, ленивый, жалобно-скрипучий. Управлял паромом человек, возраст которого определить было сложно. Иногда он казался молодым и даже привлекательным. Это если побреется. А брился он только по трезвости. Трезвым же его видели редко. Обычно хоть под маленьким, но хмельком. И его обветренное лицо золотилось щетиной, а с похмелья оно вдобавок было дремучим и хмурым. Понятно, что ни щетина, ни хмурость человека не молодят.

Звали паромщика Иваном Петровичем Болтиным. Однако по имени и отчеству к нему обращались тоже редко. Но это уже зависело не от того, пьян он бывал или трезв, а от иных обстоятельств. Когда этих обстоятельств не было, его звали и в глаза, и за глаза Шалтаем-Болтаем. Или короче: просто Шалтаем. Другие — просто Болтаем. Кому как больше нравилось. Самому же паромщику было все равно, кто его как называет.

К ночи, когда село, будто уставшее за день, притихало, Шалтай-Болтай причаливал паром к левому берегу и поднимался на яр. На яру стояла рубленая избушка, небольшая, неказистая, покосившаяся набок. Окна ее грустно смотрели в воду, будто разглядывали в ней свое не очень привлекательное отражение. В этой избушке Шалтай-Болтай жил вдвоем с женой. Детей у них не было.

Паромщик входил в избушку, вешал на гвоздь пиджак, стаскивал резиновые сапоги, присаживался к столу. Но, бывало, в этот самый момент доносилось сквозь худые окна:

— Иван Пет-ро-ви-и-ич!.. Пе-ре-ве-зи-и-и-и...

Это кричал какой-нибудь запоздалый человек с того берега. Ему обязательно надо переправиться. А паромщику переправлять всех запоздавших совсем необязательно — рабочий день закончился. Вот и забывал человек на том берегу прозвище паромщика и вспоминал его имя и отчество. И хотя все знали, что Шалтай-Болтай не из обидчивых, все равно навеличивали Иваном Петровичем. Ну, а вдруг возьмет да и обидится. А переправиться край как надо.

— Иван Пет-рови-и-ич! Будь до-о-обр!..

— Носит вас, — беззлобно ворчал

Шалтай-Болтай. — Вот и перевози их, и перевози. Когда только все переедет...

Ни разу не хлебнув из чашки, он клал на стол ложку, обувался, надевал пиджак, спускался с яра.

— Иван Пет-ро-ви-и-ич!..

— И что без толку кричать-то, — негромко говорил Шалтай-Болтай, как если бы взывающий был не на том берегу, а здесь, рядом с ним. Отцепляя от парома одну из двух лодок, гремел цепью. На том берегу становилось тихо.

Забравшись в лодку, пассажир уже твердо знал, что вылезет он из нее на другом берегу. Имя и отчество паромщика мгновенно забывалось.

— Ну, что, Шалтай, накалымил-то за день много? — интересовался пассажир.

— Да, скалымил, — неопределенно отвечал паромщик.

— А сколько пропил?

— А все и пропил. Чего мне. Как пришло, так и ушло, — загребая веслом, легонько смеялся.

Когда лодка тыкалась носом в берег, для иных пассажиров не только имя, но и сам паромщик уже не существовал. Выпрыгивали из лодки и, шурша галькой, быстро скрывались в сумерках.

— Ладно. Чего там... — говорил им вслед Шалтай-Болтай.

Иные благодарили:

— Спасибо, Болтай. Выручил. Ну, пока.

— Да ладно. Чего там, — отвечал паромщик.

Иные же протягивали плату:

— На-ка вот, возьми...

Шалтай-Болтай принимал монету и, даже не взглянув на нее, опускал в карман пиджака и уж потом говорил:

— Да ладно. Чего там...

— Ты не спорь, не спорь, — возражал щедрый пассажир, поднимая этим

самым цену своей щедрости, и любопытствовал: — А дома-то, за печкой, поди, чулочек есть? А?

— Дома, брат, у меня только Ведьма. Ничего, кроме Ведьмы, — и опять легонько смеялся.

Отвечая так, Шалтай-Болтай говорил почти истину. В избушке у него был расшатанный досчатый стол, две тоже расшатанные табуретки, койка да Ведьма. Так он называл свою жену. Так называли ее все. И другое прозвище ей вряд ли бы подошло. Высокая, поджарая, в замызганном платье, с распущенными, кто знает когда чесаными волосами с частыми прожилками седины, громкоголая и злая — она по всем статьям походила на ведьму. Не выбирая ни места, ни времени, ни слов, бранила мужа, по всяким пустякам бранилась с соседками, бранилась в очереди за хлебом, бранилась на телят и поросят, которые лежали в тени чужой ограды, бранилась на пробегающую вдаль собаку. И, конечно, бранилась бы на родных детей, если бы они были... А, впрочем, кто знает, может, именно из-за бездетности Ведьма и была ведьмой, а муж ее — пьяницей...

В село они приехали весной. Когда Шалтай-Болтай привез на телеге нехитрые пожитки и Ведьму в казенную избушку на яру, Ведьма оглядела новое жилище и напустилась на мужа:

— Эт ты куды ж меня привез, проклятуший!? Куды, спрашиваю, привез?! Да ты хоть ее смотрел ли, нечистая твоя сила?! Смотрел, чтоб твои глаза полопались, сатанюга?! Как в ей жить?! Жить-то как?! Она ж валится! Завтра в речку упадет! Ни кола, ни двора, чтоб тебе сквозь землю провалиться, захлебнуться бы тебе! Как жить-то в ей?!

— Ну, ладно. Чего там, — смиренно сказал Иван Петрович и, зевнув, почесал пятерней лопатку.

Ведьму это доконало. Не столько

слова, сколько зевов и почесывание. Выходило, что муж не только не чувствует за собой никакой вины, но и насмехается над ней, ни во что ее как хозяйку не ставит.

— Ах ты, улитка склизкая! Ах, паразит, ворона немытая! — и, подобрав одиноко валявшееся у порога полено, Ведьма ринулась на мужа.

Иван Петрович отступил шаг назад и сказал, все так же смиренно, невозможно:

— Ладно. Уймись. Вон люди смотрят...

Поодаль от избушки действительно собралась кучка любопытных. Соседи и прохожие.

— Что мне люди, паразит, что мне твои люди? Я украла чего-нибудь, чтоб людей стыдиться? Вот их заселить сюда, пусть бы пожили, — и повернулась к любопытным: — Чего вы лупились-то, как коровы на церкву?! Интересно?! Шибко интересно! Как же! Постановка бесплатная! А ну, ступайте отсюда!..

Некоторые, кто посовестливее, отделились от кучки, другие продолжали стоять.

— Откуда они такие распотешные? — спросили у бабки Афониной, дом которой был ближе всех к паромщицкой избушке.

Бабка ответила, сильно шепелявя:

— Шама не жнаю. Ш Алтая, што ли, говорят. Ш Алтая вроде. Не жнаю.

Все дружно засмеялись и тут же нарекли нового паромщика Шалтаем. А потом, когда узнали фамилию, к Шалтай стали добавлять еще и Болтай. И получилось лучше не надо — Шалтай-Болтай.

Едва рассветало, Шалтай-Болтай был уже на пароме. Хмурый, помятый, неуклюжий, он принимался за работу. С берега на берег переправлял машины, трактора, мотоциклы, конные по-

возки, пешеходов. На груди его висела кирзовая сумка. Из нее розовыми язычками высовывались кончики билетных лент.

Загрузив паром и отчалив его от припаромка, Шалтай-Болтай принимался собирать плату за проезд. Принимал деньги, аккуратно отсчитывал сдачу, так же аккуратно отрывал, сколько кому положено, билеты. Иной пассажир, отдав деньги, от билета отмахивался:

— Ладно, Шалтай, мне перед тещей не отчитываться.

— Ладно так ладно. Чего там, — соглашался паромщик и продавал сэкономленный билет следующему пассажиру. Но, бывало, что и следующий из солидарности с первым тоже отказывался от ненужного ему клочка розовой ленты. Шалтай-Болтай приходил в некоторую растерянность:

— Так это... Как же...

— Да не надо, говорю...

— Ну, ладно... Чего там, — пожав плечами, Шалтай-Болтай подходил к третьему пассажиру. Бывало, что и третий из солидарности с двумя первыми тоже отказывался от билета. Паромщик поднимал на него вроде как испуганные и в то же время строгие глаза:

— Нельзя, нельзя! Не положено! Бери! — совал в ладонь пассажира билет и спрашивал: — Время есть?

— Восемь пятнадцать.

Шалтай-Болтай недовольно морщился, произносил со сдержанным укором, будто скорость течения времени зависела от пассажира:

— Ладно. Чего там...

Кое-как дождавшись девяти, Шалтай-Болтай на правом берегу сходил с парома, поднимался к магазину и юркал в его только что открывшуюся дверь. Через некоторое время возвращался. Уже не такой хмурый и более расторопный...

С рассвета до заката паром, поскри-

пывая на все лады, ходил от одного берега к другому. Шалтай-Болтай работал и время от времени поднимался на правом берегу в магазин. А на левой стороне время от времени спускалась от избушки Ведьма. Подлетала к мужу:

— Уже! Уже нажрался, битюрина! Чтоб ты захлебнулся! Чтоб она у тебя колом в глотке стала! Распостылый! — и выгребала из сумки покорного мужа деньги, обшаривала карманы пиджака и штанов.

Никто из пассажиров не удивлялся этому. Все знали Ведьму, и ее действия принимались как должные. Удивлялись, а порой даже возмущались только городские люди. Пытались сделать замечание Ведьме:

— Что же это вы, гражданка, так...

— Как?! — оборачивалась на голос Ведьма. И фраза горожанина — чаще всего горожанки — оставалась незавершенной. На его или ее бедную голову из уст Ведьмы выливался обильный поток отборной брани... Сойдя на берег, Ведьма то и дело оборачивалась и пуляла отдельными круглыми словечками, от которых лицо городского человека, будь то мужчина или женщина, рдело от стыда и неловкости...

В теплые солнечные дни паром облепляли мальчишки. Они ныряли в воду с кормы баркасов, а те, что поотчаяннее — с крыши будки. Забирались в привязанные к парому лодки, раскачивались в них, плескались в скопившейся в лодках воде, почти горячей, пахнувшей смолой. Ребятишки галдели, путались под ногами у пассажиров и паромщика. Шалтай-Болтай не прогонял их, не кричал. Только если они уж чересчур увлекались, говорил строго:

— Ах, короеды! Поколочу я вас, однако!..

Мальчишки знали, что паромщик только грозитя поколотить, но никогда не поколотит — он добрый. Из ува-

жения к нему остепенялись, умеривали свой пыл. Даже одергивали друг друга:

— Ну куда багор потащил? Сейчас Шалтай придет за ним...

Или:

— Пацаны, не лезьте к веслу. Шалтай опять станет ругаться.

Шалтай-Болтай, будто не замечавший мальчишек, замечал их уважительное отношение к себе и платил тоже уважением — прощал короедам некоторые шалости.

В тот день три закадычных друга — Степка, Юрка и Васька — пропадали на реке с самого утра. Рыбачили, купались, загорали, катались в лодке, таскавшейся за паромом. Хорошо было кататься в лодке, но было бы куда лучше, если бы она не была привязана. Бери весло и плыви куда хочешь. Скажем, за поворот, к скале. Со скалы нырять — это не то, что с парома.

— Может, спросим у Шалтая? Даст, поди, — подал мысль Васька.

— Точно! Даст! — подхватил Юрка. Степка в общем-то тоже верил, что Шалтай даст лодку. И все-таки это ведь была лодка, а не что-нибудь, и он на всякий случай допускал другой, нежелательный вариант.

— А если не даст? Тогда?..

— Да ты чё? Даст! — в один голос заверили Васька и Юрка.

— Ну, а вдруг возьмет и не даст? Тогда?.. Нет — вдруг? А?

— Тогда не поедем, — сказал Юрка пресно. Он был среди троих самый младший и самый простодушный.

Степка же был самый старший, самый рассудительный и немножко с хитрецой. Он съязвил:

— Можно и не спрашивать — тоже не поедем, — и, сделав паузу, подмигнул друзьям. — А можно и не спрашивать, а все равно — поедем.

— Как? — спросил простодушный Юрка.

— А очень просто, — Степка пома-

нил к себе пальцем Юрку с Васькой и что-то зашептал им. — Ну, как?

— Можно, — согласился Васька.

— Попадет, — боязливо прошептал Юрка.

— Тогда все — не поедem, — рассчитав, Степка сказал это немножко капризно и с напускным равнодушием.

Расчет его оказался верным.

— Ладно. Давайте, — вздохнув, согласился Юрка.

Трое маленьких заговорщиков сгруппировались на корме и стали ждать. Ждали совсем недолго. Причалив паром к правому берегу, Шалтай-Болтай в очередной раз пошел в магазин. И как только он скрылся за дверью, Степка подмигнул друзьям и деловито, с хозяйской уверенностью — чтобы ни в ком из пассажиров не вызвать подозрения — снял цепь с крюка и бросил ее в лодку. Васька с таким же видом хозяина развернул веслом лодку по течению. А Юрка, как и условились, «вассерил» — не спускал глаз с двери магазина.

— Шибче, шибче гребите, — поторапливал Степка Ваську. — Нам бы только за поворот, — взял шест и тоже стал подгребать им.

Миновали поворот. Паром скрылся из виду. Впереди показалась и наплывала на трех друзей уступистая скала, вырастающая прямо из воды. Над верхушкой скалы, поросшей кустарником, повисло солнце, уже не такое нещадное, как в полдень.

— Все, — перевел дух Степка. — Можно малый ход... — подмигнул друзьям. — А ловко мы...

Назад возвращались, когда тени слились воедино, и стали сгущаться сумерки. Все трое были тихие, приунывшие. Устали, проголодались. Однако больше всего мальчишек беспокоило раскаяние и мысль о возможном возмездии паромщика. И все-таки ма-

ленькие злоумышленники не теряли надежды, что все обойдется. Если понадобится кого перевезти, то у Шалтай-Болтая есть вторая лодка. Но скорее всего он уже «хорош» и ушел в свою избушку на яру, так что это даже хорошо, что они возвращаются так поздно.

Паром стоял на приколе. На нем было тихо, безлюдно. Степка приказал Ваське шепотом:

— Хорошеньче гребите. Не плещите...

Васька старался грести хорошо. Степка взял в руки цепь и утвердился на носу лодки. Страшило его одно: когда он будет набрасывать цепь на крюк, она ведь, как ни старайся, звякнет. Обязательно звякнет, заразина такая.

И точно. Цепь предательски звякнула. И не один раз, а целых три. Да еще лодка вдобавок ткнулась носом в карбас и зашуршала по его боку. В паромной будке тут же сухо заскрипела лавка, показался Шалтай-Болтай. Он, конечно, был «хорош», но не очень.

— Ну, ну, короеды. С прибытием, значитесь? А я вас поджидаю. Ну-ка, залезайте сюда.

Потупившись, мальчишки поднялись на паром. Шалтай-Болтай долго рассматривал их, пьяно сопел. Мальчишки тоже виновато посапывали и ждали. Сейчас станет кричать. Материться будет. Кричать и материться — ладно, это не так уж страшно. Уши теревить начнет. Это уже похуже. Когда теревят уши — бывает больно.

— Ишь, какие герои! — сказал наконец строго паромщик. — Сели они — поплыли! А если б утопли?! А?!

Мальчишки молчали.

— Если б, спрашиваю, утопли, что б тогда?

Мальчишки не отвечали.

— Вас спрашиваю, если б утопли? — действительно, как все хмельные люди, попытывался паромщик. — Чего молчите-то?..

— Выловили б и похоронили, — ответил Степка.

— Кого? — удивленно вскинул брови Шалтай-Болтай.

— Ну нас...

— Вас?! Да вы что! — испугался Шалтай-Болтай. — Вы что! Ребятишки! Короеды! Вас! Да как можно! — сгреб всех троих в охапку, прижал мальчишечьи головы к пиджаку, пахнущему смолой, пылью, ветром. А еще от паромщика пахло вином и луком. — Как же можно! Папки-мамки-то как без вас будут?

Отпустил головы ребятишек. Глядя на них сверкающими восхищенными глазами, покачал головой:

— Нельзя! Нельзя, короеды вы мои! — вдруг о чем-то вспомнил. — А ну, пошли все сюда...

Завел мальчишек в будку. Пошарил рукой на перекладине под крышей, извлек оттуда скомканную газету, развернул.

— Вот. Ну-ка, угощайтесь.

На газете лежали четыре сплюсненные, полурастаявшие карамельки «слива».

— Ну, чего? Берите, говорю, ешьте.

Мальчишки несмело взяли по одной конфетке, сказали «спасибо». Одна конфетка осталась.

— И эту берите. Ешьте, короеды вы мои.

— Это вам, дядя Ваня, — степенно сказал Васька.

— Мне не надо. Я их, ребятишки, не люблю. Берите.

Но никто не брал конфету. Мальчишки не хотели показаться друг перед другом, а еще больше перед паромщиком, жадными. Тогда Шалтай-Болтай всунул карамельку в руку Юрке. Будто знал, что из всех трех Юрка самый большой сладкоежка.

— Я не люблю. А вы угощайтесь.

Полюбовался, как мальчишки едят конфеты, ласково потерял Степкины густые черные волосы.

— Ах, язви вас, а! Люблю короедов! Молодцы! А все равно покóлотить-то вас надо бы. Разве ж так можно? Без спросу. Вы б спросили — я б вам дал. Я б вас сам поката́л. Без спросу ничего нельзя. Разве папки-мамки вас учат такому? Есть у вас папки-мамки?

Ребятишки кивнули утвердительно.

— Во. Они ж вас не учат самовольничать. Вы попросите, что вам надо — и вам не откажут, всегда дадут. Вот попросите сейчас у меня, чего хотите, — и я вам дам. А если нету — куплю и дам. Для вас мне ничего не жалко, — Шалтай-Болтай наклонился, достал из-под лавки бутылку и стакан, налил немного вина. — Ничего для вас мне не жалко. А вот вина не дам. Не надо, ребятишки, зараза это. Не привкайте вы к нему — пропадете. Как вот я, — вылил вино в рот, проглотил. — Пить — это плохо...

— А зачем тогда пьете? — спросил Юрка.

Шалтай-Болтай протяжно, со свистом вздохнул, задумался, тряхнул головой:

— Пью, короеды... Денег у меня много. Девать некуда. А куры не клюют. Потому как нет их у меня... курей-то, — засмеялся хрипло. — Вот и пью. Денег, у меня, ребятишки, много, — похлопал по карману пиджака, в нем звякнули монеты, — мно-о-ого у меня денег. Ну, чего вам купить? А?

Мальчишки не сомневались, верили, что у паромщика Шалтая-Болтая много денег. Верили потому, что Шалтай-Болтай, добрый, а добрые не обманывают. Но ребята не хотели просить что-нибудь купить им. Опять же потому, что паромщик добрый, а у добрых как-то неловко просить.

А Шалтай-Болтай дознавался:

— Ну, говорите, чего купим завтра? Чего хотите?

Мальчишки застенчиво мялись.

— Ну, короеды? Ах, муха вас укусила! Чего, говорю, купим-то?

— Мороженого, — осмелился сказать сладкоежка Юрка и от смущения засучил свешенными с лавки ногами.

— Мо-ро-о-оженного? — нараспев переспросил паромщик разочарованно. — Только-то? Да это, брат, чепуха. Будет вам мороженое. А вы скажите что-нибудь такое... ну... большое, хорошее и чтоб ни у кого такого не было. Ни у кого из ваших товарищей. Ну?..

— А трактор, дядь Вань, можете купить? — поинтересовался Степка. Он очень любил технику и собирался, когда вырастет, выучиться на механизатора или шофера.

— Трактор? Могу трактор. Только он шибко тарахтит, зараза, оглохнуть можно, как тарахтит.

— Ну тогда машину, — быстро переменял Степка желание.

— Вот машину — это лучше...

— Не надо машину! Лучше, дядь Вань, коня! — с пафосом перебил Васька. — Красивого такого... голубого, — Васька был немного фантазером.

— Голубых коней не бывает, — возразил Степка.

— Бывают! — с горячностью сказал Васька.

— Не бывают!

— Бывают! — почти взвизгнул Васька и завел на Степку локоть, как бы намереваясь стукнуть. — У цыган не видел, что ли? Голубой, чего ты!

— У цыган си-и-ивый. Вот так. А голубых не бывает!

— У цыган голубой был, — робко подтвердил Юрка. Робко потому, что он не знал, какой был у цыган конь, он его не видел. А подтвердил потому, что он был за коня. На него сел и поехал. А если машина, то надо учиться на шофера. Юрке же и так надоело учиться. Он уже целую зиму ходил в школу. Осенью снова пойдет, во второй класс. И потом, считал Юрка, лю-

бой конь дешевле любой машины. Хоть у паромщика и много денег, но вдруг он захочет еще и себе что-нибудь купить... О добрых тоже надо заботиться...

— Да не бывает голубых, — уже нервничал Степка. — Дядь Вань, ведь не бывает же?

— Как вам, ребятишки, сказать, — паромщик подумал. — У вас папки-мамки разные?

— Разные.

— Во. Значит, и глаза у вас разные. Поэтому ты и увидел сивого коня, а вот ему он показался голубым. Потому что, говорю, глаза у вас разные. Голубой — красивый цвет, счастливый.

— Вот так? Понял?! — Васька победоносно повернулся к Степке. — Бывают голубые.

Степка не стал больше возражать. Он поверил словам паромщика. Добрым нельзя не верить — они никогда не обманывают.

— Вот, значит, голубого коня и купим вам, — заключил Шалтай-Болтай.

— С седлом, дядь Вань? — спросил Васька.

— Как же, с седлом, конечно. И с уздечкой. Наборной. Все как следует. Честь по чести.

— И вы его насовсем нам отдадите? — несмело спросил Юрка.

— Насовсем, ребятишки, как же! Мне-то он на что? У меня паром. Я на пароме покатаюсь. А вы будете на коне. Попеременке. Вы будете кататься вон там, на лугу, а я буду смотреть, любоваться на вас. И всем хорошо будет.

В будке сделалось тихо. Каждый из мальчиков представил, как он скачет по зеленому лугу на голубом коне. Например, Ваське виделась вечерняя заря. Заходящее солнце большое, малиновое. Кажется, оно совсем близко. Протяни руку — и дотронешься. Но это только кажется. Васька прищипривает резвого голубого коня и скачет, ска-

чет... А солнце будто дразнит его: то спрячется за верхушками деревьев, то выскользнет и тут же опять спрячется. И Ваське еще больше хочется догнать солнце и дотронуться до него. Послушный голубой конь летит стрелой. Мелькает земля, деревья, отстают птицы. Ветер свищет в ушах Васьки, полощет волосы, а сердце сладко-сладко замирает, и хочется визжать и гикать от восторга...

Шалтай-Болтай, склонив голову набок, тоже о чем-то задумался. Лицо его просветлело.

— Хорошо! — сказал паромщик. Вылил из бутылки в стакан остатки вина, выпил. — Хорошо! Ах, жучки-короеды, хорошо с вами, ей богу! — опустил бутылку на пол, она покатилась под лавку и, ударившись о другую, отрывисто звякнула. — Подарю я вам коня. Голубого... Катайтесь... А мне ничего не надо. Мне бы только... Впрочем, куплю вам коня и...

Паромщик не договорил. В будку влетела его жена — Ведьма. Загрелела:

— Что-го? Чего ты купишь?! Коня?! Мурло ты пьяное! Кому купишь-то?! Им?! — указала на сжавшихся мальчишек. — Своих не нарожал, так чужим коней раздариваешь?! Хвалишься — денег много? А ну, где они у тебя?! — Ведьма схватила мужа за борта пиджака, тряхнула, стала шарить по карманам паромщика, извлекая монеты. Шалтай-Болтай не сопротивлялся, он был вял, как сломленный стебель лебеды. — Богач нашелся! Он уже коней раздаривает!.. Дожрался!..

— Ну ладно. Чего там, — бормотал Шалтай-Болтай. — Ладно тебе.

— Я те дам ладно, — Ведьма хлестнула мужа по щеке. — Я те дам коня! А вы слушайте, — обратилась к мальчишкам, — уши поразвесили! Купит он вам! Как же! Ждите! За что купит-то?! Вот за это? — показала на ладони несколько монет. И тут же сжала ла-

донь в кулак, прищурилась подозрительно, оглядев ребят, спросила с ядовитой вкрадчивостью: — А чего это, голубочки, вы здесь собрались на ночь-то глядя? А-а? Ждали, чтоб уснул, да карманы почистить?..

— Не смей — одернул паромщик Ведьму.

— Ах, паршивцы! Жулики! Вот я вас!..

— Жена! Не сме-е-ей! — закричал Шалтай-Болтай так грозно, что Ведьма оторопела.

— Сблажал... Сблажал, нечистая сила...

— Уйди, Ведьма! Убью! — паромщик соскочил с лавки, кинулся в угол, схватил топор. — Убью заразу!..

Перепуганная Ведьма выскочила из будки, побежала с паромом.

— Сблажал, сатана! Сблажал!..

Паромщик швырнул топор назад, в угол, повалился на лавку вниз лицом, плакал и повторял:

— Убью собаку! Убью!..

Потом затих и лежал неподвижно, будто уснул. Мальчишки смотрели на паромщика с печалью. Им было жаль его.

— Змея подколодная, — Шалтай-Болтай поднял голову, оперся на руки, сел. Утер ладонями глаза. — Все, ребяташки... Обобрали она нас. Начисто обобрали. Украла коня нашего, — уставил пустой взгляд в пол, шмыгнул носом. Долго молчал, потом сказал, будто винился: — Не надо. Не сердитесь вы на нее. Несчастливая она. Оба мы горемыки. Эх, короеды-ы-ы, — паромщик снова заплакал, привлекая к себе мальчишечьи головы, поцеловал каждую, смачивая волосы слезами. — Хорошие вы мои воробушки. Ступайте-ка по домам. Папки-мамки, поди, потеряли вас. Ругаться станут. Нехорошо, Ступайте...

Трое мальчиков сошли на берег, побрели домой. Молчаливые, подавлен-

Игорь Киселев

Что мне делать с никуда не годным,
Певческим, насквозь простывшим
горлом?

Запеваю, вроде бы в мажоре,
Но звучат невнятицей сплошной
Струны гриппа, причитанья кори,
Голоса ангины затяжной.

Чтоб не задыхаться воспаленно,
Не хрипеть, впадая в забытье,
Я пойду, сломаю ветку с клёна,
Сделаю свистульку из неё.

И свистулька мне заменит горло,
Запоет лукаво и светло...
А за дверью — снежная погода,
Все леса по шею замело.

Целый день бураны не стихали.
Но под вечер, в ранней полумгле
Две стеклянных веточки в стакане
Примостились на моем столе.

...Что-то нынче сон смежает веки,
Кружит, опрокидывая ниц.
Отосплюсь — и вырежу на ветке
Семь отверстий, семь веселых птиц.

Вот и утро. Сразу, без отсрочки
Подхожу к рабочему столу —
А на ветках лопнули все почки!
Глупые...
Поверили теплу...

Дальше — больше: в ослепленье
раннем,
Ни забот не зная, ни родства,
Брызнула безвременным сияньем
Из стакана клейкая листва.

И за жизнью, безрассудно смелой,
Солнечной и трепетной такой,
Я слежу, обманщик неумелый,
С нежностью, восторгом и тоской.

А свистулька?
Подождет, успеем!
Без нее у марта на краю
Эти ветки музыкой и пеньем
Комнату наполнили мою.

Видно, так уж водится от века,
И закон суров и нерушим:
Лучше петь без голоса, как ветка,
Чем прекрасным голосом чужим!

Песенка про великого неудачника

В окруженье пригородов мрачных,
Где ночами свист и непокой,
Возникает Вечный неудачник
С постоянной спутницей — тоской.

Он не первый год живет на свете,
Размышляя о добре и зле.
Он не первое тысячелетье
Шелестит, хромая, по земле!

Что он ищет в мокром полумраке,
Одинок в деревне, как в лесу?
Громче лают на него собаки,
Чаще ветки хлещут по лицу,

Женщины давно его не любят,
Да и не любили никогда.
Ливень злится, дождь по крышам
лупит,
В тяжких тучах прячется звезда.

Смех и солнце
блещут где-то рядом,
В теплой речке сонный пароход...
Он идет под ливнем и под градом,
Горемыка, странник, дон-кихот.

В жизни все — на доли и на части.
Догадаться можно без труда:

Если на тебя упало счастье —
Значит, рядом движется беда.

Так что вам, кто веселы и юны,
Знать не помешает наперед:
По другую сторону Фортуны
Рыщет ваш угрюмый антипод.

Скажете: «Мы людям свет не застим!»
Я и сам в конце концов пойму:
Не ему обязаны вы счастьем.
Но в какой-то степени —
Ему!

...Подойду,
О жизни посудачу
При закатных медленных лучах.
Может быть, и нашу неудачу
Он унес на сгорбленных плечах.

Ч е с т ь и м е ю !

Все именье пропив — до гвоздя,
До шкатулки с архивом семейным,
Говорил дворянин, уходя:
— Честь имеем!

Не избыть ни позор, ни тоску.
Офицерство не справилось с мелью —
И холодное дуло к виску:
— Честь имею.

Честь имею?
Но все-таки есть —
Декабристы в петле леденели —
Голубая дворянская честь —
Честь имели!

То, о чем я сейчас говорю,
Не понять подлецу и лакею:
Пушкин бросил царю:
— Честь имею.

А назавтра был хмурый восход.
Голос чести, и крови, и мести!
Речка Черная.
Пуля в живот —
Рикошетом в Россию
Всю вместе!

А когда в революцию шли,
Безлошадные наши Емели
Не имели земли —
Честь имели.

Эту правду легко произнести,
Но предать мы ее не посмеем.
Есть иная высокая честь —
Честь имеем!

Отвечаю добром на добро,
А по-своему спеть не сумею, —
Поломаю перо —
Честь имею.

Игорь Дручин

ПОЛИГОН НЕОЖИДАННОСТЕЙ

Научно-фантастический рассказ

С первого взгляда комната напоминала оранжерею: с потолка свисали ветви актинидии и даурского лимонника, на окнах пламенели крупные чашевидные лилии тунберга, синели примулы, загадочно покачивались пониклые нежно-лиловые звездочки фуксий, и в это буйство цветов и зелени вплетались пятна белых и розовых цикламенов. Впечатление еще более усиливалось от тонкого, но острого аромата, напоминающего запах духов «Белая лилия», входящих в моду нынешней весной. Саша так сначала и подумал, но, покрутив головой, убедился, что запах исходит от цветочной горки у окна. Он подошел поближе. На краю горки, залитой лучами весеннего солнца, приютилось неизвестное ему растение. От корневища шли округлые ребристые листья, из гущи которых, словно расталкивая их, поднялась толстая упругая стрелка с крупными, белыми, чем-то напоминающими нарциссы цветами. От них и исходил беспокоящий запах...

Саша вернулся к столу. Майя что-то задержалась. Хотя и приятно сидеть в этой, похожей на зимний сад комнате, но все-таки неловко. Его перехватила и затащила сюда Светлана Мороз. Пообещав, что Майя должна

прийти минут через десять, она убежала, но прошло уже, по крайней мере, полчаса, а Гончарова позволяла себе задерживаться, хотя прекрасно знала, что ее ждут. И вот сиди тут один в девичьей комнате общежития... Чего бы проще связаться по внутреннему видеофону! Правда, если разговор серьезный и длинный, есть вероятность, что кто-нибудь, выйдя на их код, вступит в разговор на правах знакомого, и просить его отключиться не всегда удобно. Зачем он ей все-таки понадобился? Добро бы еще на его месте был Миша Субботин. Это понятно: у них с Майкой личные симпатии с подготовительного, если не раньше и, как любит говорить их общий друг Сима Смолкин, если люди глупеют, глядя друг на друга, то это надолго... Впрочем, всех их связывала дружба с тех самых времен, когда они, вчерашние школьники, держали строгий экзамен на право быть зачисленными в институт космонавтики, с тех пор, когда они проводили групповые испытания под руководством славного командора Володи Мовшовича. Только славного ли? Это все пышная фразеология Смолкина. Сначала, действительно, он оказался отличным парнем, но лабиринт с любого снимает шелуху и обнажает

самое ядрышко человеческой сущности. Тогда-то он и развернулся...

Саша поморщился. Ему и сейчас было неприятно вспоминать давнюю стычку. Только из боязни, что он не успеет пройти в срок лабиринт, Мовшович оставил своих более слабых товарищей и ушел один. А чтобы все выглядело естественно, он спровоцировал ссору. Поссорился и ушел... Его сняли с прохождения и отчислили из института. Много позднее, осмыслив его отношение к группе к каждому, они поняли, что командор использовал их лишь для утверждения собственного авторитета...

Тогда, в лабиринте, к ним присоединилась Майка. Точнее, они ее нашли спящей, усталой от блуждания по переходам, но не потерявшей бодрости и уверенности, так необходимой им после ухода командора. Майка и раньше была равнодушна к их группе и вошла естественно, будто дружила с ними с детства. А вот другие не приживаются. Каждый семестр на групповые испытания в команду включали пятого, и это их почему-то нервировало. Они проходили испытания неровно: иногда, к удивлению всех, набирали немислимое количество призовых очков, но чаще едва укладывались в срок. На третьем курсе они с треском провалились. Вызывали к директору, разбирались на ученом совете, и тогда Сима нахально заявил, что они не прошли групповых испытаний только потому, что им мешал пятый. Обвинение было слишком серьезным, так как, зная силу их четверки, слабых не включали, но, возможно, в этом была одна психологическая тонкость: к группе обычно присоединяли тех, кто не вошел в другие пятерки. Но если он не мог ужиться со своими, то более не удерживался у них. Директор обвинил группу в зазнайстве, Левке Романову предложили задачу повышенной сложности, с которой он легко справился,

а остальным пришлось вчетвером тянуть за пятерых. Только на сплоченности и выехали. Своеобразие группы давно стало притчей. Если на первом курсе они не выделялись своей индивидуальностью, то на втором все оказалось на разных факультетах. Конечно, составлять экипаж по такому принципу было легче, но всех поразило такое несходство в профессиях при такой дружбе, общности вкусов, монолитности группы. Правда, среди них не оказалось ни одного космонавта, а именно он по положению и должен был возглавлять экипаж... Может, потому, что пятый всегда был командором и пытался заставить работать группу по своему уставу, и происходили срывы. К счастью, на четвертом курсе космонавты, в связи со специализацией, образовали собственные группы, а экипажи экспедиционных факультетов формировали по прежнему принципу — по одному специалисту с факультета, и можно было надеяться хоть на этот раз поработать своей группой. Майка была ярко выраженным космобиологом, и, конечно, все это великолепие комнатного сада — дело ее рук. Миша рассказывал, что это увлечение спасло их группу от расформирования, так как ее комната была предметом паломничества не только курсантов биофака, но и разного начальства, начиная от директора и кончая начальником космоцентра Василием Федоровичем Алферовым. Когда директор узнал, что Майка из этой самой самой разнечастной группы, он вызвал ее к себе, и они беседовали часа полтора. С тех пор группу оставили в покое и перестали с ней экспериментировать.

— Прости, Саша! Заставила тебя ждать.

Размышляя о своих друзьях, Макаров не услышал, как вошла Майя.

— Давно тут?

— Час двадцать, — сказал он и взгля-

нул на часы. Все знали, что Саша еще с лабиринта завел привычку определять время на глазок, а уж потом посмотреть на часы.

— Так уж и час двадцать, — подержала Майя традицию друзей деланным скептицизмом помогать Александру вырабатывать полезную привычку.

— Час семнадцать, — поправился Макаров. — Ну, говори, зачем я тебе понадобился?

— Не ты, Сашенька, не ты!

— Ну, знаешь ли!

— Просто кто-нибудь из наших, — она улыбнулась, видя, как у Макарова от возмущения начинается медленное покраснение от кончиков ушей до подбородка — доплерово смещение, по выражению остряка Смолкина. — Есть важные новости!

— О практике?

— Ты, как всегда, проницателен. Именно о практике. Есть четыре места на Луну.

— Нас не возьмут.

— Почему?

— Слишком одиозная группа, чего стоит один разбор на ученом совете.

— Отбор кандидатов — по личным баллам.

— По личным еще можно потянуть.

— Причем, один кандидат уже утвержден.

— Ты?

— Ага.

— Поздравляю. Сима всегда говорил, что ты далеко пойдешь. Остановки: луна, далее везде!

— Нахватались у Симочки доморощенных острот! Говорю же, баллов нам не занимать. Главное не это! Алферов предложил после отбора кандидатов групповое испытание на полигоне, в условиях, приближенных к Лунным.

— Понятно. Вот тут мы и сядем.

— Саша! Откуда такой пессимизм? Ведь в команде будут только четверо!

— Именно, а я бы предпочел, чтобы было трое. Опять кого-нибудь подсунут.

— Почему подсунут? Нас же четверо!

— Не понимаю. Тебе-то зачем рисковать?

— Сашенька, неужели не ясно? Групповые испытания проходят все. Я утверждена как кандидат — не более! Правда, мне предоставили право выбора группы.

— Так поищи экипаж поудачливее!

Майя покачала головой.

— На профессиональную практику нас пошлют по разным местам, и только на Луне мы можем быть вместе. И хватит об этом. Я ведь могу и обидеться!

Час спустя друзья сидели в институтском сквере. Ждали Симу Смолкина. У него оставался последний экзамен по теории вождения. Сима водил любые наземные транспортные средства, и никто не сомневался в успехе. Прикидывали вероятных соперников. Наиболее реально претендовал на путевки слаженный экипаж Сергея Самохвалова. Они имели в сумме шестьдесят два балла. По шестьдесят одному оказалось у четырех команд. Учитывая, что отбирать будут лучших, можно составить еще три-четыре группы с таким же количеством баллов. У Майи за семестр набралось семнадцать баллов, у Саши — шестнадцать, у Миши Субботина — пятнадцать.

— Если Сима сдаст даже на четвертак, мы сравняемся с Самохваловым, — закончил расчеты Саша Макаров, — а проходной, скорее всего, шестьдесят.

— Не очень утешительно, — охладил его пыл Субботин. — Самохваловцы на групповых всегда набирают два-три призовых балла.

— Мальчишки! Пошли бы узнали, как он там, — с беспокойством сказала Майя. — Посчитать успеете.

Миша отправился к зданию института. Экзаменационные автоматы располагались на первом этаже. В зале могли готовиться одновременно не более десяти студентов. Экзаменуемый подходил к автомату, запрограммированному в пределах курса и, нажимая на кнопку, получал белую карточку с вопросами, в углу которой тут же воспроизводилась электрография студента. Электрография служила для опознания отвечающего, что исключало возможность подмены карточки или сдачу экзамена за товарища. Карточку полагалось заполнить за десять минут. Ответы наносились графически или в двоичной системе: да или нет. Если студент правильно отвечал на все вопросы за пять минут, он получал дополнительный балл, если хотя бы один ответ оказывался неверным, выбрасывалась зеленая карточка, и экзамен начинался снова. Три неверных ответа означали переэкзаменовку.

Когда Субботин заглянул в окно, Сима трудился над зеленой карточкой и, видимо, находился в сильном цейтноте, так как беспрерывно поглядывал на часы. Миша решил подождать результат поединка человека с машиной. Помочь другу он ничем не мог: теорию вождения наземного транспорта на геологическом не проходили, только практику вождения, да если бы и смог, на это просто не хватило бы времени, так же, впрочем, как и на шпаргалки. Жесткий график заполнения карточки не позволял отвлекаться ни на секунду. Находчивые студенты ухитрялись изготавливать шпаргалки в виде перфокарт, по которым ответ на любой вопрос находился почти мгновенно, но пока изучался вопрос по шпаргалке, пока переносился на карточку, уходили невозполнимые секунды, и один-два пункта оставались без ответа. После провалов на первом курсе никто больше не рисковал, а спрашивать у товарища значило отбирать у него ту са-

мую минуту, которая отведена на каждый вопрос, не говоря уже о том, что чуткий электронный экзаменатор слышал самый тихий шепот, определял по тембру голос нарушителя тишины и предупреждал, что при повторном замечании будет предложена зеленая карточка, что грозило потерей одного балла. Словом, набив шишки на первых экзаменах, студенты уяснили, что с безжалостным автоматом шутки плохи.

— Ну, скорее же! — мысленно подгонял друга Михаил, и, будто подчиняясь его команде, тот поднялся, не отрывая глаз от карточки.

— Студент Смолкин Серафим Юрьевич. Вы просрочили время. Вам выдается красная карточка.

— Протестую! — закричал Сима. — У меня ответ готов.

— Протест отклоняется как немотивированный, — сухо проговорил автомат.

— Да ведь вторая карточка! Нервы взвинчены, поминутно на часы смотришь. За это время можно десять раз сдать карточку.

— Сдайте карточку.

Сима опрометью бросился к автомату и мгновенно втолкнул ее в щель.

— Продемонстрируйте отвлечение с часами.

Смолкин, приободрившись, взглянул на часы, выдержал небольшую паузу и с надеждой посмотрел на электронный судью.

— Протест отклоняется! За время отвлечения сдать десять раз карточку нельзя.

— Тыфу ты! — рассердился Серафим. — Это ведь фигурально так говорят — десять раз! Такая идиома. На самом деле никто не собирается так делать. Это гипербола, литературная вольность. Неужели непонятно?

— С автоматом положено разговаривать точным языком. За нарушение пункта три правил студенту Смолкину

Серафиму Юрьевичу делается замечание. Вызываю профессора Казаринова Петра Егоровича.

Через полминуты на экране видеосвязи возникло лицо кибернетика Казаринова. Он вопросительно взглянул на Смолкина, и так как тот безмолвствовал, обратился к роботу:

— Я слушаю.

— Объясните, как можно истолковать фразу «за это время можно десять раз сдать карточку».

Профессор усмехнулся. По молчаливости Серафима он догадался, что тот допустил такое вольное выражение, понятое автоматом буквально.

— Это означает достаточный промежуток времени, чтобы сдать карточку.

— Один раз?

— Да.

— Благодарю за разъяснение.

Робот-экзаменатор выключил связь с профессором и замигал разноцветными огнями, а Сима переминался с ноги на ногу от нетерпения, ожидая, какое решение примет автомат. Робот методически перебирал все похожие случаи, но со стороны казалось, что он размышляет.

— Протест принят. Один ответ неверный. Получите красную карточку.

Субботин тихо ахнул за окном, но Сима и бровью не повел.

— Я сейчас не могу отвечать. С таким экзаменатором никакие нервы не выдержат.

— Смолкин Серафим Юрьевич. Отказ от экзамена.

— Протестую, — отчаянно завопил Сима. — У меня от напряжения сгорели сопротивления и пробило конденсатор блока памяти!

— Как это понимать?

— Хотел бы я видеть, как бы ты заговорил, если бы у тебя обнаружилось столько неисправностей сразу!

— Вызываю дежурного электроника.

На экране пробежали волны помех,

и из всплесков появилось знакомое лицо Олега Павлова, студента параллельного курса с факультета кибернетики.

— Олег! — Смолкин хитро подмигнул одним глазом. — Сколько потребуется времени на ремонт системы на уровне человека, если сгорело три сопротивления и пробит конденсатор блока памяти?

— А сопротивления с каких каскадов?

— Не знаю. Их еще надо найти.

— Пожалуй, не менее суток с учетом времени на настройку.

— Ясно! Извини за беспокойство.

Олег отключился, а Смолкин, наконец подмигнув аудитории, произнес твердым уверенным голосом:

— Итак, я выбыл из строя на сутки. Прошу перенести экзамен на завтра.

— Смолкин Серафим Юрьевич. Результаты экзамена аннулируются ввиду неисправности системы. Экзамен переносится на сутки.

— Вот то-то! — облегченно вздохнул Сима и не спеша вышел из аудитории, где давились от смеха его сокурсники.

Проделка Симы распространилась по институту с быстротой молнии не только среди студентов, но и среди преподавателей. Утром, на экстренном заседании, ученый совет факультета рассмотрел прецедент с участием виновника. Решение было строгим и беспалляционным: Смолкину сдать экзамен по красной карточке, а в экзаменационные автоматы заложить программу, исключающую повторение подобных случаев.

На этот раз Сима справился с экзаменом блестяще и заработал балл за досрочную сдачу карточки, но во имя высшей справедливости директор института Дмитрий Иванович Важенев собственноручно снял этот балл за введение автомата в заблуждение, так что

кроме славы находчивого шутника Смолкин не приобрел ничего существенного и, добавив в общую копилку экипажа свои тринадцать баллов, сильно подорвал надежду на успех. Друзья погоревали, но пришли к чисто философскому убеждению: нет худа без добра. Находясь в числе лидеров, они оказались бы под пристальным наблюдением соперничающих экипажей, да и комиссии тоже, а излишнее внимание всегда нервирует. Чтобы загладить свою вину, Сима не вылезал из тренажера. Бег с препятствиями, как он в шутку называл гонку на лунных вездеходах, представлял для него и спортивный интерес. Сидя перед пультом и глядя на набегающий пейзаж, он намеренно выбирал наиболее сложные дороги и старался пройти их без аварии как можно с большей скоростью. Иногда ему удавалось проехать сто пятьдесят—двести километров, но чаще крупная глыба, неожиданно вставшая на пути, или крутой склон воронки приводили к опрокидыванию. Тогда Сима негромко обзывал себя всякими обидными словами и снова начинал бешеную гонку...

За этим развлечением и нашли его друзья.

— Самокритика — движущая сила прогресса, — негромко заметил Саша. — Готовишься, значит?

— Так, потихонечку.

— А есть ли уверенность, что твою персону допустят к групповым испытаниям?

Планетоход дрогнул и перевернулся, въехав на крутой обломок. Сима побледнел и рефлекторно вернул тренажер в исходное положение.

— Не включили?

— Нет.

Смолкин с силой сжал рычаги управления. На его смуглой коже пробился румянец.

— Вот это номер... И сам... И, глав-

ное, вас подвел. Как же вы теперь без меня?

— Никак. Мы отказались.

— С ума сошли! Мало ли водителей!

— У нас и с тобой вполне достаточно. Допущено восемь команд, причем, две имеют лишь шестьдесят баллов, а у нас — шестьдесят один.

— Но не могли же они вас просто исключить из конкурса?!

— Предложили Витю Кравченко.

— Так что же вы? Надо было брать — и точка!

— Зачем? Нам хватало. Надо все-таки по справедливости.

В зал тренажеров ворвался светловолосый запыхавшийся курсант.

— Я только оттуда... Вас там ждут. Они сказали, что не видели вашего заявления. Если возьмете меня...

— Витенька, если ты их официальный посланник, передай, что мы тебя тоже не видели. И исчезни!

— Ребята! Да такой шанс! Что вы, как дети?

Субботин аккуратно взял за плечо упирающегося Кравченко и повел к выходу. Открыв двери, Михаил неodobрительно, с нехорошим пристальным любопытством, от которого веяло отчуждением, оглядел курсанта.

— Удивляюсь, Виктор. Ты знаешь нашу группу с первого курса. Мог бы и сам сообразить.

— А ну вас! Луна стоит жертв!

— Скажи, пусть подбирают другой экипаж. Мы предпочитаем не приносить жертв даже Луне.

Плотно закрыв дверь за Кравченко, Михаил вернулся к друзьям.

— Может, попросить вне конкурса?

Саша оживился.

— Миша, тебя всегда посещают дивные мысли. Ведь это лучший способ доказать свою правоту!

— Мальчики, это холостой ход, — грустно сказала Майя.

— Нет, Майечка. Ход очень пер-

спективный! Во-первых, мы должны, наконец, реабилитировать свою команду. Сколько можно ходить в неудачниках? А, во-вторых, заявка на будущее. Будет еще преддипломная практика после пятого, а там кто его знает, может, найдется и постоянное местечко. Работы на Луне расширяются!

— Ладно, уговорил, — посветлела Майя. — Давай вне конкурса.

— Эх, ребята, какие вы, ребята... — растрогался Смолкин. — А вот я, например, как Витька, не устоял бы.

— Аминь, — подвел итог Саша. — Пошли на комиссию.

В коридоре отобранные конкурсанты расступались перед решительно шагающей четверкой. Здесь же толпились зеваки вплоть до младших курсов. У многих на лице сквозило недоумение, некоторые встречали их иронической усмешкой, кто-то бросил в спину: «Спохватились!», но четверка, не нарушая молчания, проследовала к кабинету директора. Табло секретаря предупреждающе мигало красными буквами: «Не входить. Совещание». Саша устал был на табло, хлопая длинными ресницами, и, осознав, что отбор закончен, медленно обернулся к товарищам.

— Опоздали...

Миша вместо ответа шагнул к секретарю и решительно ткнул в кнопку срочного вызова. Раздался тихий шелест, вспыхнула лампочка индикатора связи, затем после паузы, на экране появилось лицо директора.

— Передумали?

— Нет.

— Тогда в чем дело?

— Хотим вне конкурса.

— Ну-ка, зайдите.

Переступив порог директорского кабинета, они той же тесной группой приблизились к столу. Кроме членов ученого совета в отборочной комиссии участвовали представители космоцент-

ра, среди которых Сима сразу узнал Алферова.

— Полюбуйся, Василий, — обратился к нему директор. — Строптивая группа в полном составе.

— А этот, который запутал экзаменатора... Из них?

— Смолкин! Два шага вперед! Василий Федорович жаждет полюбоваться на достопримечательность нынешней сессии. Единственная тройка на всех четвертых курсах!

Смолкин молодцевато повернулся налево, сделал два шага вперед и так же лихо повернулся направо, оказавшись лицом к лицу с начальником космоцентра.

— Смолкин Серафим Юрьевич, четвертый курс, метфак. Четырнадцать баллов за сессию. Оценка по теории вождения снижена на балл по субъективному мнению директора.

— Видал, как они со мной разговаривают? — усмехнулся Баженов. — Ни тени почтения.

— Значит, не заслужил, — в тон ему ответил Алферов. — Ты же ему всю карьеру испортил! Да и не признает он твою тройку. За что хоть снял этот злополучный балл?

— Объясни, Смолкин.

— По приказу, за введение экзаменатора в заблуждение.

— А ты, что же, не согласен с приказом? — полюбопытствовал директор.

— Вы же доверяете автоматам?

— Софистикой увлекался?

— Нет, логикой!

— Ну, хорошо. Порядок ты знаешь, значит, и получил по заслугам. Не первый курс... Иди.

Сима так же молодцевато вернулся на свое место в четверке.

Директор проводил его взглядом, зачем-то пододвинул к себе листки с фамилиями конкурсантов, бегло просмотрел списки, потом отодвинул их и сказал будничным тоном:

— Давайте быстрее и четко. Кто будет говорить от имени группы?

— Миша, — подтолкнул Субботина Александр. — Твоя идея.

— Нам все равно сдавать групповые испытания. Пусть будут самые трудные. Хотим пройти испытания на полигоне вне конкурса.

— Это еще надо заслужить!

— У нас проходные баллы.

— Так-то оно так, но вы же отказались?

— Да. От расформирования группы. Вы же знаете, мы всегда вместе.

— Еще бы! Вот вы где сидите со своими фокусами!

Директор для убедительности похлопал себя по шее.

— Просто мы хотим доказать, что это не фокусы, а вполне серьезно.

— Ну что с ними делать, Василий Федорович?

— Смолкин! Сколько у тебя баллов по вождению?

— Шесть.

— Вот как? Что же ты мне раньше не сказал? — обернулся Алферов к директору.

— Вождение в этом семестре не засчитывалось.

— Послушай, может, включим их все-таки?

— Ты мне, Василий Федорович, студентов не портить. Возвращаться к решенным вопросам не будем. Идите. Ваша просьба удовлетворена.

Они стартовали первыми. В этом не было преимуществ: последующие экипажи могли учитывать их график и по времени прохождения отдельных препятствий судить о сложности трассы и количестве ловушек. Кроме того, их график будет постоянно держаться на прицеле, а это тоже немаловажно. Сима сразу взял приличную скорость. Субботин с планшетом выполнял роль штурмана. Еще до старта они вместе

обсудили все детали трассы и решили выбрать наиболее сложный путь. Четыре года кое-чему научили. На простых с виду участках всегда можно было ожидать неприятностей, а здесь лунный полигон повышенной трудности.

Скорость росла, и Сима, усиленно ворочая рычагами, замедлял или ускорял то левую, то правую группу колес, помогал вездеходу точно вписываться в запрограммированный маршрут, а при необходимости корректируя его слишком прямолинейное направление. Они благополучно обогнули гряду и выскочили на поле, усеянное мелкими кратерами. Сима сбавил скорость и запетлял, огибая воронки. Планетоход имел независимую подвеску, и небольшие препятствия или кратеры с пологими склонами можно было проходить сходу, но, учитывая Симины изворотливости, решили не прельщаться прямой дорогой. Благополучно проскочив кратерное поле, выскочили к расселине. Через нее и был проложен маршрут, но в последний момент Михаилу почудилась западня, и он скомандовал:

— Бери левее, по пологому склону!

Хорошая реакция Смолкина спасла планетоход от опрокидывания при резком повороте, а запас скорости позволил преодолеть сходу достаточно крутой склон. На вершину поднялись, уже практически полностью потеряв инерцию, но зато вниз Сима погнал планетоход так, что даже пыль завилась... Пока все проходило нормально. Полигон был невелик: всего десять на десять километров, но по заданию трасса выбиралась с расчетом, чтобы пройти по нему не менее ста. В этом были свои сложности, так как, пересекая полигон в разных направлениях, экипаж с большей степенью вероятности попадал в тщательно замаскированные ловушки, будь это топкая вязкая жижа, яма или обвал, не говоря

уже об уклонах, точно рассчитанных на опрокидывание, широко разбросанных по всему полигону.

Другая сложность заключалась в том, что каждый сознавал: за всеми действиями экипажа не только ведется пристальное наблюдение комиссией, но и любой шаг их записывается на видеоэлемент. Делалось это для разрешения недоразумений, так как любой эпизод или спорное положение в действиях экипажа можно было проследить заново, с любой степенью замедления. Психологически такое присутствие комиссии на первых порах сковывало, но теледатчики обычно маскировались, и о них скоро забывали. Кроме внутренних, на вездеходе устанавливались и теледатчики обзора, чтобы при необходимости наблюдать не только за продвижением транспорта, но видеть работу экипажа при выходах наружу.

— Ну, как они тебе? — спросил директор Алферова, наблюдающего за прохождением первого экипажа.

— По-моему, ничего. Прошли четверть пути и не попали ни в одну ловушку. Тебе не кажется, что сделаны они примитивно, на простаков?

— Вот я посажу тебя на вездеход и прогоню по полигону, — обиделся Баженов. — Даром, что ты знаешь, где они расположены, влетишь, как миленький. К нам на повышение квалификации присылают куда более опытных водителей, и они садятся. Меньше трех никто не минует.

Вездеход перевалил через холм и попал в широкую ложбину. Здесь можно было спокойно идти по ровному дну, но Смолкин, по указанию Субботина, повел машину по пологому склону.

— Плакала еще одна ловушка, — засмеялся Василий Федорович. — Сейчас они благополучно проскочат твою хитрую воронку. Нет, я все-таки жа-

лею, что не настоял на допуске их к конкурсу.

— Экипажу принять правее, — командовал директор.

Алферов поморщился, но ничего не сказал. Просто ему стало неприятно, что Баженов прибегает к приемам, которые трудно назвать честными.

Сима резко притормозил и осторожно съехал на обманчивое своей ровнотой дно ложбины. На пути оказался небольшой, шириной метров десять, блюдцеобразный кратер с пологими склонами. Чтобы его объехать, пришлось бы делать слишком крутой поворот, и Смолкин направил вездеход прямо.

— Куда? — заорал Субботин. — Обойди эту сковородку. Не чувствуешь что ли, нас хотят поджарить!

— Масла не хватит, — пробурчал Сима, закладывая такой крутой вираж, что вездеход накренился вправо, а освобожденные от опоры колеса левой стороны закрутились над краем кратера. Уже проскочив кратер, вездеход опустил на левую сторону, слегка задевая колесами склон. Этого оказалось достаточно, чтобы рыхлый грунт сполз в середину, и дно кратера рухнуло вниз.

— Шалишь! — крикнул Сима, переключая скорость, и заваливающийся набок вездеход благополучно выскочил на ровное место.

— Не удалась твоя провокация, Дима, — засмеялся Василий Федорович.

— Почему провокация? — обиделся Дмитрий Иванович. — Это называется усложнение условий. И за них, между прочим, начисляются дополнительные очки.

— Ну, давай, давай! Любопытно будет, если они оставят нас с носом.

— Посмотрим! Сейчас мы устроим им полосу препятствий на ровном месте.

Сразу за ложбиной начались пески,

перевеянные ветром в громадные барханы, местами соединенные в валы. Вездеход задрейфовал на них, словно парусник на волнах. Сима разгонял его на спуске с таким расчетом, чтобы ему хватило скорости выбраться на следующий гребень без переключения передачи.

— Хорошо идут, — залюбовался Алферов. — И ловушек у тебя здесь не предусмотрено.

Но Дмитрий Иванович не обратил внимания на подковырку своего старого друга и однокашника. Пожалуй, за все годы он впервые столкнулся с таким экипажем, который, казалось, из одного упрямства не хотел попадать в расставленные по всему полигону ловушки, и им уже овладел профессиональный азарт — сбить экипаж с верного пути. Он дал возможность вездеходу добраться до середины барханного поля и включил микрофон.

— Объявляется трехминутная опасность метеоритной угрозы.

— Ну, Дима, это уж слишком. Куда они денутся? Тут же ни одного укрытия.

— Ничего. Пусть ищут выход. Не все им на логике и интуиции выезжать.

— Как председатель комиссии... Посмотри, они остановились! А до ближайшего укрытия пять минут ходу. Задача поставлена некорректно... Как председатель...

Алферов замолчал, чутко прислушиваясь к тому, что происходит внутри вездехода. Команда опомнилась от шока и, опустив стекла скафандров, Субботин и Макаров один за другим выскочили наружу и четко и слаженно принялись снимать стопоры с балок комбинированного ножа. Вездеход был оборудован устройствами, позволяющими вести и строительные работы, и бурение, но то, что делали студенты, не входило ни в какие инструкции. Тем временем Смолкин выдвинул шнековый бур и перевел его в горизонталь-

ное положение. Михаил и Саша перевернули щитки ножа на сто восемьдесят градусов, и тотчас балки медленно продвинулись вперед. Щелкули стопоры, закрепляя их в новом положении. Студенты опрометью бросились к люку. Заработал бур, с силой отбрасывая песок на пластины ножа, выполняющие теперь роль своеобразных отражателей. Струи песка взлетали вверх под углом и падали на вездеход и за него.

— Зарываются! — Алферов довольно потер руки. — Да они, Дима, дадут другим сто очков вперед. Кстати, ты не возражаешь, если я прибавлю им три призовых очка?

— Посмотрим, уложатся ли в срок.

Но когда секундомер отмерил положенное время, вездеход бесследно исчез под огромным барханом, и сразу прекратилась связь.

— Они сами создали себе аварийную обстановку. Как бы не пришлось выручать. Экипажу снимаю один балл.

— Мощности укрытия два семидесят, — донесся бодрый голос Макарова. — До отмены метеоритной опасности телеосвязь не может быть восстановлена.

Алферов потянулся к пульту и выключил микрофон.

— Придется восстановить снятый балл. Экипаж и с этой задачей справился. Видимо, подняли телескопическую антенну.

— Добрый ты очень, Василий Федорович. Пойдем пообедаем, а они пусть посидят там. Авось за это время придумаю какую-нибудь каверзу.

— Не понимаю, Дима. Что ты на них взъелся?

— Чудак ты, Василий Федорович. У нас такая система. Чем более сложная задача, тем почетнее. А потом, время на коэффициент трудности, и тут, брат, такие выскочат баллы, что твои призовые очки покажутся нищенским подарком.

— Дивлюсь я тебе, Дима. Неугомонный ты какой-то. Мало того, что я лично отбираю кандидатов, ты еще на это тратишь время, будто у тебя его некуда девать.

— Что поделаешь? Дел, действительно, много, но, если не вникать и не корректировать учебный процесс подготовки будущих исследователей космоса, можно ведь и отстать от требований времени. Хорош я буду, если наши воспитанники растеряются в действительно сложных или необычных условиях.

Директор обедал не торопясь. На обратном пути решил несколько неотложных вопросов, и только после этого они направились в диспетчерскую полигона.

— Вот сейчас, Василь Федорыч, мы им предложим психологическую задачу. Чтобы тебе было понятней, поясню: часы мы у них отобрали. Сколько они просидели в своем заточении, им неизвестно. Проверим реакцию на время. Это очень важно — верное ощущение времени. Этому мы приучаем на всех групповых занятиях, но специальные тренировки проводим на пятом и шестом курсах. От степени ошибки зависит количество баллов. Ошибка на тридцать процентов — один балл, на двадцать — два, на десять — три.

— А если без ошибки?

Директор засмеялся.

— У нас и это предусмотрено. Ошибка менее пяти процентов — пять баллов. Приступим?

— Давай.

— Экипажу задача. Двигатель вышел из строя. Запасы кислорода ограничены. Помощь придет через полтора часа. Ваши действия?

— Мы сидим неподвижно, — послышался негромкий голос Макарова, — поэтому потребляем меньше кислорода. Под песком мы находимся час десять. Следовательно, запаса кислорода

еще на час сорок минут. Помощь успеет вовремя.

Алферов взглянул на табло и увидел, что время бездействия экипажа составило час двенадцать минут.

— Раскошеливайся, Дима. Ответ верный.

— Что ж, быть по сему. И ты, пожалуй, прав. Пора мне заняться своими непосредственными делами, только вот посмотрю, как они выберутся обратно.

Сначала, после отмены метеоритной опасности, не было заметно никакого движения, только снова исчезла связь. Потом над выемкой зашевелился песок.

— Не получится... — отвечая на собственные мысли, проговорил Алферов.

— Что?

— Хотят выбраться задним ходом. Отрядил бы ты, Дима, спасательную команду.

— Экипажу Самохвалова приготовиться к действиям в аварийной обстановке.

— Не сядут по пути в ловушку?

— Проведу по пеленгу, — Дмитрий Иванович нахмурился и вытер вспотевшую шею платком.

Положение и в самом деле становилось угрожающим. Продвигаться вперед под бархан — значило создавать не просто аварийную обстановку, но при недостаточном запасе кислорода граничило со смертельным риском, так как мощности двигателя для преодоления бархана на глубине явно недостаточно, хотя прочность конструкции вездехода и позволяет такое путешествие. Это, очевидно, прекрасно понимал и экипаж вездехода. Шевеление песка прекратилось.

— Попали в аварийную обстановку, принимаем меры.

Директор вздрогнул от внезапно возникшей связи, но тут же с завидной реакцией щелкнул тумблером.

— Продвижение вперед запрещаю!

— Ясно, Дмитрий Иванович.

— Кислорода час тридцать. Через десять минут высылаю помощь.

— Зачем, Дмитрий Иванович, — удивился Субботин. — Минут через пятнадцать — двадцать мы выберемся на поверхность!

Баженов побагровел от гнева: больше всего на свете он не терпел бодрчества и пренебрежения к реальной обстановке. Именно эти качества чаще всего создавали сложную ситуацию и приводили подчас к непоправимому. Заметив в студенте такие черты, Дмитрий Иванович вел за ним пристальное наблюдение, которое нередко заканчивалось отчислением из института.

— Донкихотствуете, Субботин? Даю двадцать минут. Не выберетесь — два штрафных балла!

— Вы меня не так поняли, — пытался возразить Михаил.

— Не теряйте времени, Субботин! — оборвал директор.

Миша пожал плечами, выключил микрофон и обернулся к экипажу.

— Саша, сколько песка над нами? Ты мерял по антенне.

— Два семьдесят.

— А труб для прохождения водных преград?

— Метра четыре-пять, — отозвался Сима.

— Отлично!

— Идея лихая, только удастся ли их поднять сквозь песок?

Саша с сомнением уставился на Субботина.

— Придется потесниться и часть песка спустить в вездеход. Обеспечимся кислородом, а там будем думать, как дальше.

— Поехали!

Сима метнулся к запаснику. Отскочили защелки, и крышка отошла к борту вездехода.

— Майя, посторонись!

Саша передал метровую трубу Ми-

хайлу, а тот осторожно, чтобы не сорвать уплотнители, уложил ее под люком. За первой трубой последовали остальные. Сима вставил трубу в приемный паз в крышке люка и включил гидравлику, открывающую задвижку.

— Навались!

Труба немного подалась, и тотчас из нее потек мелкий сухой песок.

— Прикрой, чтобы поменьше, — командовал Смолкин.

— Удержишь его, как же! — подставив ладонь под трубу, пробурчал Саша.

— Майечка! В запаснике пластиковая планка!

Планку поставили под трубу. Михаил и Саша ухватились за нее и удвоили усилия. Сначала труба пошла довольно легко, потом застыла. Планка не закрывала полностью отверстия, и песок, хотя и медленнее, сыпался из непркрытых щелей узкими струями. Сима нарастил вторую секцию. Дальше подъем трубы пошел еще хуже, и Смолкину пришлось вращать ее накидным ключом. Между тем, куча песка в вездеходе росла, грозя заполнить все свободное пространство. Когда попытались пристроить снизу четвертый метровый отрезок, пришлось отгрести песок в стороны. Последние полметра до поверхности продвинулись сравнительно легко. Труба стремительно выдала последнюю порцию песка.

— Кажется, пробились!

Субботин поднял переднюю стеклопластовую часть шлема, достал тампон и промакнул им капельки пота на лице. Затем потянулся к тумблеру связи и сел на песок, так как ноги оказались засыпаны выше колен. С трудом освободив сначала одну, затем другую ногу, Миша включил микрофон.

— Экипаж ликвидировал опасность кислородного голодания. Через несколько минут будет установлена телевизионная связь.

— Доложите, что предприняли.

— Подняли трубы выше поверхно-
сти песка.

— Ясно. Нужна ли помощь?

— Попробуем сами.

— Хорошо. Ждем видеосвязи.

Субботин опустился в кресло и, ослабляясь, вытянул ноги, однако мысль, что время идет, а он ничего не может придумать, угнетала его. Он чувствовал себя виноватым, что вызвал раздражение у директора неосторожным словом, и теперь команда могла ни за что потерять два драгоценных балла. Правда, по интонации Баженова Михаил понял, что гроза, в основном, пронеслась, но кто знает...

— Что будем делать? Наверное, надо сначала смонтировать и установить антенну?

— Сначала надо поднять повыше трубы, — возразил Саша. — Будет спокойнее на душе. — Ну-ка, взяли.

Однако, несмотря на их дружные усилия, труба почему-то дальше не пошла. Сима метнулся к запаснику и приволок домкрат. С его помощью трубу подняли почти на полную высоту. Тем временем Майя смонтировала антенну. Сима оглядел соединения и заменил верхушку специальной насадкой с датчиком.

— Надо и самим посмотреть, что делается наверху, — объяснял он свои действия.

Подключив видеосвязь, Смолкин вытащил из запасника шланг и соединил его с компрессором.

— Надо навести порядок в доме, — пошутил он, бросая всасывающую камеру на кучу песка. — Прижмите кто-нибудь, а ты, Миша, выведи конец через трубу.

Субботин принялся подавать шланг в трубу. Сима помогал ему.

— Хорошо, — сказал Смолкин, — увидев на экране, что конец шланга поднялся выше антенны. — Теперь хорошенько держите, иначе этот пескоструйный аппарат размолотит датчик.

Взвыл компрессор, и песок на полу начал убывать.

— Слушайте, мальчишки, — прижимая всасывающую камеру к тающему песку, сказала Майя. — А если попытаться выбросить эту штуку на поверхность и освободить вездеход от песка сверху?

— Примитивно, — хмыкнул Сима, — но мысль плодотворная. В запаснике есть дюймовка под этот шланг. Можно удлинить, дать побольше атмосфер, и песок как ветром сдует!

Кое-как отсосав песок из вездехода, экипаж, загоревшись новой идеей, принялся за монтаж спасительной в их положении системы. Саша предложил укрепить на конце шланга суживающуюся в виде сопла трубку. Порывшись в ящике, Сима нашел только коленообразную муфту-переходник для соединения трубы в двадцать миллиметров с трубкой на десять.

— Ну и отлично! — обрадовался Миша. — Закрепим на трубе, и, если ее поворачивать, она будет сдвигать песок во все стороны. Освободим люк, а там уже семечки!

Однако после первой продувки убедились, что из-за высоты, соединяющей их с поверхностью трубы, сжатый воздух сдувает песок лишь на удалении.

— Надо опустить всю систему, — предложил Сима. — Зря мы поднима-
ли.

— Кто может знать заранее, — оправдал его Сима. — Кто-нибудь следите, чтобы не опустить ниже уровня песка.

— Майя, к экрану! — скомандовал Субботин, берясь за накидной ключ. — А вы с Сашей придерживайте трубу снизу. Назад она должна пойти легче.

Осторожно вращая трубу, Миша нажимал на ключ, и она без особого усилия пошла вниз.

— Стоп! — крикнула Майя.

— Пойди, Сима, прикинь опытным глазом.

Смолкий отошел к пульту управления, где мерцал экран.

— Сантиметров на двадцать можно.

Еще с большей осторожностью Субботин продвинул трубу вниз, снова зажужжал компрессор, и свистящая струя воздуха вырвалась из сопла. Михаил и Александр поворачивали трубку, Сима следил, чтобы они направляли сжатый воздух на теледатчик и своевременно передвигал антенну. Мощная струя воздуха отбрасывала песок на десятков метров, но при этом поднималась такая пыль, что уже через минуту Майе пришлось переключаться на инфравидение. Хуже всего, что эта пыль тут же засосалась в трубу, так как компрессор создавал внутри вездехода сильное разрежение. Правда, костюмы с гермошлемами спасали от таких неприятностей, но сам поток пыли не повышал настроения. Под ударами сжатого воздуха вокруг трубы возникла кольцевая воронка метров до пяти радиусом и глубиной сантиметров шестьдесят. Возле трубы, в мертвой зоне, образовался небольшой конус. Увидев, что выдутая воронка стабилизировалась, и воздух уже не оказывает на нее воздействия, Миша снова взялся за накидной ключ и опустил трубу пониже, пока через край ее не хлынул песок с конуса. Снова включили компрессор. Воронка все увеличивалась, а трубы вместе с антенной и шлангом опускались вниз, пока не уперлись в дно. Пришлось убирать всю систему и свинчивать первую секцию.

— Видеосвязь прекращается на пять минут по техническим причинам, — сообщил Субботин на диспетчерский пункт.

— Понятно. Видим ваши затруднения, — директор обернулся к Алферову, — Пожалуй, можно запускать второй экипаж. С ними все ясно. Через полчаса они откроют люк, и дальше дело техники.

— Если пройдут полигон, миновав оставшиеся ловушки, возьму их, не взирая на твои протесты, — задумчиво сказал начальник космоцентра.

— Не думаю, чтобы тебе это удалось, — хитро прижмурив глаза, отозвался Дмитрий Иванович. — Хотя с космонавтами мне хлопот значительно меньше, но и эти кое в чем им не уступят.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Василий Федорович.

— Ничего. Просто рекомендую тебе оставить все как есть... И вообще, что ты привязался к этому экипажу. Надо же и другие посмотреть, а они ничем не хуже.

— Вот, вот! Даже ты признаешь их преимущество! Ничуть не хуже. Значит, не лучше!

— Не цепляйся к словам. Конечно, нынче они блеснули, но я наблюдаю за ними в течение четырех лет. Самый неуравновешенный экипаж. Может неожиданно, как сегодня, вырваться на совершенно немыслимое количество баллов вперед, а завтра сесть на простой задаче.

— Хорошо, посмотрим, — Алферов заглянул в заготовленный список команд. — Кого запустим?

— Самохваловцы рвутся. Тем более, что мы держим их в стартовой готовности.

— Насколько я помню, они из явных претендентов.

— Да.

Василий Федорович снова углубился в список, перечитывая фамилии командиров экипажей и что-то прикидывая в уме. Наконец, он поднял голову, видимо, сделав выбор.

— Экипажу Демина приготовиться к прохождению полигона. Старт по готовности. Экипажу Самохвалова предоставляется трехчасовой отдых.

— Мудришь? — недовольно поморщился директор. — Мы стараемся соз-

дать для всех равные условия а ты делаешь исключения.

— Да, делаю! Мне нужны объективные данные об их максимальных возможностях! В конце концов, я выбираю практикантов! — рассердился Василий Федорович. — Ты собрался и иди, пожалуйста!

— Как хочешь, — обиделся Баженов и, бросив последний взгляд на экран, где экипаж Субботина очередной раз опускал трубу, вышел из центрального поста наблюдения.

На протяжении последующих двух суток, пока шли испытания, он не появлялся на полигоне и лишь изредка справлялся о результатах конкурса через диспетчерскую. До последнего дня время внеконкурсного экипажа оставалось непревзойденным. Под занавес испытаний неожиданно для всех вырвался вперед экипаж Кузнецова, но они умудрились схватить три штрафных балла за нарушение правил безопасности, и не могли составить конкуренцию даже самохваловцам. Перед объявлением результатов Алферов зашел в кабинет директора. Выглядел он несколько утомленным, но вполне бодрым, а главное, довольным.

— Зря ты самоустранился. Хотя твоя служба дело знает, все-таки подчас не хватало твоей требовательности. У меня осталось такое чувство, что остальные экипажи прошли полигон по облегченной программе...

— Подводишь базу под субъективную оценку, — усмехнулся директор. — Я ведь понимаю, куда ты клонишь.

— Так ли уж и субъективную? Я дал возможность лучшим экипажам пройти полигон в самых оптимальных условиях. И только у Кузнецова два провала, у остальных больше трех, а эти так ни в одну ловушку и не попали... Не думаю, чтобы ты об этом не знал.

— Естественно, все-таки я пока директор.

— Что значит пока, Дима! — вспыхнул Алферов. — Никто не собирается вмешиваться в твои функции. Тем более, что подготовка экипажей выше всяких похвал. Я просмотрел все до единого, и любой можно брать со спокойной совестью, разве что кузнецовцы немного полихачили...

— Не забывай, что лучшие экипажи.

— Вот именно, — подчеркнул Алферов, — лучшие! И если на таком фоне экипаж Субботина выглядит на две головы выше и организованней...

— То ты, пользуясь своим правом, решил восстановить попорченную мной справедливость. Не так ли?

— Зачем утрировать, Дима? Просто экипаж вполне заслужил более серьезного к себе отношения.

— Это решение комиссии?

— Да.

— Так в чем дело? — Дмитрий Иванович насмешливо сощурился. — Я думаю, все конкурирующие экипажи собрались в актовом зале...

— Я зашел предупредить, чтобы для тебя не было неожиданностей.

— Спасибо, что хотя бы поставил в известность, — не удержался от сарказма директор. — Зато я тебе выдать гарантию от неожиданностей не могу...

Баженов поднялся из-за стола, подошел к Василию Федоровичу и, положив ему руки на плечи, заглянул в глаза.

— Так что держись, Вася. Это тебе не твои подчиненные. Видел, как они умеют раговаривать? Если им покажется решение комиссии несправедливым, они выдадут сполна все, что они по этому поводу думают. Мы никогда не препятствуем открытому обсуждению любых проблем, возникающих в ходе учебного процесса. Мы лишь требуем, чтобы эти высказывания проводились в корректной форме...

— Думаешь, они...

— Психологию такого возраста

трудно учесть. У них очень остро чувство справедливости. Если им покажется, что с ними обошлись не по договоренности, они не преминут напомнить об этом.

— Ладно, спасибо хоть подготовил,— улыбнулся Василий Федорович и обнял друга. — Пойдем однако. Не будем испытывать их терпение, раз они у тебя такие сердитые...

Актный зал встретил их сдержанным шелестом. Алферов прошел на председательское место, директор, хотя рядом с Василием Федоровичем пустовало приготовленное ему кресло, присел с краю, как бы отмежевываясь от решения комиссии, каким бы оно ни было.

Алферов поднялся и оглядел притихший зал. Курсанты сидели группами, по экипажам, ожидая решение комиссии. В любом случае участие в конкурсе давало возможность почетно сдать групповые испытания, поскольку это было соревнование лучших экипажей. Субботинский экипаж сидел в стороне от остальных групп, как бы подчеркивая свою непричастность к волнующему всех событию. Большинство примирились со своим положением, и лишь в трех, наиболее удачливых, группах теплился живой интерес.

— Итак, давайте подведем итоги наших трехдневных состязаний,— начал Василий Федорович в полнейшей тишине. — Экипаж Самохвалова. Пять баллов за прохождение полигона, два балла за оригинальность решений при выходе из ловушек.

— Шестьдесят девять,— быстро прикинул Сима. — У Кузнецова шестьдесят семь, то же у Демина. Это против наших семидесяти пяти! Хорошо!

— Молчал бы уж лучше,— с горечью сказал Макаров.

— Саша,— укоризненно покачала головой Майя.

Макаров стушевался, но оживление Смолкина уже прошло. Он сидел, ви-

новато потупившись, и делал вид, что внимательно прислушивается к результатам. Саша корил себя за то, что не удержался, и напомнил товарищу о его вине...

— Несколько слов об экипаже, выступавшем вне конкурса. Он набрал четырнадцать баллов, вдвое больше, чем лучший экипаж. Вы знаете, он нас поставил в затруднительное положение. Мы посоветовались и решили восстановить этот экипаж в равных правах.

— Конечно, у них интуиция,— со вздохом сказал Демин. — С ним любой экипаж выскочит на первое место.

— Что, что? — не понял Василий Федорович.

— Интуиция — прозвище Субботина,— пояснил кибернетик Казаринов. — Если мне не изменяет память, он получил его еще во время поступления в институт. Это чувство у него развито чрезвычайно.

— Ясно. Спасибо за информацию, однако продолжим,— Алферов улыбнулся, заметив по внезапно возникшей тишине настороженное внимание экипажей, по каким-то неприметным признакам уловивших, что еще не все потеряно. — Вместе с тем нам хотелось бы уравнять шансы других, наиболее отличившихся экипажей. Им будет предложено две задачи. За правильное решение каждой экипажам дополнительно начисляется по пять баллов. Таким образом, команды Кузнецова, Демина и Самохвалова имеют возможность вернуть утерянное превосходство. Экипажи согласны на дополнительные задачи? Демин?

— Да.

— Самохвалов?

— Конечно.

— Кузнецов?

— Согласны.

— Вот и отлично. Тогда приступим. В чем дело, Гончарова? — увидел Алферов поднятую руку Майи.

— Экипаж с решением комиссии не согласен.

— Садитесь, Гончарова. Ваша группа в решении этих задач не участвует.

— Но...

— Садитесь, садитесь!

Василий Федорович обернулся к диспетчеру.

— Включите запись!

...Вездеход мчался по песчаным барханам, ловко покачиваясь на буграх и валах.

— Объявляется трехминутная готовность метеоритной угрозы, — раздавался голос директора, и запись оборвалась.

— Экипаж Самохвалова, ваше решение?

Секундное замешательство, и Самохвалов, переглянувшись с товарищами, поднялся со своего места.

— Не взирая на опасность, направить вездеход к ближайшему укрытию. Риск есть, но другого выхода нет.

— Экипаж Кузнецова?

— Решение Самохвалова считаем правильным. Всему экипажу перейти на автономное дыхание.

— Это записано в положении о метеоритной опасности в открытом космосе, — спокойно заметил Самохвалов.

— Экипаж Демина?

— Считаем задачу неконкретной.

— Ясно. Экипажу Самохвалова — два балла, Кузнецова — один. Экипажу Демина — ноль. Продолжите запись.

Когда курсанты увидели, как вездеход зарывается в песок, в зале сначала возникло оживление, а затем раздался аплодисменты. Демин от досады хлопнул кулаком по подлокотнику.

Запись оборвалась на попытках вездехода выбраться из-под песка.

— Экипаж Кузнецова!

— Пробриться вперед через бархан!

— Экипаж Демина!

— Экипаж просит десять минут для совещания.

— Ваши десять минут. Минус один балл.

— Экипаж Самохвалова!

— Просим пять минут.

— Ваши пять минут — минус один балл.

В зале послышались смешки. Самохвалов покраснел от досады: времени меньше, а штрафные очки те же. Кто-то попытался сострить, но командор так выразительно глянул на шутника, что тот умолк, понимая, что экипаж и так в состоянии цейтнота...

Пять минут в притихшем зале то в одном, то в другом углу возникал тихий говорок, вызывая фейерверк идей и подробностей, пока короткое командирское «нет» не унимало брызжащий фонтан. На несколько секунд воцарялась тишина, пока свежая мысль не взрывала ее.

— Экипаж Самохвалова!

— Разрешите решение подать в письменном виде.

— Давайте.

Самохвалов с достоинством прошествовал через зал и положил записку на стол перед Алферовым. Тот развернул ее, улыбнулся и подал членам комиссии. И опять в зале наступила сосредоточенная тишина.

— Экипаж Демина!

— Предлагаем в верхней крышке вездехода просверлить два отверстия и вывести выше поверхности песка трубы диаметром 20 миллиметров, которые есть в комплекте запасных частей. Одну трубу подсоединить к компрессору на всасывание, другую на выход сжатого воздуха и попытаться сдуть песок с крышки люка. Затем, выбравшись на поверхность, освободить вездеход.

— Ясно. Решение верное. Пять баллов, плюс два балла за оригинальность решения. Экипаж Самохвалова предложил выдвинуть сквозь песок трубы для прохождения водных рубежей,

обеспечить экипаж воздухом и вызвать аварийную команду. Решение половинчатое. Три балла. Минус один балл за секретность.

По реакции зала Алферов понял, что комиссия, сняв, по предложению кибернетика Казаринова, один балл с экипажа Самохвалова, поступила правильно. Лидер должен вести за собой другие экипажи и не бояться, что тебя опередят. Чувствуя поддержку зала, Василий Федорович полностью уверился, что его симпатии к экипажу Субботина разделяет подавляющее большинство курсантов, и никто не поймет решение комиссии превратно.

— Решение экипажа Кузнецова неверно. Вездеход, пробиваясь сквозь бархан, попадает в аварийную обстановку со смертельным риском от удушья. Между прочим, мы этот вариант промоделировали. Мощности двигателя не хватит пробиться до середины бархана. Вездеход застревает на глубине пяти-семи метров. Раскопать его быстро не удастся. Короче, два штрафных балла! Таким образом, экипаж Субботина остается на первом месте, на второе продвинулся экипаж Демина, на третьем — Самохвалова. Путевки на практику присуждаются экипажу Субботина.

Поднялся взъерошенный и красный от волнения Саша.

— Вас...илий Ф..ф..федорович, — начал он, заикаясь. — Вы нас не выслушали раньше. Выслушайте сейчас. Экипаж Субботина принимал участие в прохождении полигона неожиданностей вне конкурса и потому не считает возможным претендовать на путевки, независимо от последующего решения комиссии и набранных баллов.

— Как это понимать?

— Так и понимать. Путевки должен получить экипаж, участвовавший в конкурсе на полных правах, — отрезал Саша и сел.

— Субботин!

Михаил поднялся, слегка насупленный и готовый к отпору.

— Вы командор экипажа?

— Нет.

— Тогда этот, как его...? Макаров?

— У нас нет командора, Василий Федорович, но заявление любого члена экипажа можно расценивать как заявление командора.

— Что это у тебя за новая форма демократии? — обратился Алферов к директору.

Тот развел руками, как бы говоря: я же тебя предупреждал, что у этой группы свои порядки.

— Значит, экипаж отказывается от путевок?

— Да, — твердо ответил Субботин.

— Уговаривать не буду. Путевки присуждаются экипажу Демина. Все свободны...

Расстроенный Алферов мерял шагами из угла в угол директорский кабинет. Теперь, когда их противоборство разрешилось так неожиданно, они снова обрели способность объективно оценивать события, вспомнили, что их связывают и студенческие годы, и давняя дружба. Баженов пригласил на какие-то необыкновенные вареники с квашеной капустой, и Алферов ждал, пока он закончит неотложные дела. В суматохе дня Василий Федорович так и не спросил у Баженова, что тот думает по поводу отказа субботинского экипажа, и сейчас, когда все документы были оформлены и подписаны, он понял, что именно этот вопрос более всего беспокоит его. И чем дольше он размышлял, тем менее мотивирован, как ему казалось, был поступок экипажа.

— Нет, все-таки это у меня не укладывается. Нынешнее поколение по моему, начисто лишено честолюбия.

— Ты неправ, Василий, — оторвался от бумаг Баженов. — Эта четверка именно на одном честолюбии проско-

чила полигон с таким блеском. И из того же честолюбия отказалась от практики на Луне. Думаешь, просто?

— А командора у них нет тоже из честолюбия?

— Нельзя ли что-нибудь полегче? Я с ними быюсь четвертый год и только сейчас начинаю понимать, что в их срывах есть доля нашей вины...

— Это и я могу подтвердить, — усмехнулся Алферов. — Не исправь ты своей властью оценку Смолкину, всей этой истории не было бы!

— Ну да! — засмеялся Баженов. — Ты что, не знаешь студентов? Только дай им прецедент, всю автоматику по миру пустят! И так у Смолкина найдутся подражатели, а при моем попустительстве... Тут дело не в этом. Она особенная, эта четверка. Вот в чем особенность, я пока не уловил, и в этом я прежде всего считаю себя виноватым. Ты подожди, я сейчас закончу, и мы попробуем с ними поговорить.

— Хочешь собрать их здесь? — Василий Федорович кивнул на кабинет, но Баженов углубился в бумаги и не ответил.

Алферов снова принялся мерять шагами кабинет. Мягкий пластик заглушал шаги и не мешал Дмитрию Ивановичу работать...

Спустя полчаса они пересекли сквер и подошли к общежитию.

— Ну и где ты собираешься их искать? — спросил Алферов, поглядывая на темные окна огромного здания. Большинство курсантов разъехались: кто на практику, кто на каникулы, и только в левом крыле вразброс светилось несколько ярких квадратов.

— Надо думать, они у Гончаровой. Во-первых, у нее наиболее подходящая обстановка, а им сейчас нужна именно приятная, успокаивающая обстановка. Во-вторых, они сегодня победили по всем статьям, а такое событие принято отмечать, значит, они все вместе. Пойдем, что ли?

— Веди. Я хотя и бывал в комнате Гончаровой, вряд ли сейчас найду.

Они поднялись на третий этаж и прошли по длинному коридору. За дверью слышался веселый басок Смолкина.

— Все в сборе, — уверенно сказал Баженов и нажал кнопку сигнализации.

Дверь открыла хозяйка комнаты.

— К нам гости, — отстраняясь от входа и предупреждая своих товарищей, сказала она.

— Извините, Майя, за вторжение, но вот у Василия Федоровича возникло несколько вопросов к вашей группе. Надеюсь, вы все здесь?

— Все. Есть даже лишние, — улыбаясь, ответила девушка.

Лишней оказалась Светлана Мороз, ее подруга по комнате. Впрочем, судя по оживлению Симы Смолкина, трудно посчитать неуместным присутствие этой невысокой девушки с добрыми серыми глазами. На вошедших глядели с откровенным любопытством, и Алферова удивило приподнятое настроение группы. На столе стоял чай, выслыс начатый торт и нетронутый графин с апельсиновым соком.

— Празднуем день рождения? — спросил Василий Федорович, чтобы рассеять некоторую неловкость неожиданного вторжения.

— Скорее день победы, — серьезно ответил Саша. — Присаживайтесь к нам. Ведь и вы виновники нашего торжества.

— Это каким образом? — удивился Алферов, опускаясь на стул.

— Я за вами поухаживаю, — сразу включилась в роль хозяйки Майя. — Сок или чай?

— Давайте чай. Так в чем мы провинились?

— Вы нас поставили в жесткие условия. И то, что мы выдержали, мы считаем своей победой. Ну а вы, соавторы, что ли...

Алферов и Баженов переглянулись

и дружно захохотали. Василий Федорович смеялся громко, раскатило, обнажая неправдоподобно белые коренные зубы. Мало кто знал, что они вставные, как и вся нижняя челюсть — след давней аварии при испытании новой модели орбитального ракетоплана, после которой космонавт-испытатель Василий Алферов перешел на административную работу.

— Я тебе говорил, что с ними не скучишься, — отсмеявшись, сказал директор. — Значит, соавторы, говорите? Тогда выкладывайте свои секреты! Должны же мы их знать, хотя бы как соавторы!

— А у нас их нет, — обезоруживающе улыбнулась Майя.

— Ну, положим, кое-какие все-таки есть, — отставляя чашку, сказал Алферов. — Вот, например, секрет заварки чая. Давно не пил такого.

Майя зарделась и беспомощно сглянула на товарищей.

— Этот секрет я знаю, — усмехнулся директор. — Обрывают свежие листики чая в оранжерею. Одно время это увлечение едва не превратилось в бедствие. Пришлось оранжерею отдать в полное распоряжение биофака. Они тоже потаскивают, но по совести.

— Ясно. Подай заявку на строительство дополнительной оранжереи. Средства выделим. Пусть пьют на здоровье. Такой чай стоит оранжереи. Ну, а такой хитрый вопрос: почему у вас в группе нет командора?

— Так повелось, — Михаил сосредоточенно пригладил большим пальцем кустистую бровь. — Еще со времени поступления. Был у нас командор. Он нас подавлял своими знаниями, силой характера и просто силой... Потом наступило разочарование...

— До сих пор очароваться не можем, — вставил Сима.

— У нас своего рода идиосинкразия на командоров, — пояснил Саша.

— Так, так... Ну, а почему вообще

никто не приживается в вашей команде?

— Трудно сказать, — Миша прошелся по комнате. — Может быть, потому, что он лишний?

— Вот, Миша, кажется, ухватил самую суть, — принялся развивать эту мысль Саша. — Мы и сами не понимали, как это происходит. Теперь, пожалуй, ясно. Мы взаимно дополняем друг друга. Полностью, на все случаи жизни. И новичку, который попадает в нашу команду, уже не остается сферы деятельности. Тогда он начинает вторгаться в чужие, и, естественно, получается ерунда.

— Насколько я понимаю, вы все вместе образуете единую систему, — Алферов в раздумье повертел в руках пустую чашку.

Миша молча подошел к столу, взял у него из рук чашку и передал Майе. Та, не говоря ни слова, налила свежего чая и поставила перед Алферовым. Василий Федорович машинально отхлебнул несколько глотков, и вдруг смысл происшедшего поразил его. У него действительно возникло желание выпить еще чашечку чая. Он обычно прибегал к этому средству в минуты размышлений, но об этом знали близкие, знали немногие из сослуживцев, и тем не менее это его желание непостижимым образом уловил Субботин, и дальше сработала система.

— Спасибо, — Алферов улыбнулся. — Вы настолько естественно подсунули мне этот чай и именно в тот момент, когда он мне потребовался, что я даже сначала не обратил на это внимание. Вот прекрасный пример вашей системы в действии. Не так ли, Дмитрий Иванович?

— Они знают, кого задабривать. Мне вот ничего не предложили.

— Но ведь вы в самом деле ничего не желали, — всерьез принялся оправдываться Субботин.

— Нет, это вы мне мстите за то, что

я все время пытался разрушить вашу систему! — пошутил Баженов. — Ну что, Василий Федорович, давай будем прощаться. Задали они мне задачку. Теперь буду искать, из какой группы еще можно создать систему.

— Да. Мы, пожалуй, злоупотребля-

ем гостеприимством хозяев. Вот что, система, имейте в виду, если у вас появится желание после окончания института поработать на Луне, место для вас всегда найдется. Ну, а хорошую практику я вам обеспечу. Пусть не на Луне, но при космоцентре.

Михаил Субботин

Больничный сад

Мне лучше.
Из окна своей палаты
Подолгу я смотреть уже могу
В больничный сад,
Нахмуренный, косматый,
Весь в инее тяжелом и снегу.

В нем не поют и не порхают
птицы,
И замер он,
Овеян чутким сном...
И забываешь запахи больницы,
И начинаешь думать о другом.

Осень на Запсибе

Над Запсибом небо рваное.
Тучи ходят колесом.
Между башенными кранами
Дождь качается овсом.
Длинным — длинным,
Тонким — тонким,
Затянувшим землю сплошь...
Не подъедешь на трехтонке
И на ток не увезешь...

Михаил Беркович, Юрий Дьяконов

БАМ—солнце Якутии

В прошлом году кузбасские журналисты Ю. Дьяконов и М. Беркович побывали на самом северном участке трассы Малого БАМа. Здесь, на вечной мерзлоте, к 1979 году коллектив специализированного строительно-монтажного поезда «Кузбасс» должен построить поселок железнодорожной станции Беркакит. Станция станет опорным транспортным пунктом для развития Южно-Якутского территориального промышленного комплекса, основанного на добыче и переработке залежей различных полезных ископаемых. Когда писался очерк, Беркакит еще только готовился к встрече железной дороги. В день рождения комсомола на станции было уложено последнее звено. И сейчас идет интенсивное строительство Беркакита — станции и поселка.

Старый поселок Чульман прекратил самостоятельное существование и стал одним из районов новорожденного города Нерюнгри. Это произошло 15 июля 1975 года, когда якутская девушка, штукатур-маляр Христина Хостаева перерезала алую ленту на входе в будущий город. С той поры Нерюнгри растет стремительными темпами. Пока он застраивается двухэтажными брусчатыми домами, но уже закладываются фундаменты под каменные, появились асфальтированные дороги, детские игровые площадки, встали на крыши телевизионные антенны — пришла «Орбита».

По местным масштабам Чульман расположен недалеко от центра города — всего в каких-нибудь сорока километрах. Здесь расположен городской аэропорт, здесь находится и Южно-Якутская комплексная геологоразведочная экспедиция. В Чульмане заводы строи-

тельной индустрии, электростанция, автопредприятия, мастерские. Но мы не случайно на первое место вынесли геологоразведочную экспедицию: трудно переоценить ее роль в освоении этого богатейшего края.

Мы остановились в Чульмане, чтобы взять интервью у главного геолога экспедиции Героя Социалистического Труда заслуженного геолога РСФСР Сaimы Сафиевны Каримовой. Во-первых, потому что она — мужественный замечательный человек. Это ей принадлежат слова: «Любое дело нужно делать так, как будто оно твое последнее». Во-вторых, она — живая история геологической службы Якутии.

В кабинете Каримовой, как и у всех главных геологов, висит огромная — во всю стену — геологическая карта страны. Между реками Олёкма и Учур преобладают голубые, синие и розовые цвета. Каждый из них обозначает

геологический возраст пород, слагающих территорию. Здесь плацдарм работы Южно-Якутской комплексной экспедиции.

История экспедиции не очень длинна. Начало систематических исследований территории относится к 1947—1949 годам, когда две партии Читинского геологического управления занялись исследованием Южно-Якутского угольного бассейна и Алданских железорудных месторождений. Впоследствии на их базе и была создана экспедиция.

Но несправедливо начинать историю освоения Якутии, в прошлом почти безжизненного края, с современных геологических изысканий. Нельзя забывать о коренных жителях края — якутах и эвенках, о русских землепроходцах семнадцатого века, пытавшихся вдохнуть жизнь в эту суровую, пустынную страну. Ведь даже Якутск — нынешнюю столицу республики — образовали русские, а точнее — красноярские казаки. Это произошло в 1632 году.

Якутия. 3,1 миллиона квадратных километров и только 664 тысячи жителей (данные 1974 года, предшествуют началу строительства БАМа). Вся республика входит в зону вечной мерзлоты, а ее центральная и восточная части — еще и в зону повышенной сейсмичности: землетрясения иногда достигают здесь 8—10 баллов, то есть имеют большую разрушительную силу. Только мужественные люди могли вторгаться в этот мертвый край пешим ходом, на оленьих или собачьих упряжках.

Перед нами экономическая карта Якутии 1968 года издания. Золото Алдана и Усть-Неры, олово Эся-Хая, уголь Джебарики-Хая, Чульмана и Тикси, алмазы Мирного — вот, пожалуй, все, что на ней отмечено из полезных ископаемых. А теперь самое время вернуться к рассказу Саимы Сафиевны.

Добыча полезных ископаемых в Якутии началась с золота. Но о нем разговор особый. Тем более, что сейчас не к нему приковано основное внимание исследователей. На первом плане стоят уголь, железо, апатиты, строительные и поделочные камни, слюда.

Южно-Якутский угольный бассейн не отнесешь к разряду крупнейших. Прогнозные запасы не превышают 40 миллиардов тонн. Для сравнения — в Кузбассе 725 миллиардов. Но

Главный геолог Южно-Якутской комплексной экспедиции
С. С. КАРИМОВА

уголь Южно-Якутского бассейна почти на 97 процентов коксующийся — от жирного до коксового. Продуктивная толща содержит более ста пластов, которые пока очень слабо изучены. Венчает ее пласт Мощный — от 3,5 до 66 метров. Весь он пригоден для открытой разработки.

«Возле Якутска, по Алдану, в громадном количестве выступает железная руда. В самом городе на базаре за бесценно продаются громадные глыбы ее, взятые прямо с поверхности земли. Якуты обрабатывают руду так же, как древние греки. Они обкладывают кусок руды в камельке углями, поддерживая жар маленьким ручным механизмом; когда уголь выгорит, кузнецы обламывают шлак и полученную ноздреватую массу обрабатывают молотами. Из местного железа якуты выковывают охотничьи ножи, славящиеся во всей области».

(Из географического сборника «Азиатская Россия», 1905 год).

Теперь нет нужды говорить «громадные количества». Можно распоряжаться более конкретными определениями. Хотя и прогнозные. Чаро-Токкинский, Олёкмо-Амгинский, Ханинский железорудные районы, а также группы

месторождений по прогнозам геологов содержат 60 миллиардов тонн железной руды, то есть в десять раз больше, чем ее имеют Соединенные Штаты Америки. Некоторые месторождения пригодны для открытой разработки — самого прогрессивного и дешевого способа добычи. Но есть у них и другое достоинство: высокое содержание железа в руде — до 45 процентов.

В Южной Якутии уникальное по своему экономическому значению соседство угольных и железорудных месторождений. Они расположены между Алданским нагорьем и Становым хребтом и опоясывают Чульман в радиусе примерно 70—100 километров.

Известно, что географическое распределение металлургических заводов по территории страны тяготеет к месторождениям основных сырьевых компонентов — угля и железной руды. В этом смысле, пожалуй, в стране нет более выгодного места для строительства металлургического завода, чем Чульман.

Это, кстати, было отмечено комиссией Академии наук СССР, работавшей под руководством выдающегося металлурга академика И. П. Бардина. Позднее, в марте 1974 года, на собрании партийно-хозяйственного актива Якутска отмечалось, что в дальнейшем в Южной Якутии может быть создана четвертая в стране база черной металлургии.

— Идет интенсивная поисковая разведка апатитов, — рассказывает Сайма Сафиевна. — Прогнозные запасы оцениваются в три миллиарда тонн. До сих пор страна не имела такого огромного природного «склада» апатитов. Для нас же, специалистов, важен еще и неожиданный генезис, то есть образование месторождения в необычных геологических условиях. Недавно на юге Якутии, неподалеку от поселка Чара, открыто месторождение чарокита. Геологи утверждают, что оно — единственное в мире. Оно не очень велико, но ценность минерала от этого не меньше.

— Вот нашли мы все эти полезные ископаемые, — говорит Каримова. — Приехали строители. Просят песок, гравий для раствора и бетона. Ищем. Стали они строить дома, общественные здания. Потребовалась минераль-

ная вата — нужны диабазы. Находим. Мрамор, гранит — находим! Остается проблема проблем, по выражению академика А. Е. Ферсмана, самый важный минерал на земле — вода. На поиски ее уходит много сил и времени. Искать приходится глубоко под землей.

Нет пока воды, и это обстоятельство стало причиной споров на тему, быть ли в Чульмане металлургическому заводу с полным циклом. Отсутствие воды — веский аргумент против строительства такого предприятия. А впрочем, у каждой стороны свои веские доказательства в пользу той или иной площадки для сооружения завода.

ОПТИМИСТЫ С УЛИЦЫ ОПТИМИСТОВ

Мы мчимся по единственной в республике автомобильной дороге — Амуро-Якутской магистрали. Говорят, что по ней вошел в Якутию рабочий класс.

Случилось это так. В 1923 году якут М. П. Тарабуккин на ключе Незаметном открыл месторождение золота. Именно с этого момента и началось освоение природных богатств республики.

Неподалеку от ключа постепенно вырос поселок Незаметный. Позднее его переименовали в Алдан. Затем организовался трест «Алдан-золото». Трест и по сей день не утратил своего значения.

Если золото можно было вывезти на самолетах, то для оборудования и строительных материалов этот вид транспорта являлся не подходил. И тогда в 1925 году началось строительство АЯМа. Через пять лет магистраль закончили. Начинается она от станции Большой Невер на Транссибирской магистрали, пересекает БАМ и идет до Якутска.

Трасса очень сложная. Она то пересекает реки, болота, то круто поднимается в гору, то стремительно спускается в долину.

На АЯМе, возле небольшой речки Беркакит, находится пункт обогрева шоферов. Название речка получила от имени быллинного богатыря, защищавшего кочевников от злых духов. Проектировщики Малого БАМа решили распо-

ложить здесь конечную железнодорожную станцию, перевалочную базу, строить которую поручили Министерству угольной промышленности СССР, а Кемеровская область взяла шефство над ее строительством. 13 декабря 1975 года вновь созданный специализированный строительно-монтажный поезд выехал из Новокузнецка на БАМ...

На следующий день после выгрузки на станции Тында специализированный строительно-монтажный поезд «Кузбасс» отправил на место своей постоянной работы первый обоз. Поздним вечером 23 декабря в Беркамит прибыла бригада Анатолия Колегина — новокузнецанина, весельчака и балагура. В его распоряжении были трактор, автомобиль, 25 рабочих, среди которых больше половины комсомольцы.

АНАТОЛИЙ КОЛЕГИН РАССКАЗЫВАЕТ

«Ну вот прибыли мы, наконец, в Беркамит. Мороз — градусов под сорок, темно, кругом тайга, снег, а рядом несколько вагончиков соседнего поезда — из Белоруссии. Выходит к нам их прораб, мол, заходите погреться, а я пока для вас площадку бульдозером расчищу. Ну мы, понятно, отказались: свои «хоромы» привезли. Развели огонь, набрали в большую миску воды и принялся я суп варить. Вывалил в эту миску лапшу, мяса накидал, варено получилось — не ходи по крыше, не ломай трубу!

Первую ночь переночевали хорошо. А на следующий день стали прибывать наши из Тынды. Тесно стало в вагончике. Вечером легли спать, снова пополнение. Будят шоферы: «Толя, куда лечь, — спрашивают». «Вались, где стоишь», — отвечаю. И так всю ночь...

Утром прибыл вместе с материальными ценностями главный бухгалтер наш Дажигаев. Давай, говорит, Толя, срочно строй склад. Ну, я собрал бригаду, говорю, братцы, к утру нужно построить хранилище государственного добра. Витя Бобин, Коля Дрянных и другие парни взялись за дело. За сутки склад сварганили. Теперь Яков Дмитриевич, бухгалтер наш, мог спать спокойно.

Так неделя и пролетела. Новый год подошел, а тут свадьба завязывается: Олега Пухкалова с Ниной Тюленевой. К этому времени все вагончики были на месте, человек восемьдесят собралось. Нарядили живую елку, соорудили из щитов танцплощадку, для молодых сделали символический шалаш: пусть им — милым — рай в нем будет, сдвинули вместе четыре вагончика и такой праздник закатали — тайга звенела! На дворе минус сорок восемь градусов, а Боря Печенкин вовсю наяривает на баяне, девчонки с парнями на собственной танцплощадке такие кренделя выделывают — не ходи по крыше!.. За Светой Савоськиной глаз не поспевал. Были и Дед Мороз, и Снегурочка — Сергей Кузьмич Королев и Люба Колганова. Раздобыли оленью упряжку и давай молодых по поселку катать.

На ночь-таки пустили молодых в вагончик: в шалашом «раю» холодноато показалося. Теперь у них — комната в щитовом доме. Хорошо живут, дружно...»

Молодые люди, патриоты и романтики прибыли на БАМ не для праздного времяпрепровождения. Стране потребовалась их энергия, их молодые силы, способные противостоять трудностям сурового, необжитого края со всеми атрибутами зоны вечной мерзлоты: мягким, как подушка, мшаником, под которым тысячелетиями покоится толстый слой льда, с комарами, ранними заморозками, продолжительной зимой...

Перед ними поставили задачу: построить железнодорожный поселок, сметная стоимость которого превышает 17 миллионов рублей. Сюда входит вокзал, общественно-торговый центр на тысячу жителей, шесть сорокакомнатных и один семидесятикомнатный дом и другие здания — все в бетонном исполнении. Строительство здесь более дорогое, чем в обычных условиях, не только из-за вечной мерзлоты, но и из-за повышенной сейсмичности. Поэтому под каждое здание закладывается усиленный фундамент и каждый этаж стягивается железобетонным сейсмическим поясом.

Но, прежде чем приступить к выполнению основного задания, нужно построить временный поселок. Они приехали на БАМ как шефы, со своей техникой, со своими материалами и не

могли позволить себе запятнать честь Кузбасса плохой работой.

Весь 1976 год коллектив поезда работал с огоньком. Производственный план строители выполнили 27 октября и вышли победителями в социалистическом соревновании, завоевали все знамена, какие можно было завоевать. За год построили 10 двухквартирных домов, 15 общежитий, котельную, провели теплотрассу и водопровод протяженностью 2,5 километра, столовую на 150 мест, баню, детский сад, насосную станцию. При этом котельная «Кузбасса» считается лучшей на БАМе. В общем, временный поселок построен, все работники поезда обеспечены жильем. Нельзя сказать, чтобы с избытком, но никто не живет в вагончиках.

Сейчас в Беркаките четыре поезда. Население поселка достигло четырех с половиной тысяч. Недавно состоялись первые выборы в поселковый Совет. Беркакит обрел гражданство. Состоялся первый выпуск учеников средней школы. Пять из дневной и двадцать шесть —

вечерники. Разговариваем с классной руководительницей Зухрой Рахмановной Атагановой.

— Мы все сегодня волнуемся, — говорит она, — не знаю, кто больше: учителя или выпускники. Наша великолепная пятерка уходит в жизнь. Она была опорой всех школьных дел, все на «отлично» сдали Ленинский зачет. Без троек закончили школу Наташа Козленко и Лена Шатунова. Неплохие аттестаты получают Женя Дерзаев, Таня Кочкина, Оля Первушина. У всех разные увлечения: юриспруденция, экономика, радиотехника, медицина.

Строители делят Беркакит на три части: старый (вагончики, где сейчас живут до получения постоянного жилья рабочие других организаций), новый и будущий. Последний пока не поднялся из фундаментов.

— Самая лучшая точка для обозрения Беркакита сегодня — только что смонтированный башенный кран, — сказал главный механик строительно-монтажного поезда «Кузбасс» Григорий Константинович Аненко. И вот мы

Семья из Беркакита

на кране. Слева в гору поднимаются две улицы, построенные нашими земляками — Кузбасская и Оптимистов. Дальше идут Поселковая, Бамовская, Молодежная.

— Их строили другие поезда, — объясняет Аненко. — Наши улицы мне больше нравятся. Особенно названия...

Рядом с Беркакитом строительно-монтажный поезд № 591 из Белоруссии заканчивает отсыпку полотна под железнодорожные пути будущей станции, строит мост через маленькую речку. Хлопочет бульдозер, разгружающий мощные КРАЗы, западногерманские «Магirusы», с шумом вращается бетономешалка. Подъемный кран японской фирмы «Като» берет от нее «туфельку» с бетоном и переносит на место монолитного бетонирования...

ВСТРЕЧА НА 328-м КИЛОМЕТРЕ

Малый БАМ отметил уже немало трудовых побед. Но самый грандиозный праздник был в Тынде, куда магистраль пришла со станции БАМ. Таким образом соединились действующий и будущий широтные индустриальные пояса Сибири. А дорога, преодолевая мари и курумы, реки и горы, змеей побежала в далекий Беркакит. На разъезде Якутский, где проходит граница Амурской области и Якутии, в знак благодарности мужеству строителей воздвигнут монумент. В Нагорном (самая высокая точка БАМа на Становом хребте) дорога заставила спрятать ее в тоннель и потом, словно желая отдохнуть, плавно начала спускаться к своему пункту назначения.

— Где сейчас находится путеукладчик? — спросили мы одного из шоферов.

— Должен в Нагорном, отсюда километрах в восьмидесяти.

— Ты что! — удивился такой неосведомленности его коллеги. — В Золотинке.

Это ближе. И снова АЯМ. Наш ПАЗик лихо бежит по тряской дороге. Белые кучевые облака бросают на нее узорчатые тени. Над тайгой разгорается теплый июньский день. Мелькают километровые столбы, встречные караваны КамАЗов, «Магirusов», МАЗов.

Иногда нас с шумом обгоняют тяжелые грузовые машины.

Вдоль АЯМа тянется отсыпанное полотно будущей железной дороги. Через полтора часа пути оказался мост через реку. За ним, на правом берегу, старый поселок Золотинка, чуть поодаль — новый поселок. В нем живут строители. Типичная для БАМа картина: ровные ряды деревянных домов, а рядом с ними полевые вагончики. Стоял воскресный день, но народу в новой Золотинке почти не было.

И вот АЯМ сошелся в одной точке с Малым БАМом. Бригада Карима Гораева из ударного отряда «Якутский комсомолец» СМП-577 треста «Бамстройпуть» своим ярко-красным путеукладчиком уложила рельсы на 328-м километре от станции Бам. До Беркакита осталось 69. В этой точке и встретились старая автомобильная трасса с новой железнодорожной...

Нам, к сожалению, не пришлось поговорить с бригадой. Она уехала в Нагорный, потому что еще не закончилась подготовка к оборудованию переезда. Сделать его нужно было, чтобы не задержать автомобильное движение. Ведь АЯМ — единственная дорога во всей Якутии. Поэтому с одной стороны лежал штабель «решеток» (так называют монтеры пути рельсы с прикрепленными к ним шпалами), а с другой механизаторы колонны № 156 треста «Бамстроймеханизация» готовили полотно для бригады путеукладчиков.

Через насыпь будущей дороги мчат караваны машин. Среди них немало самосвалов, которые вывозят скальный грунт из карьеров. Часть его идет на подсыпку полотна, часть — в отвалы. Желтый «Магirus» скрипнул тормозами, и из кабины вышел начальник участка Борис Владимирович Наседкин. Плотный, энергичный, в легкой безрукавке (пиджак через плечо), с непокрытой головой, он не поднялся, а взбежал на полотно.

У начальника участка сейчас не очень много забот: дела идут отлично. И он, осмотрев откосы полотна, поговорив с рабочими, обратился к нам:

— Этого переезда потом не будет. Вообще на БАМе не будет никаких переездов на одном уровне. Поезда и автомобили смогут дви-

гаться вне всякой зависимости друг от друга.

Мы стояли молча и рисовали в своем воображении будущее пересечение дорог.

— Только этот комфорт чертовски трудно достается,— продолжил Борис Владимирович. — Лишку растительного покрова не тронь: под ним вечная мерзлота, а она не прощает «неджентльменского» обращения. Перестараться — поплывет полотно. Поэтому насыпь делаешь, как ювелир. Из четырех выемок, что мы прошли, две пришлось прокладывать с помощью мощных многочисленных взрывов.

Наседкин родился в Одессе, а учился и начал трудовую биографию в Осинниках. Так что закалка у него сибирская. В тот воскресный день ему не сиделось дома. На трассе рабо-

тают опытные механизаторы: экскаваторщик коммунист Владимир Иванович Мацуков и грейдерист комсомолец Геннадий Пермьяков. Оба, как говорится, охулки на руки не положат, брака не допустят и отлынивать от работы не станут. Начальник участка в этом уверен. Так что не проверять, не контролировать приехал Наседкин, а посмотреть, как дела идут, не нужна ли какая помощь.

Честно говоря, стройка века представлялась скопищем автомобилей, скреперов, тракторов и другой техники, окруженной многолюдьем, чем-то похожим на штурм. А тут такая тишина! Стоят на полотне японский экскаватор «Като», наш отечественный автогрейдер, и два человека отделяют начисто полотно.

*Строится
Нерюнгринский
разрез*

Мы удивились такому спокойствию.

— А зачем лишняя суета? — спросил Мацуков. — И без нее по три километра в день отделяем.

А тем временем в Беркаките усиленно готовятся к прибытию первого поезда. Во всяком случае, к тому времени, когда путеукладчик придет к своему последнему километру, там будут готовы и мост, и полотно пристанционных путей.

НЕРЮНГРИ — ГОРОД БУДУЩЕГО

Предполагается, что первым грузом, который повезут по рельсам Малого БАМа тяжелые составы, будет нерюнгринский уголь. Из нескольких месторождений Южно-Якутского бассейна разрабатывается пока только одно — Нерюнгринское. На окраине города Нерюнгри действует небольшой разрез, который мог бы увеличить добычу как минимум вдвое, но во всей округе нет потребителей угля. Стоит в разрезе экскаватор и подолгу ждет, когда подкатит под погрузку очередной автомобиль. Единственный крупный потребитель топлива — Чульманская ГРЭС. Правда, рядом с ней строится новая электростанция, но ведь только строится. Сейчас весь юг Якутии — сплошная стройка.

В 1974 году заложили в Нерюнгри новый разрез, который будет добывать 13 миллионов тонн угля в год. То есть он по мощности почти вдвое превзойдет нашу кузбасскую шахту-гигант — «Распадскую». Зачем же добывать столько коксующегося угля, если нет для него применения? Тем более, что он содержит в себе до 95 процентов витринита — вещества, способствующего спеканию угля. А это значит, что такой уголь может вбирать в себя при составлении шихты до 70 процентов тощих углей, и при этом вполне будет получаться кондиционный кокс.

Наверное, не сразу начнется строительство на юге Якутии металлургического завода, которому необходимо столько кокса, а расходовать такое «золото» на энергетические цели, по меньшей мере, неразумно.

В 1974 году наше правительство подписало

соглашение на поставку южноякутского угля Японии. На основании этого договора СССР получил от страны восходящего солнца кредит — 450 миллионов долларов, и на эти деньги закупил у нее технику для строительства железной дороги и соответствующих предприятий. Отличную, надо сказать, технику. Гусеничные экскаваторы и подъемные краны на автомобильных шасси фирмы «Като», могучие бульдозеры с рыхлителями и с двигателями мощностью до 450 лошадиных сил фирмы «Комацу». Все эти механизмы хорошо работают на коммунизм.

Мы смотрели технический паспорт подъемного крана с телескопически выдвигающейся стрелой. Любопытный документ. Фирма считает своим долгом не только объяснить потребителю производственные возможности крана, принцип действия отдельных его узлов, но и рассказать, в каких условиях сваривались конструкции, детали, вплоть до указания марки электродов, напряжения, силы тока и длительности экспозиции рентгенограмм швов. Поименно названы все сварщики, участвовавшие в строительстве крана, и даны их фотографии вместе с профессиональными картами. Думается, это неплохой стимул для повышения качества работ.

Но вернемся в Нерюнгри — новый город Якутской АССР. Его рождение стало огромным событием для республики. За короткое время население здесь выросло с 11 до 52 тысяч человек. Рядом со старым поселком строится новый временный город. Вдоль его не длинных и не очень широких улиц встают деревянные двухэтажные дома. В городе бесчисленное множество проблем. Нужно создавать промышленные предприятия, инфраструктуру, принимать прибывающий со всех концов страны рабочий класс. Одна из основных бед Якутии заключается в том, что она не располагает собственными людскими ресурсами. Нет на ее территории таких деревень, из которых можно приглашать людей на промышленные предприятия. Да и учить некому тех немногих, которые приезжают из оленеводческих колхозов. Рабочий класс Якутии до сих пор был занят в основном в золотодобывающей промышленности. А сей-

Бригадир комсомольско-молодежной бригады монтажников Н. Ф. Екимов.

час потребовались специалисты самых различных профессий. Нужны железнодорожники, строители, взрывники, механизаторы, врачи, горняки... А принять их некуда, нет жилья.

Завязывается гордиев узел сложнейших экономических, социальных и других проблем.

Сам факт превращения почти безжизненной морозной пустыни в мощный индустриальный

Члены комсомольско-молодежной бригады Н. Ф. Екимова (слева направо): Ю. Кузнецов, В. Маторин, В. Новиков, О. Пухалов (секретарь комитета комсомола ССМП «Кузбасс»), В. Плыкин, Г. Амабян

край привлек к Южной Якутии огромное внимание советских и зарубежных ученых, социологов, журналистов. В тот день, когда шофер УАЗика Василий Иванович Красилов привез нас в город, секретарь Нерюнгринского горкома КПСС Валентин Иванович Ситников устроил пресс-конференцию для большой группы работников печати, радио и телевидения социалистических стран.

Город строится. Здесь будут действовать углеобогащительная фабрика производственной мощностью 9 миллионов тонн угля в год, Нерюнгринская ГРЭС, предприятия строительной индустрии, механические мастерские, автопредприятия.

Основное богатство города — Нерюнгринское угольное месторождение. Пока разведан только один пласт — «Мощный». В нем полмиллиарда тонн угля. И вот мы в разрезе. Перед нами высокая угольная стена, которая блестит так, словно ее полили маслом. Это витринит, только он дает такой удивительный блеск.

Рассказывают, когда японские специалисты, прибывшие сюда для обучения наших рабочих обращению с их техникой, увидели такое богатство, один из потомков самураев упал перед угольным пластом на колени и стал на него молиться. Страна восходящего солнца, по выражению самих японцев, — пирог, в который бог забыл положить начинку — у Японии почти нет полезных ископаемых.

Наши коллеги из социалистических стран тоже не могли отказать себе в удовольствии побывать на действующем и строящемся разрезах.

Мы стояли вместе с ним на борту строящегося разреза. Там, внизу, на тридцатиметровой глубине ярко-желтый «Ижорец» в три ковша с горой загружал породой двадцатипяти-тонные кузова БелАЗов. Дул порывистый влажный ветер, низкие свинцовые гучи лохматились над вершинами залесенных гор. Высокий, белокурый начальник разрезостроительного управления № 4, совсем недавно работавший главным инженером Кузбасского разреза «Бачатский», Юрий Александрович Захаров, соединив руки лодочкой, терпеливо и популярно объяснял журналистам из ГДР и ПНР:

— Вот так залегают пласты. Вскрыши относительно немного от 1 до 315 метров, а мощность Мощного — от 3 до 66 метров.

Журналисты тщательно записывают каждое слово Захарова.

Но вот он закончил интервью, и мы на правах земляков сидим в его кабинете, говорим о различии Южно-Якутского и Кузнецкого бассейнов. Оказывается, Нерюнгринский разрез очень похож на наши междуреченские, только здесь все осложнено вечной мерзлотой.

Мы спросили Захарова, много ли земляков работает с ним?

— Запишите, — ответил Юрий Александрович, — экскаваторчики, буровики, работающие у нас, в основном, приехали из объединения «Кемеровоуголь». Честь земли Кузнецкой они не срамят. Особенно хотел бы выделить экскаваторщика комсомольца Керимжана Бекешева.

Дверь неожиданно открылась, вошли два парня:

— Мы к вам на работу.

Кто такие, откуда — ничего непонятно: ни направления, ни даже прописки нерюнгринской: только что прилетели и, как говорится, с кобеля на бал. Подавай им работу.

— Поймите, ребята, — тихо сказал Захаров, — нужны нам рабочие, а вот жилья нет. Даже койку в общежитии воткнуть некуда. Куда же мне вас взять?

Но парней обрадовала первая часть ответа. Они ушли, не уронив головы. Хотелось верить, что они найдут, где примостить свои «койки», и Захаров примет их на работу.

А мы продолжили разговор. Ю. А. Захаров сообщил, что в конкурсе на лучший проект освоения Южно-Якутского бассейна победил «Сибгипрошахт». Сейчас 22 института страны занимаются проектированием горноугольных предприятий в этом районе. Запасы позволяют добывать здесь до 42 миллионов тонн угля в год. Заметим для сравнения, что такая большая страна, как Канада, в 1971 году добыла 17,6 миллиона тонн угля...

Срок командировки подошел к концу. Самолет взмыл над Чульманом. Внизу извивалась река. От ее берегов расходилось на запад и на восток листовое редколесье, увалы, хол-

Мы — монотонный пейзаж. На многие десятки километров ни одного населенного пункта.

Скоро оживет этот край. Уже создаются Центрально-Алданский, Таежнинский и Чульманский территориально-производственные комплексы. Малый БАМ — это трасса их жизни, это — солнце Якутии, которое озарит ее новым светом, наполнит новым содержанием. Пройдет совсем немного времени, и по Малому БАМу помчатся поезда, груженные южно-якутским углем. Войдут в строй новые рудники, заводы, фабрики. Ради этого и живут здесь современные землепроходцы, отчаянные романтики...

Через шесть часов после взлета в Чульмане наш самолет приземлился в Иркутске. Времени до следующего полета оставалось много, и мы решили побывать в городе на Ангаре. Наверное, этот факт не заслуживал бы внимания читателей, если бы...

Мы шли по одной из центральных улиц Иркутска мимо витрин книжных, промтоварных

и продовольственных магазинов. И вдруг в одной из таких витрин блеснула фиолетовая ваза. Это же чаронт! Да, перед нами стояла большая цветочная ваза, сделанная в Иркутске из того самого чудесного чаронта, образец которого мы видели в кабинете Сaimы Сафиевны Каримовой. Мы уже знали, что якутское месторождение чаронта — единственное в мире. Было очень приятно видеть готовое изделие из него.

Позднее главный геолог Чаро-Токкинской экспедиции Якутского геологического управления Михаил Петрович Тараймович рассказал, что иркутские камнерезы сделали из чаронта коньячный набор: 12 рюмочек и небольшой поднос. Этот набор недолго радовал посетителей выставки: приехал из США какой-то толстосум-турист и выложил за него наличными шесть тысяч долларов. В таких случаях говорят, пусть у него рука окажется легкой. Может быть, скоро и чаронт станет всемирно известным минералом...

Чульман — Беркакит — Нерюнгри — Новокузнецк.

Человек и природа

Любовь Никонова

Летние картинки

Жаль расставаться с летом. Все живое, что пробуждается весной, пошатываясь от слабости и испытывая головокружение, летом обретает свою наивысшую силу.

Козьявки, которых весной буквально качало ветром, шустро бегают по своим делам; вокруг цветов вращаются бабочки с изощренным рисунком на крыльях; из-за каждого стебля готов выскочить кузнечик сорви-голова.

Солнце выпекает прямо среди листьев красные ягоды.

Вечером за ограду тяжело проходит черно-бурая корова. На белую пену в пойнике садится залетный комар.

А ночью по горячему небу проносятся раскаленные падучие звезды и искусственные тела.

Но уже в начале августа, ночуя на огороде в шалаше, предчувствуешь, что близка осень: уж очень сухо шелестит ветла, много падучих звезд, отчетливо и одиноко погромыхивает пугало консервными банками, прикрученными проволокой к рукаву.

Жаль расставаться с летом: слишком много жизни прячется, исчезает и заканчивается вместе с ним.

И, стремясь запечатлеть хоть что-то на память о лете, мы щелкаем фотоаппаратом, составляем гербарии и рисуем картинки.

СТРЕКОЗА

Она сидит на поплавке рыболова, склонив головку, спрятанную в миниатюрный шлем со светочувствительной аппаратурой. Радужно переливаются ее аэропланные крылья, крепящиеся на теле, замкнутом в блестящий узкий скафандр.

Ее большой металлический братец, созданный людьми не без ее подсказки, спускает сейчас трап над каким-то захолюстем.

Подумаешь! — стрекоза срывается с полав-

ка с видом капризной натурщицы, сознающей свое непревзойденное совершенство.

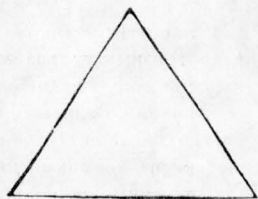
ЛЕСНОЙ ПАУК

У него тонкая талия, несколько пар выразительных глаз, модная рубашка, на которой то ли изображены загадочные пирамидки, то ли написано по латыни из Овидия: «Video meliore proboque...» Вижу и одобряю хорошее...

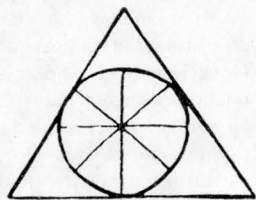
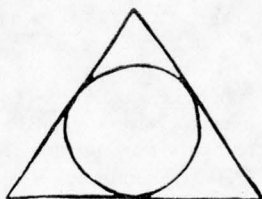
Но наш паук не тщеславен — и красивую рубашку он охотно променял бы на две-три

дополнительные бородавки — на два-три сопоставительных тубика с жидкой паутиной.

Экономно расходуя то, что у него есть, он строит меж веток тальника главный каркас из толстых нитей:

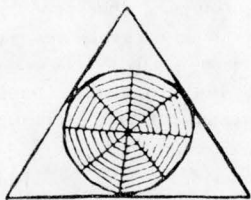
Затем в этот треугольник вставляет окружность и иссекает ее радиусами.

Грубые нити натянуты.

Теперь пора выполнять ювелирную работу — устанавливать спиральные нити, покрытые клеем.

Но паук не спешит. У него перекур. Он посасывает вчерашнюю комариную ножку, припрятанную в старой паутине. Меж радиальных нитей вызывающе полетывают мошки. Они лопаются со смеху, потешаясь над грозной бездействующей установкой.

Ну что ж. Паук кончает с ножкой и проводит серебряные спирали.

Несколько маленьких насмешниц прилипают к сетям.

Спустя какое-то время на паутинке в виде

крохотных сморщенных мешочков висят пустые оболочки насекомых, облепленные разными ворсинками и пушком отцветших одуванчиков.

Паук дремлет в центре сети, фиксируя щупальцами сквозь сон колебание нитей. А не проверить ли сеть еще раз, думает паук, что-то потяжелел шестой сектор; кажется, там зудит муха...

Но сытая дрема так сладка! Как глупы длинноногие сенокосцы, — рассуждает паук, засыпая, — они не ткут паутины, предпочитают дикую охоту... А эти доходяги с пузырьром на спине! Они селятся в человеческих жилищах!

На его рубашке выразительно вырисовывается латинская надпись.

БАБОЧКИ

По чешуекрылым я не специалист. Ну, вот эту белую бабочку я, допустим, знаю — это общеизвестная капустница. Насчет желтой догадываюсь, что лимонница.

А кто же эта, с мягкими крылышками, оранжевая, выпачканная в пыльце?

Вот струятся с небес маленькие благородные бабочки цвета старых икон.

На куске можжевельника отдыхает коричневая бабочка-педантка с черным глазком на крыльях. Крылья она держит строго в стоячем положении, придерживаясь правил.

Но в воздух, полный веселого шума, чехарды и беззаботного порхания, врывается на уродливом полете чужак-подранок с пятнистыми крыльями и красным брюшком.

Споткнувшись о воздух, он падает на ежевичный лист, и его великолепные белые усы, все еще обоняющие на расстоянии пяти километров сбежавшую подружку, вяло обвисают. На голове мертво красуется кроваво-бархатная накладка в форме сердечка. Никто ничего толком не знает о погибшем пришельце. Но нам известно, что большинство трагедий в мире — от любви.

ЯЙЦО

Низенькая грязно-белая курица с хохольчиком, отстояв длинную очередь, умасливается, наконец, в гнезде, намереваясь снести яйцо.

Гнездо наполнено теплыми яйцами, в нем уютно.

Под соломенной кровлей возятся и пищат воробышки. Ласточки, как черные маги, таинственно трепещут у своих странных гнезд, вылепленных из глины и грязи.

Ярусом ниже, на насесте, обросшем белым, как извесь, сухим пометом, молодки и петушки-подростки громогласно занимают места.

С появлением пожилых кур на насесте становится тише.

Низенькая курица, снесши яйцо, разнеживается и не на шутку решает сделаться наседкой. По этой причине она остается ночевать в гнезде. Скоро хозяйка закроет калитку и наступит ночь.

А пока еще светло, и при этом свете все видят, как безалаберная Синявка, несущаяся где попало, прямо с перекладины выпускает из себя яйцо, которое и разбивается с треском об пол.

Синявка первая снимается с насеста и обрушивается на яйцо, спеша заглотить всю скорлупу и жидкость, пока не подоспели другие куры.

Хлопанье крыльев наполняет двор. А низенькая курица с хохольчиком еще нежнее согревает в гнезде яйца, будто стремится уберечь их от злой участи. Они не растекутся по земле, их не растащат глупые куры. Никто не положит их в кастрюлю с кипятком, никто не увидит, как из них через пористую скорлупу мелкими легкими пузырьками вытекает последнее дыхание несостоявшейся жизни. Ничего этого не будет, если низенькая курица с хохольчиком заботится о них. И она обрекает себя на 20-дневный пост. К концу срока из яиц должны выйти совершенно готовые маленькие птенцы, покрытые пухом, зрячие и уже склонные добывать пищу. Это похоже на чудо. Древние скифы связывали с яичным желтком тайну жизни и смерти, а герои русских сказок выворачивали с корнями дубы и отмыкали кованные сундуки в поисках яйца, содержащего мудреную кащееву смерть. Даже наш современник — рационалист, искушенный во многих чудесах, вынужден признать: да, в этом что-то есть.

А маленькая блохастая курица, независимо от легенд, слухов и гипотез, отказывая себе в еде и питье, почти без передышки оживляет

прозрачные белые пятнышки, спрятанные в желтках под известковой скорлупой, под двойной пленкой, под слоем белка.

И, наконец, новая жизнь в облике влажных цыплят взрывает все эти сферы и выходит в большой мир, где и завтракает с аппетитом кузнечиками, политыми росой.

Чудо сделано. О чем там вели речь древние скифы, незапамятных времен сказочники и современные рационалисты?

ЖАБЫ

Всему свое время.

В сумерках, когда большинство здравомыслящих существ удирает в надежные укрытия, на охоту выходят ночные твари.

Из трещины в земле вылезает одутловатая жаба с дряблым обвисшим брюхом. Она мрачновата и молчалива, как и полагается человеку из подполья. За ней, похожая на чертенка, высовывается из преисподней маленькая жабка. Пока вредная жабка неизвестно кому строит рожицы и развлекается, взрослая голодная жаба выбрасывает язык вперед и захватывает им снулого мотылька. После нескольких удачных заглоток она оглядывается на игривую жабку. У маленькой жабки бородавки не так велики и вонючи, и кожа на глотке не так надувается. Но, несмотря на хорошенькую внешность, она, как и старая жаба, выходит на прогулку и на охоту, в основном, только вечером и ночью. Потому что она жаба. Так устроено природой: все светлое, красивое и счастливое живет днем; все темное, безобразное и несчастное живет ночью.

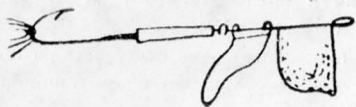
Впрочем, в ходе эволюции и прогресса и с развитием интеллекта некоторые виды, модернизируясь, приспособились к жизни по обоим сторонам суток, чем сильно завуалировали свою судьбу.

Так что жабы — наиболее робкие, исполнительные и, увы, отсталые жители земли.

РЫБА

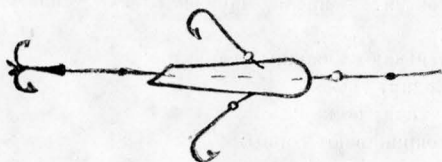
Рыба идет на ваш крючок, хотя... Думаете, рыба не знает, что это такое?

Любой окунь вам скажет, что это — «оку-

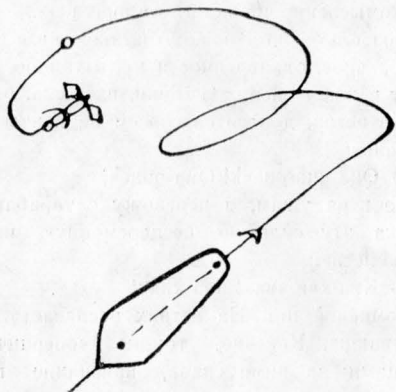
невка», коварная блесна, которая вращается во время погружения в воду.

Судак берет на кивача, хотя прекрасно видит, что эта движущаяся палка о четырех

крючках грубо имитирует какую-то неестественную несъедобную рыбку, которую, встретившись она ему живьем, он не взял бы в рот.

Красноперка по всплеску опознает вашу нахлыстовую снасточку-верховку и, умная и

опытная, все-таки заглатывает никудышнюю насадку.

А сколько приятных минут проводите вы за ужением рыбы обыкновенной поплавочной удочкой, заряженной банальным дождевым червем!

Но было бы наивно думать, что успех зависит только от мастерства, от упитанности червей или (бывает и такое!) от заговоров и заклинаний.

Вспомните, как ловят рыбу дети. Они берут

толстую палку и привязывают к ней веревочной толщины жилу с ржавым крюком, которым можно зацепить крокодила. И, вопреки здравому смыслу, они всегда в выигрыше! Что им помогает? Вероятно, страстная любовь к реке и рыбе. Эта страсть, слегка остывшая с годами, слегка приглушенная цивилизацией, есть и в вас.

Вы томитесь в кустах нестерпимым ожиданием. Вы не знаете, откуда в вас это. Может быть, это донес до вас допотопный ветерок с берегов реки, которой уже 10 тысяч лет как нет на свете. Неслыханные бесчисленные рыбы плавают в той реке, и первобытный охотник достает их из воды прямо копьём.

А возможно, ваша страсть идет не от прошлого, а от будущего, оттуда, где, может, совсем не окажется рыб, где человек, пораженный тоской по рыбе, чудом разведет невидаль, смахивающую на нашего пескаря.

Так или иначе, по незримым протокам природа перекачала в вас непобедимое чувство к реке, к чешуйчатым существам обтекаемой формы с плавательным пузырем внутри.

В дни усталости или печали ищите вы утешения на реке и ждете свою рыбу — плотвичку, леща или дремучую щуку.

Ваша рыба обязательно найдет вас. Если вы любите ее, если не замышляете нечистой игры и предательства и не рассчитываете на выгоду, она придет. Она поднимется из глубин, вынырнет из облака, отраженного в воде, выберется из песка, под которым лежала десятки лет. Она съест вашу насадку, поведет поплавок и доставит вам радость.

Она пожертвует собой, как и предписано законом любви.

Но если вы нарушите закон и начнете убивать все подряд сетью и бреднем, взрывчаткой и ядом, ваша рыба не придет никогда.

Там, где насилие, уничтожение, гонение и жестокость, ваша рыба не появится никогда. Никогда.

ЛЯГУШОНОК

Болотистая оконечность бережка кишит живностью. Здесь, на границе реки и земли, в бурой воде промеж ржавых кочек и желто-зеленых камышей видишь неподвижных беззубок

с выставленной из-под раковины мягкой белой ногой; видишь рачка, впившегося в мертвую вспухшую рыбку; здесь же шевелятся крошечные рыжие червячки, водоросли, корешки, жгутики, шишечки, чашечки, волокна, пупырышки; прыгают дафнии; плавают черные разбухшие палки обвитые бахромой зеленых микроорганизмов.

И вдруг взгляд наталкивается на неподвижные, выпученные из тины глаза, нахлобученные бугорками век.

Я помещиваю в тине хвостиком — и из тины выпрыгивают солидные лягушки, умудренные жизнью, и малыши-лягушата, совсем недавно возникшие из головастиков.

Один лягушонок шлепается на круглый лист кувшинки. Он сидит на листе в очаровательном ничегонеделанье и, вылизав глазки, обсыхает. У него все в порядке, все в соответствии с температурой, влажностью и цветом болотца. Он счастливо прогревает на солнце свою экзотичную шкурку с изумрудными разводами.

Поодаль, зайдя по колено в застойную речку, пьет корова. Там, где она пьет, образуется воронка, в которую втягиваются микроскопические креветки, мальки, икринки, водяные пауки, яйца червей-паразитов, пузырчатые организмы, овальные тельца с хвостиками, белые реснитчатые планарии, цисты, инфузории...

Ежесекундно здесь кто-то гибнет, кто-то обретает жизнь, кто-то превращается из одного в другое, а из другого — в третье.

Прислушиваясь к тайному шуму движения и борьбы и разбираясь в нем, как профессор, расписной лягушонок впитывает солнечную благодать, отведенную светилом и на этот лягушатник, на эту мизерную часть мощного слоя жизни, которым покрыта планета.

ГОЛОСА

Летний знойный воздух пронизан музыкой. Я слушаю ее в тени от шалаша. Кругом полевое пространство, обрамленное заволжскими пересыхающими речушками и ветлами и ивами по берегам. На горке голубеет смешанный лесок.

Музыка в воздухе состоит из музыки кузнечиков и музыки птиц.

Кузнечики целый день выдувают из поврежденных зноем, ссохшихся дудок однообразный силпый мотив.

Музыка птиц сложнее:

булькают, бурлят, гомонят, всхлипывают голынки;

трещат трещотки;

скрипят и попискивают сурдинки;

свистят свирели, подсвистывают свистульки;

тенькают клапаны кларнетов;

хрипят трубы;

журчат рожки;

вскрикивают горны;

пиликают губные гармошки;

тренькают и потуныкивают струнные;

тархтят бубны;

щелкают кастаньеты...

Если хорошо настроиться, можно послушать оперу. Вот после бурной увертюры следует мрачная, глубокая ария Ворона... в ответ легкомысленно чирикает хор пичужек...

Позвольте, но что же это такое, ни с чем не сообразное, отъявленное и неслыханное, встречается в нашу оперу? С горки, из леска, откуда-то из веток, доносится совсем не птичье, иноязычное:

— Qua-qua-quack! Qua-quack!

Не веря ушам, я перевожу с тарабарского языка эту сильную, бесцеремонную, варварскую песню:

— Ква-ква-квак! ква-квак!

Сомнений нет. На ветвях распевает лягушка-квакша. Конечно, трудно соперничать с птицами: за ними слава, признание и все такое.

Но в слишком вознесшуюся гармонию кто-то ведь должен ввести необходимую сермяжную ноту.

ЖУРАВЛЬ

Старый скрипучий журавль одиноко стоит на солнцепеке, удерживая в клюве ржавую цепь, на которой тихонько поворачивается пустое ржавое ведро.

От этого пустынного пригорка с журавлем веет тоской и сиротливостью. С тех пор, как

в селе провели водопровод, люди берут воду в колонках. Колодцы обвалились. Журавли погибли.

Один журавль еще жив. Но каково одному? День и ночь он то сдавленно, то надрывно стонет от горя.

Ну, достань мне водицы, журавлик. Он наклоняет шею, опускает в колодец ведро, набирает воды и вытягивает ведро из темной холодной глубины. Воду пить нельзя: она тухловата, потому что давно не отчерпывалась. Колодец без крышки. В него летает дождевая вода, летит пыль, листва, птичий пух, падают насекомые... Предприимчивые пауки затягивают паутиной углы сруба, а ниже по сруб сидят бледные немочные грибы, ютятся сизая плесень и выступают твердые копыта грибов-трутовиков. Еще ниже сруб подъедает ядовитая гниль.

Бедный журка! Ты ничего не можешь поделать. Ты угощаешь тем, что есть. Ты верно служишь этой воде и будешь служить до конца.

Птицы-журавли занесены в красную книгу природы. Старый добрый колодезный журавль исчезнет проще.

Для большинства людей он всего лишь неодушевленная часть деревенского пейзажа.

Но разве его последний протяжный крик не отразится в воде хотя бы одним-единственным хлипнувшим пузырьком? Разве не отзовется на этот крик стесненным вздохом хотя бы один-единственный человек?

ОГУРЕЦ

К началу августа, когда все в степи шелушится, обмолачивается и осыпается, на огороде поспевают семенные огурцы.

Коричневая кожа семенного огурца иссечена множеством белых трещинок. Причудливые их изгибы и соединения напоминают географическую карту мира с обозначенными на ней линиями железных дорог.

По этим железным дорогам, проложенным между прыщиками, родинками, мурашками и оспинками, пробегают иногда, как паровозы, черные муравьи, влекущие продовольствие или порошки; катятся, как дрезины, оранжевые

блошки; у основания огурца, как отцепленные товарные вагоны в тупике, громоздятся тли.

Все это поверхности. Под всеми этими материками, населенными пунктами и железными дорогами прячется во влажной глубине еще более интенсивная жизнь: там, в водянистом ложе, в неимоверной тесноте, впритирочку друг к другу, сидят в ячейках, на особых креплениях, вызревающие семена. Их сотни.

Вырастая и наливаясь зрелостью, они распирают огурец изнутри, рвутся наружу: каждое семечко требует отдельного жилья, чтобы когда-нибудь дать росток, взрастить плеть, закрутить усы, расцвести и, наконец, произвести потомство.

Люди называют такие вещи двумя словами: жизнь идет.

ГРИБЫ

Занятны шляпочные грибы. Нахлобучив каски и шлемы, напялив колпаки, ермолки и чепцы, заломив береты, щеголяя флюоресцентными сомбреро, пестрыми тюбетейками и матовыми тюрбанами, собираются они толпами в лесах и в лугах, на удивление всему миру.

Под нежной кокетливой панамкой скрывается порой ядовитейшее существо — и, напротив, невзрачный грибец в засаленной хепчонке оказывается сущим добряком.

Но бывают и соответствия формы и содержания. Все бывает. Есть где развернуться грибнику. Ведомый нечистой силой, часами кружит он по «ведьминим кольцам» луговых опят-негниючников или простодушно засматривается на бурый дымящийся «чертов табак», которым исходят лопнувшие порховки.

А что творится с грибником в лесу! Вся лесная подстилка прошнурована шафранно-желтой грибницей. Обыкновенные трутовики способны свести с ума: на слезящихся стволах берез, и под сумеречной хвоей, и на осинках, обьятых дрожью, и на осыпающихся пнях, и на замшелых колодцах гнездятся винно-красные грибы в форме бокальчиков; оранжевые, с черной каймой, бархатные грибы, похожие на крылья бабочек;

грибы в виде кремовых пуговиц;

грибы, копирующие заварные трубки пирожных;
розовые грибы, скатанные в свертки, как ткань;

грибы-пергаменты;

грибы-блинчики;

грибы-дробинки...

Есть на что зазеваться. Шагу не ступишь, чтобы не подивиться. Как, например, затесался в изысканное общество блистательных мухоморов и неизвестных грибов, синих, как васильки, такой неряшливый, такой патлатый навозник?

Лапочка-масленок, слюнявый кулема, терпит кое-какие неудобства от налипшей на шляпу травки. Если травинки отодрать, на шляпе этого бэби останутся следы карликовых птичек.

Грибы подберезовики, не признающие никакой другой жизни, кроме жизни под березой, безукоризненно культурны, как все, кто придерживается правильного образа жизни.

Белянки, видимо, только что умылись: на их краях, подернутых пушком, все еще держатся отдельные росинки.

Черно-лиловые, черно-оливковые экстрагантные сыроежки, приподымая головкой булгурки земли, высовываются из подземных люков.

Яично-желтая лисичка с вильчатыми складками на раструбе настолько лукава, что, кажется, вот-вот обернется настоящей лисой.

Ее сестричка-лисичка серая гораздо более темна душой, и никто не может знать, что выводит из земли на поверхность эта пепельная полая трубка. Потому и называют ее разные люди по-разному: кто трубкой смерти, кто рогом изобилия.

Удивляясь, смеясь и плача, пробирается грибник через лес и выходит, наконец на асфальтированное шоссе.

И тут его ждет то, с чем по силе воздействия на человеческую душу не сравнится ни одна грибная тайна, ни одно луговое чудо, ни одно лесное диво.

Попирая взломанный асфальт, обреченные на гибель под колесами автомобилей, на шоссе плечом к плечу стоят независимые, отчаянные, могучие и беззащитные шампиньоны.

Чего добиваются эти сильные и благородные грибы, подступая вплотную к городу, взламывая и приподымая асфальтовые покрытия дорог и тротуаров?

Чего добиваются они внутри города и около, превращаясь в чумазых беспризорников, обитающих на летних площадках в детских садах, на территории заводов, в городских парках, под окнами ресторанов, кафетериев и домашних кухонь?

Может быть, это всего лишь игра слепых сил природы, или ее шутки с жизнью, или испытание, спор на жизнеспособность.

Но, может быть, на свой страх и риск, на свой вкус и на свой лад передовые отряды шампиньонов пытаются облегчить взаимопереход природы и машинной цивилизации, установить контакты...

Как и следует поступать самым сильным, самым отважным и самым одаренным в своем роде существам, они идут в неизвестность первыми и бестрепетно жертвуют собой для будущего.

ФАНТАЗИИ

В полутемной избе дымит печь, разучившаяся за лето держать огонь под сводом и направлять дым в дымоход.

Дубовые дрова в печи превращаются в золу, и подовое тепло и — косвенно — в румяные хлебы.

В избе, через щель между прикрытыми ставнями, бьет луч солнца с востока и в полумраке окрашивает в золотистый цвет полосу пыли и движущегося дыма. Как в химической пробирке с реактивами, в этой полосе идут процессы изменения, поглощения, всасывания, становления вещества.

Пряди, волокна, завитушки косматой материи закручиваются в клубки и спирали, в одних местах корчатся и расслаиваются, в других — смыкаются, спаиваются, сливаются друг с другом. В этой вселенной есть свои Бермудские треугольники, свои млечные пути и темные туманности. Светящиеся пылинки, как космические корабли, проблескивают в клубящемся пространстве.

Это фантазия сгорающих дубов. В синем небе причудливо переплетаются фантазмаго-

рии, сновидения, грезы и миражи: устраивают-ся спектакли, иллюзионы, ярмарки, карнавалы, балаганчики, маскарады и мистификации; по очереди проступают из синевы фата-морганависячие сады Семирамиды, белокаменные палаты тридцатого царства, сад Гесперид с золотыми яблоками, хрустальные и стеклянные горы...

Это фантазии воды, испаряющейся с земли.

А в лесах, садах, на огородах нам встречаются потешные, гротескные, эксцентричные фигуры. С примусом подмышкой, с вязанкой хвороста на загорбке невесть куда поспешает Баба-Яга.

Изгибающийся Дракон усердно жалит себя в хвост.

Пляшет Коза-артистка, обвешенная ложками и колокольчиками, а за ее спиной кривляется угловатый Шишига в колпаке.

Через заросли продирается Медведь-с-поводырем.

В чертоге из разноцветных листьев распоряжается Государыня Рыбка. Усатый Кот-с-сабелькой на манер бравого гусара ухаживает за прелестной русалочкой.

Все это пни, коряги, вывороченные корни, засохшие деревья, преображенные в нечто живое фантазией земли.

Фантазии огня, воды и земли питают человеческую фантазию.

И она должна быть чиста, как огонь, светла, как вода, и неистощима, как земля.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВКА

Я остановилась на крыльце, поставив чемодан на ступеньку. Скоро, скоро побежит из села голубая дыньдинька, обгоняя бойлеры с

молоком, колонны комбайнов и грузовики с высокими кузовами, в которых, нагибая головы, вращают затуманенными глазами и мычат быки-полуторники.

У меня еще есть несколько минут, оставшихся от лета.

От лета осталась вишневая косточка, закатившаяся в щель между половицами на крыльце.

Под кустом репейника осталась банка-червячница.

Ветер носит по свету перышки улетевших птиц.

Людам лето оставило банки с вареньем, кадушки с солеными арбузами, хмель в дрожжах, свежий хлеб, нанизанные на ниточки грибы, клубничные листья в стогах сена...

Натуралисты будут рассматривать под микроскопом оставшиеся от лета озерный ил с осколками рачков, с частичками инфузорий, коловраток, водорослей, пыльцы.

Магнитные ленты воскресят для нас в тусклые осенние вечера шум летнего ливня и разные оттенки его звучания по толевому крышам, по тесу, шиферу и жести.

На фотографиях мохрятся белые флажки бабочек в синеве воздуха и старая яблоня с наливными яблоками на прогибающихся ветвях.

Потом будет новое лето. И вырастут новые листья. Вылупятся другие птенцы. На стволах деревьев и на чешуе рыб обозначится новое годовое кольцо.

И люди, постаревшие на год, опять будут охотиться с фотоаппаратом, составлять гербарии и рисовать картинки.

г. Новокузнецк

Муза Гладкова

Агония женственности

Автор статьи — врач-психиатр — размышляет о тех последствиях, к которым приводит женщину пристрастие к алкоголю.

Приходилось ли вам когда-нибудь видеть женщину, страдающую алкоголизмом? Если доводилось — облик ее наверняка вы запомнили надолго. Неряшливая одежда. Растрепанная прическа. Щуплое исхудавшее тело. Согбенная фигура. Лицо землисто-серое, одутловатое, в морщинах; под глазами болезненные мешки. Трясущиеся руки. Движения угловаты, резки. Осипший лающий голос...

Подтачивая, словно червь, здоровье, спиртные напитки уносят и все то, что мы называем женственностью. Алкоголичка — женщина без возраста. Но не в лучшем смысле. Трудно угадать, сколько ей лет. Однако в любом случае окажется, что ее фактический возраст на десяток лет ниже того, который предположительно можно дать ей по внешнему виду. Алкоголь приводит к преждевременной старости.

К сожалению, статистика женского пьянства и алкоголизма в последнюю четверть века значительно возросла. Особенно в так называемых развитых странах. Можно даже сказать, что рост алкоголизма во всем мире идет в первую очередь за счет увеличения злоупотреблений спиртными напитками в некоторых демографических группах. За счет юношества. За счет женщин. Алкоголизм «молодеет» и «феминизируется».

Когда-то пьянство и алкоголизм встречались почти исключительно среди определенного контингента женщин. Алкоголичками нередко становились психически больные женщины, спиртными напитками злоупотребляли главным образом работницы, занятые в сфере обслуживания — официантки, горничные, продавцы. Пьянству и алкоголизму были подвержены

почти все проститутки. Но в наше время эта зависимость от рода занятий все более ослабевает.

Но надо откровенно признать, что все более уменьшается статистический разрыв между мужским и женским алкоголизмом. Если в прошлом веке считалось, что отношение числа пьющих женщин к числу пьяниц-мужчин составляет примерно 1:10, то сегодня это соотношение равно приблизительно 1:5,5 соответственно.

В разных странах этот показатель выражается разными цифрами. Так, например, в Японии где пьянство женщин особенно сурово осуждается общественным мнением, женщин-алкоголичек почти нет. Зато в Англии на двух мужчин-алкоголиков приходится одна злоупотребляющая спиртными напитками женщина. В США соотношение мужского и женского алкоголизма равно 6:1, в ФРГ — 10:1. А вот в некоторых северных департаментах Франции женский алкоголизм практически равен мужскому.

Появились женщины среди «клиентуры» вытрезвителей и в нашей стране. Не везде. Скажем, к примеру, что в Ереване даже мужских вытрезвителей нет. А в некоторых городах пришлось организовать и мужские, и женские. Во многих психиатрических больницах имеются, наряду с отделениями для лечения алкоголиков-мужчин, женские отделения того же профиля. Правда, в общем показатель женского пьянства и алкоголизма в Советском Союзе значительно ниже, чем в большинстве капиталистических стран. Так, в сельских местностях у нас на двадцать с лишним алкоголь-

ков приходится только одна женщина-алкоголичка. А в среднеазиатских республиках пьянство и алкоголизм среди женщин — явление еще более редкое, ибо на территории этих республик чрезмерное потребление вина вообще никогда не было традиционным.

Тем не менее, говорить о полном благополучии в этом отношении мы пока не можем. И, разрабатывая стратегию и тактику противоалкогольной борьбы, мы вынуждены считаться с фактом относительного роста женского алкоголизма в послевоенные годы.

В чем же причина этого роста? Скорее всего — в значительных изменениях условий и образа жизни женщины. Быть может, не будет преувеличением сказать, что рост женского пьянства и алкоголизма — нежелательное и прискорбное побочное явление эмансипации.

Женщина обрела гражданскую и экономическую самостоятельность. Она может получить образование наравне с мужчиной. В нашей стране женщин с высшим образованием даже больше, чем мужчин. Супруга зачастую имеет не меньший, чем муж, заработок, а нередко и больший. Ослабла ее моральная зависимость от мужчины. По законодательству в нашей стране женщина полностью уравнена с мужчиной в правовом отношении.

Жизнь многих представительниц прекрасного пола стала более насыщенной событиями, чем жизнь безмолвной и безликой рабыни собственного мужа в прошлом, а вместе с тем, и более напряженной. Возросла их ответственность перед обществом. Порой женщина волей-неволей бывает вынуждена принимать очень серьезные, ответственные решения, даже жертвовать судьбами многих людей. Естественно, увеличилась нагрузка на психику некоторых из наших матерей, сестер, жен, а одновременно неизбежно увеличилась и вероятность ситуаций, приводящих к нервному срыву вследствие острых коллизий, переутомления, отступлений от правильного режима жизни.

Не все мужчины верно понимают равноправие полов. Некоторые считают, что равноправие это касается только государственной деятельности, работы. К семье же, как думают такие мужчины, законы о равноправии неприменимы. В семье, дескать, по-прежнему главную роль должен играть мужчина, муж.

Да, пусть женщина остается «главой семьи», но в лучшем смысле этого понятия. В том смысле, что он должен брать на себя большую часть нагрузки, чем женщина. Ведь говоря о равенстве мужчин и женщин, не следует забывать о том, что женщина существенно отличается от мужчины и в строении организма, и по структуре личности. Крайне велика по сравнению с мужчиной биологическая нагрузка

женщины — вынашивание плода, роды, кормление младенца. Кроме того, на плечи женщины ложатся ежедневные хозяйственные заботы, да еще и работа на производстве или в учреждении.

Горожанка тратит на домашние хлопоты в среднем 39 часов в неделю, в то время как горожанин — всего лишь 19. Таким образом, выходит, что женщина порой «совмещает» две работы — исполнение служебных обязанностей в учреждении или на производстве и различные заботы по дому. Почему бы мужчине не взять на себя половину домашних дел?

Не прошли бесследно трудности военных лет, лишения послевоенной восстановительной поры. Сотни тысяч матерей потеряли на войне детей, сотни тысяч жен — мужей. Многим женщинам так и не удалось создать семью. А ведь женщина более ранима, психика ее отличается особой хрупкостью. И переживания «личного плана» резко отражаются на ее душевном равновесии.

Все это в совокупности и создает предпосылки к тому, что женщины стали несколько чаще прибегать к употреблению спиртных напитков, пытаются порой найти в них средство ослабления повседневного напряжения. Но еще чаще женщины приобщаются к рюмке под влиянием ширящихся алкогольных традиций.

Тут, возможно, играет роль и то, что часть мужчин, опять же неверно воспринимая факт уравнивания женщин в правах с мужчинами, стала утрачивать чувство поэтического преклонения перед женщиной, на смену чему пришло этакое панибратское отношение к представительницам слабого пола. А в результате — выпивки «на равных». Да и некоторые женщины, вероятно, в равенстве увидели не то, что следовало бы. Они иной раз и не ждут предложения мужчины выпить «по-приятельски». Наметилась дурная мода среди девушек бравировать курением, умением выпить «не меньше мужчины».

Кроме того, хотя женщина и в самом деле сегодня куда более независима от мужчин, чем когда бы то ни было, известное лидерство «сильного пола» в приобщении женщины к алкоголю играет бесспорную роль, как и прежде. Можно с уверенностью сказать, что в судьбе почти каждой алкоголички и сыграл роковую роль — прямо или косвенно — какой-то мужчина или какие-то мужчины.

Вот довольно характерная ситуация из романа Г. Николаевой «Битва в пути». Ситуация, отнюдь не исчерпывающая описания всех возможных тропинок, по которым женщина приходит к непомерному потреблению вина под влиянием мужчины.

«Эти люди любили друг друга. В давние

годы Ксения Захаровна, синеглазая, русоко-
сая воспитательница из детского сада, полю-
била красавца грузчика, которому прочили
будущность Шалапина.

— Если не вы, Симочка, значит, никто...
Если не вы, значит не жить.

Надеюсь, что любовь пересилит водку,
она пошла за него. Он клялся, боролся с со-
бой, бросал пить, и неделями они были тре-
вочно и жадно счастливы. Потом он срывал-
ся и, если она не давала вина, бил ее. Потом
снова тянулись дни клятв и дни трепетного,
ненадежного и наполненного горячими надеж-
дами счастья. Она убедилась, что совсем от-
лучить от вина его нельзя, и, надеясь посте-
пенно уменьшить бедствие, поставила услови-
ем, чтоб пил он только при ней и только с
ней. Ей удалось устроить его хористом в
оперный театр, и оба были счастливы музы-
кой, сценой, новой для них жизнью. Но он
снова запил. Его уволили. С горя он запил
сильнее прежнего. Семь лет она боролась, а
на восьмой, после того, как второй ребенок,
не родившись, погиб под его кулаками, она
запила сама...

Первыми обратили внимание на увеличение
случаев женского пьянства и алкоголизма,
естественно, врачи. Вопрос этот давно обсуж-
дается в специальных исследованиях психиат-
ров-наркологов. Но сейчас эта проблема
привлекла внимание и журналистов. Например,
в «Литературной газете» появился довольно
большой материал о женском алкоголизме,
подготовленный к печати Л. Кузнецовой («Ли-
тературная газета», № 13 от 31 марта 1976 г.).

Л. Кузнецова, побывав в женском алкоголь-
ном отделении одной из московских психиатри-
ческих больниц, провела любопытное микро-
обследование, предложив ряду лечившихся
там женщин написать, не ставя свою под-
пись, о причинах, которые привели их к
пьянству. Вот одно из полученных Л. Кузне-
цовой анонимных писем:

«Помню, что первым толчком к рюмке по-
служило сугубо личное переживание. В пер-
вые же дни совместной жизни (а замуж я
вышла не только по любви — я очень уважала
мужа, поклонялась его духовной силе, его
знаниям) муж стал внушать мне, что я непри-
лично, постыдно худа, «тощая говядина»,
«килька». Я, действительно, была кожа да
кости — не думайте, что, я это теперь свое те-
ло вином иссушила. Работала и училась, очень
хотелось одеться, нравиться, так что платья
покупались за счет тарелки с супом. Я проглотила
эту «говядину» и готова была бы все
забыть, если бы у мужа не оказалось по-
истине садистского упорства в напоминании
мне, что я не такая... Меня стала глотать
тоска, от которой я спасалась с помощью
рюмки, принимаемой поначалу по совету му-

жа, кстати, для поправки, для аппетита. Мужа
стала бояться. Он это чувствовал, но ему это
нравилось. Возникла затаенная жажда любви
без унижения. И надо же быть такому, что
любовь, ласку и человеческое признание я
получила от парня моложе меня на десять лет,
но, к горячайшему моему сожалению, уже без-
надежного алкоголика. К моменту встречи с
ним я не могла бы назвать себя хронической
больной. Но он быстро довел меня до «кон-
диции». Стала скатываться по служебной ли-
нии — от аппаратно-административного работ-
ника в сфере торговли до продавца, а за-
тем — уборщицы в магазине. Стала воро-
вать... Ходить за вином далеко не надо было:
работать в магазине — это иметь доступ к
спиртному, только руку протяни...»

Эта анонимная исповедь в какой-то мере
подтверждает роль мужчины-лидера в про-
цессе приобщения женщины к рюмке, значи-
ение доступности спиртных напитков в усло-
виях работы женщин некоторых профессий
(продавцы продуктовых магазинов, буфетчи-
цы, официантки), возможность начала алко-
голизации по причине повышенной хрупкости
и ранимости нервной системы женщины.

Однако не нужно забывать, что все эти об-
щие соображения имеют интерес и значи-
мость только с точки зрения выявления как-
их-то общих закономерностей, объясняющих
рост женского алкоголизма. В каждом же
конкретном случае, бесспорно, речь может
идти о неверных личностных установках, о
дефектах в воспитательной работе, об отсут-
ствии стимулов к самовоспитанию. Нет оправ-
дания пьянству — ни мужскому, ни женскому!

В самом деле. Найдутся сотни и тысячи при-
меров, когда на долю женщины выпадают
куда более значительные по силе неприятные
переживания, которые, несмотря ни на что,
не становятся причиной пьянства.

Если же снова обратиться к попытке ана-
лиза общих закономерностей, то все же при-
ходится отметить, что в группе алкоголиков
явно чаще, чем в группе пьяниц мужчин, мож-
но зафиксировать конфликты между родите-
лями, отсутствие одного из родителей или
круглое сиротство, холодное отношение ма-
тери к детям, пьянство отца, «детскую нерв-
ность», тяжелые заболевания в детские годы.

Так, московский психиатр И. Г. Ураков от-
мечает, что отсутствие обоих родителей и вос-
питание в детдоме констатировано у женщин
в 13 процентах случаев, а у мужчин — в 6
процентах случаев алкоголизма; отсутствие
матери — соответственно в 22 и 11 процентах,
холодность с ее стороны к детям — в 16 и 4
процентах случаев патологического пристра-
стия к спиртному.

В обследованной И. Г. Ураковым группе
женщин алкоголизму несколько чаще пред-

шествовали психические травмы (смерть близких, конфликты в семье, разводы), а в мужской группе четче прослеживается зависимость от влияния микросреды (компания, сослуживцы, соседи).

Первое знакомство пьющих женщин с алкоголем происходит позже, чем у мужчин. Лишь 8 процентов алкоголичек знали вкус вина в возрасте до 15 лет. Мужчины-алкоголики познакомились со спиртными напитками впервые до 15 лет в 26 процентах случаев.

Переход от случайных выпивок к систематическому пьянству также был более поздним в группе обследованных женщин (через 10,6 года, в то время как для группы мужчин этот показатель равнялся в среднем 7,4 года). Зато переход от систематического привычного пьянства к хроническому алкоголизму гораздо быстрее происходил у женщин. У них за более короткий срок наступает ярко выраженная деградация личности в результате массивной алкоголизации.

Правда, на первых порах женщины искусно скрывают от окружающих свое болезненное пристрастие к спиртным напиткам. При этом в женской группе реже встречается грубое асоциальное поведение, опьянение крайне редко сопровождается агрессивными поступками. Женщина дольше удерживается на своем постоянном профессиональном уровне, утрачивая прежнюю квалификацию лишь на стадии далеко зашедшего алкоголизма.

Но на поздних этапах хронического алкоголизма моральное и социальное снижение у алкоголичек выражено резче, чем у мужчин. Женщина на стадии развитого алкоголизма в рисунке своего поведения, в манере держаться во многом напоминает мужчину-алкоголика. Она становится «мужеподобной», полностью, как уже говорилось, утрачивает женственность.

Истероидный тип патологического развития личности под влиянием массивных алкогольных эксцессов нередко встречается и у мужчин-алкоголиков. Что же касается женщин, то алкоголичкам особенно часто присущи склонность к рисовке, стремление вызвать сочувствие, жалость, попытки паразитировать своей оригинальностью, лживостью. При истерической форме патологического развития личности алкоголички для женщины типичны театральность, позерство, апелляция к тому, чтобы окружающие «поняли» ее «сложные» переживания. Она склонна искать сочувствия у незнакомых людей, назойлива в попытках представить свое пьянство как следствие «чрезвычайных переживаний и происшествий», как результат «несложившейся жизни, тяжелой судьбы».

Истероидный компонент, отчетливо звучащий в личности алкоголичек и часто проявля-

ющийся в болезненной лживости, настолько бросается в глаза, что сразу же становится заметным даже человеку, не являющемуся психиатром. В упоминавшейся статье Л. Кузнецова рассказана о тех легендах и выдумках, которые стремятся рассказать женщины, страдающие алкоголизмом, чтобы «оправдать» свое пристрастие к хмельному. «Там были дети-двойняшки, прямо на глазах у матери попавшие под машину (потом выяснилось, что больная никогда не имела детей), там была старушка-мать, погибшая «под ножом бандита» (здравствующая старушка регулярно навещала больную алкоголизмом дочку), возлюбленный, незаслуженно в чем-то обвиненный и скончавшийся «от разрыва сердца прямо в кабинете следователя» (человек умер от белой горячки) — чего там только не было!» — пишет Л. Кузнецова.

Психиатры отмечают, что женщины почти никогда не пьют суррогатов алкогольных напитков (политуру, одеколон и т. п.). У них практически почти не встречается бред ревности, а другие алкогольные психозы диагностируют реже, чем у мужчин. Но все же и в клинике женского алкоголизма приходится наблюдать и белую горячку (алкогольный делирий), и алкогольный галлюциноз, и алкогольный параноид (бредовое состояние).

Вот краткая выписка из истории болезни женщины, поступившей в клинику алкогольных психозов.

Гражданка Н., 53 лет, продавец магазина «Овощи—фрукты», несколько лет тому назад овдовела. Потеряв мужа, которого очень любила, с которым прожила много лет, она «с горя запила». Всячески скрывала это от своей взрослой дочери, живущей отдельно. В течение нескольких месяцев ежедневно выпивала «по четвертинке» водки. В психиатрическую больницу поступила в резком двигательном возбуждении. Была суетлива. Куда-то стремилась бежать. Испытывала страх. Наутро после ночи, проведенной в больнице, рассказала врачу, что она «вот здесь» (показала при этом в коридор за открытой дверью палаты) «торговала морожеными яблоками». «Яблоки в мешках так смерзлись, что все руки себе попортила, отдирая яблоки друг от друга». «Устала, хотела пойти на обед, но одна старушка в очереди стала кричать, чтобы меня не отпускали». «Люди из очереди связали меня и стали сами взвешивать яблоки, оставляя деньги возле весов». Приблизительно такие картины мерещились больной в течение трех ночей.

Благодаря энергичным лечебным мероприятиям опытных психиатров, больная пошла на поправку. Выписана в хорошем состоянии. Полностью прекратила употребление спиртных напитков. Человек доброго сердца и высокого

чувства долга, она, выйдя спустя полтора года после поступления в больницу на пенсию, продолжала работать, «чтобы получше одевать и кормить внучат», как она сама говорила. Жизнь ее заполнилась заботами о внуках, и она больше никогда уже не возвращалась к алкоголю.

Но не всегда исход белой горячки так благополучен. Под влиянием устрашающих галлюцинаций больная может проявить агрессию к окружающим, выпрыгнуть, скрываясь от мнимых преследователей, в окно, на каком бы этаже ни находилась квартира. Нередко белая горячка приводит к тяжелым смертельным осложнениям, например, к отеку мозга.

Прогноз при женском алкоголизме менее благоприятен, чем при алкоголизме мужчин. Алкоголики гораздо хуже поддаются лечению.

Все это необходимо учитывать тем, кто занят противоалкогольной борьбой, в частности, антиалкогольной пропагандой, тем, кто причастен к воспитанию, организации досуга молодежи. Сократить до минимума условия, которые могли бы способствовать возникновению пьянства среди женщин — серьезная и неотложная задача.

Что касается женщин, которые уже стоят на скользкой стезе пьянства, то тут надо учитывать что добровольное обращение женщин к врачу-наркологу — явление чрезвычайно редкое. Поэтому мы, близкие, сослуживцы, знакомые, должны как можно раньше принять все меры к тому, чтобы женщина, подверженная пристрастию к спиртным напиткам, прошла курс противоалкогольного лечения.

Но не только хронический алкоголизм среди женщин должен нас волновать. Не говоря уже о том, что пьянство и алкоголизм всегда начинаются с одной-единственной рюмки, отметим, что для женщины во многих случаях абсолютно недопустимы и небольшие дозы алкоголя, даже если малые дозы принимаются несистематически.

Совершенно недопустим алкоголь в рационе беременной женщины при любом сроке беременности. Губительное влияние спиртных напитков на плод отмечено в клинике, подтверждено экспериментально, а также бытовыми наблюдениями.

Один американский фермер в пору «сухого закона» подпольно изготавливал самогон. Однажды, приобретя небольшой инкубатор он разместил его в сарае, где в подвальном помещении выгонял домашним способом спирт-сивуху. Заложил в инкубатор 160 яиц. Вывелось только 80 цыплят, из которых 40 вскоре же погибли, а 25 были уродцами: у одних отсутствовали коготки, у других клюв был деформирован, верхняя и нижняя половины его при смыкании расходились в виде

римской цифры V; у некоторых отмечалось раздвоение пальчиков.

В эксперименте морским свинкам давали в период беременности небольшие дозы спирта, подмешивая его в пищу. В результате из 88 детенышей погибли сразу же после родов 54, то есть более половины.

Английские врачи проанализировали результаты потребления вина у 386 беременных женщин. У 272 из них были выкидыши, преждевременные роды, а если дети рождались в срок, то либо были мертвыми, либо умирали на первом месяце жизни. Из оставшихся в живых 114 детей 61, т. е. более 53 процентов, попали в приюты для умственно отсталых и страдающих эпилепсией и другими психоневрологическими заболеваниями детей.

Французские психиатры, обследовавшие 201 ребенка матерей, злоупотреблявших алкоголем, получили аналогичные цифры: 138 из них умерли в раннем детстве, из оставшихся 63 детей 37 (более 58 процентов) страдали различными нервными и психическими заболеваниями.

Таковы сухие цифры, за которыми стоят тысячи житейских драм, свидетельствующих о токсическом влиянии на плод алкоголя, употребляемого беременной женщиной. Имеются указания ученых на действие спиртных напитков, губительное для половых клеток женщины, что таит угрозу здоровью будущего ребенка уже при зачатии.

Недопустимо также употребление спиртного кормилицей или кормящей матерью. К сожалению, и такие случаи не редкость. Одни женщины употребляют алкоголь в период кормления ребенка грудным молоком по легкомыслию, по безответственности, другие в связи с распространенным предрассудком, будто пиво и виноградные вина усиливают лактацию (выделение молока).

Во Франции, где женский алкоголизм, как уже отмечалось, встречается довольно часто и в некоторых департаментах почти уравнялся с мужским, а пьянство и случайное виноупотребление, видимо, не отстает от мужского пьянства, врачи давно уже ставят вопрос о предпочтительности искусственного вскармливания младенцев.

Казалось бы, нелепая постановка вопроса. Молоко матери — лучший продукт питания для ребенка, оно же при заболеваниях малыши служит и самым лучшим лекарством. Это знает любая кормящая мать. Но на печальном примере одного из селений Нормандии врачи установили, что смертность среди детей, вскармливаемых искусственно, в течение многих лет была заметно ниже, чем среди детей, питавшихся молоком матери. Дети же, оставшиеся в живых, отставали в развитии, если продолжали получать материнское мо-

доко. Очевидной была связь этого непонятого на первый взгляд явления с высоким винопотреблением женщин в том селении.

Механизм отрицательного действия алкоголя, употребляемого кормящей матерью на организм сосунка, сложен. Во-первых, микродозы спирта, проникая вместе с молоком матери в организм ребенка, оказывают на него прямое токсическое влияние. Во-вторых, под действием алкоголя ухудшаются питательные свойства молока: оно становится жидким, в нем падает содержание белков.

Разумеется, особенно токсичны для грудного ребенка употребляемые матерью крепкие алкогольные напитки. Но далеко небезвредны и легкие вина, любые сорта пива.

Очень нагляден случай, описанный одним швейцарским врачом. Он был приглашен к полугодовалому ребенку, у которого каждый понедельник и четверг регулярно разражались судорожные припадки, как при эпилепсии («падающая болезнь» — народное наименование этого страдания).

Благодаря острой наблюдательности врач сумел разгадать причину эпилептиформных припадков у своего маленького пациента. Он обратил внимание на то, что кормилицу ребенка дважды в неделю, по воскресеньям и средам, освобождали на несколько часов, и она уходила в город, где всякий раз напивалась в одном из кабачков. На следующий день ребенок получал с молоком кормилицы небольшую дозу спирта, вполне достаточную, однако, для того, чтобы спровоцировать тяжелое отравление с развернутым судорожным припадком. Как только по требованию врача и родителей ребенка кормилица прекратила алкогольные возлияния, состояние малыша нормализовалось.

Наконец, злоупотребление алкоголем делает мать неспособной воспитывать своих детей. Ведь даже если сама мать полностью воздерживается от алкоголя, но спиртными напитками злоупотребляет отец, женщина становится нервной, раздражительной, вследствие чего заметно страдает ребенок. Пьянство матери усугубляет положение.

Еще Аристотель говорил: «Женщины, предающиеся пьянству, рожают детей, похожих в

этом отношении на своих матерей». И дело, несомненно, не столько в наследственности, сколько в скорбных семейных традициях, сколько в полном отсутствии хотя бы намека на заботу алкоголички о воспитании своих детей.

И вот дети алкоголички либо растут в крошечном аду, когда пьют отец и мать, либо с пеленок почти полностью предоставлены сами себе, ибо не пьющий отец, если он жил в семье, вскоре оставляет алкоголичку (59 процентов женщин, страдающих алкоголизмом, разведены). Нередки случаи, когда у алкоголички полностью исчезают привязанность и какой-либо интерес к собственным детям. Обычно в такой ситуации детей берут на воспитание родственники или же по решению суда их направляют в детские и исправительные дома. Взрослые дети в большинстве случаев полностью порывают с родителями-алкоголиками, не поддерживают с ними никаких связей.

Алкоголички, как уже говорилось, часто склонны связывать свое болезненное пристрастие к алкоголю с крахом семейной жизни и другими бытовыми невзгодами. Однако почти всегда картина обратная. Пьянство женщины приводит к естественному результату: потере семьи.

И в условиях полного равноправия с мужчиной женщина остается воспитательницей, блюстительницей порядка, хозяйкой в доме. Она мать. Она жена. Она — воплощение доброты, мягкости, поэзии в жизни. Ей принадлежит особая роль в человеческом обществе. И злоупотребление алкоголем никак не совмещается в сознании с женственностью.

Мы хотим обратиться к девушкам, к молодым женщинам, рука которых протянулась впервые к рюмке: остановитесь! Нет оправдания женскому алкоголизму ни в каких обстоятельствах и трудностях судьбы. Кто не начал пить — не сопьется. Говорить об этом закономерным алкоголичкам — поздно. Их надо серьезно лечить. А вы, молодые — остановитесь! У вас еще все впереди. И пусть это «все» будет светлым и всегда весенне-радостным.

г. Москва.

Н а ш и а в т о р ы

НЕБОГАТОВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Родился в 1921 г. в г. Гурьевске Кемеровской области. Участник Великой Отечественной войны. Автор сборников стихов «Солнечные дни», «Моим землякам», «Лирика», «Свет в окне», «Спасибо сентябрю», «Земной поклон» и других.

Член Союза писателей. Живет в Кемерове.

КОЛМОГОРОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Родился в 1948 году. Печатался в альманахе «Огни Кузбасса».

Автор сборника стихов «На земле светло».

Живет в Кемерове.

КИСЕЛЕВ ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ. Родился в 1933 г. в с. Павловское на Алтае. Окончил Новосибирский педагогический институт. Автор сборников стихов «Перецвет», «Ярославна», «Четыре дождя», «Человек приходит к человеку».

Член Союза писателей. Живет в Кемерове.

КОНЬКОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ. Родился в 1935 г. в с. Талое Красноярского края. Окончил Литературный институт им. Горького. Работает редактором областного радио. Печатался в альманахе «Огни Кузбасса».

КУРОПАТОВ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ. Родился в 1939 г. в с. Кузедеево Кемеровской области. Окончил Новокузнецкий педагогический институт. Автор книги рассказов «Пожили-поработали».

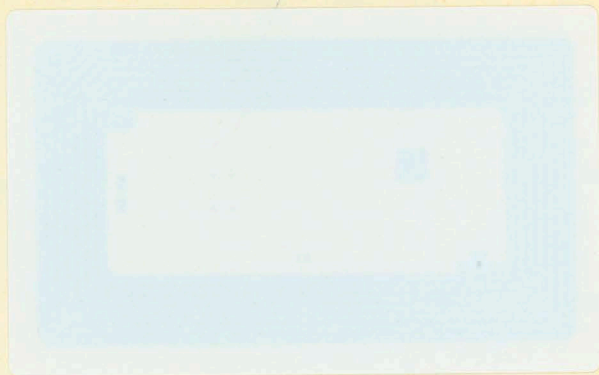
Живет в Кемерове.

ДРУЧИН ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ. Работает в геологической партии. Публиковался в альманахе «Огни Кузбасса», сб. «Фантастика», коллективных сборниках.

НИКОНОВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВНА. Окончила Новокузнецкий педагогический институт. Автор сборника стихов «Скрипичный ключ» (Кемерово).

Живет в Новокузнецке.

ГЛАДКОВА МУЗА ИВАНОВНА. Врач-психиатр Московской психиатрической больницы.

Книга должна быть возвращена не позже
указанного здесь срока

	19/			

КемПК, 1977 г. Заказ № 6704

Цена 50 коп.

КЕМЕРОВО 1978